

Л. И. ГИНЦБЕРГ

**ТЕНЬ
ФАШИСТСКОЙ
СВАСТИКИ**

**КАК
ГИТЛЕР
ПРИШЕЛ
К ВЛАСТИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Л. И. ГИНЦБЕРГ

ТЕНЬ ФАШИСТСКОЙ СВАСТИКИ

КАК ГИТЛЕР ПРИШЕЛ К ВЛАСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1967

Как могло получиться, что фашизм победил в такой высокоразвитой стране, как Германия? Как нацистам удалось повести за собой миллионы немцев разных классов общества? Был ли фашизм, как принято считать, признаком слабости господствующих классов? Вот уже больше трех десятилетий вокруг этих вопросов идет неутихающая полемика. Автор отвечает на них, опираясь не только на множество опубликованных материалов, но и на ценные документы из архивов ГДР и СССР.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

М. С. ВОСЛЕНСКИЙ

Введение

«...Спрыгнувшие с машины полицейские атаковали демонстрантов. Толпа моментально рассеялась, группы полицейских преследовали тех, кто не успел скрыться в переулках или под воротами. На асфальте среди фуражек, шляп, зонтиков, тросточек и сумочек лежало десять или двенадцать неподвижных тел. К полицейскому автомобилю вели арестованных.

...Отсюда Фромайер видел, как то здесь, то там «зеленые» настигали бежавшего, сбивали его ударом дубинки на землю, снова поднимали и снова сбивали с ног».

Это — отрывок из романа немецкого писателя-коммуниста Ф. Вайскопфа «Лисси», действие которого происходит в Берлине в 1932—начале 1933 г. Сценка, чрезвычайно характерная для Германии того периода, когда фашизм бешено рвался к власти, вскармливаемый крупным капиталом.

Германия начала 30-х годов — это десятки тысяч людей, устремленных в едином порыве, на улицах, бесконечные митинги в самых крупных залах, наконец, ожесточенные вооруженные столкновения в городах и деревнях. С каждым месяцем нарастал накал классовой борьбы, обострялись ее формы. Фашисты еще были далеки от власти, но улицы уже обильно обогрела кровь сотен людей. Позади остался относительно спокойный период, временная стабилизация германского капитализма. Германия вновь, как в 1923 г., превратилась в арену непримиримых классовых конфликтов, от разрешения которых зависели не только пути ее собственного развития, но и исторические судьбы многих других народов.

Почему же Германия стала в начале 30-х годов фокусом всех противоречий капиталистического общества? Почему здесь возникла «коричневая чума» — фашизм, почему он сумел укрепиться в высокоразвитой промышленной стране, располагавшей хорошо организованным рабочим классом, прочными традициями пролетарской борьбы? Вот уже более трех десятилетий историки разных стран, и прежде всего немецкие, пытаются ответить на эти вопросы.

Дать исчерпывающее объяснение нелегко, ибо причины, приведшие к трагическому для народных масс исходу, весьма многообразны, к тому же их упорно запутывают реакционные буржуазные историки. Они преследуют при этом две цели: во-первых, обелить те общественные силы — крупных капиталистов и помещиков-юнкеров, которые привели фашистов к власти и несут тяжелейшую историческую вину за все преступления гитлеризма, а, во-вторых, помешать трудящимся капиталистических стран сделать необходимые выводы из тяжелого поражения германского пролетариата в 1933 г. Между тем уроки событий начала 30-х годов (особенно 1932 г.) в Германии чрезвычайно важны, они сохраняют свою актуальность и в наши дни, предостерегая народные массы от повторения подобных роковых ошибок и напоминая о том, что порождает фашизм.

Для того чтобы понять, что вызвало невиданную остроту классовой борьбы в Германии тех лет, надо прежде всего представить себе положение, в котором она находилась после поражения в первой мировой войне. На Германию был наложен ряд ограничений, которые резко изменили ее положение на международной арене и сильнее всего повлияли на внутренние дела. Версальский договор, навязанный Германии империалистами стран Антанты, поставил германский народ под двойное ярмо — своих и иноземных империалистов. Тяжелым бременем легли на плечи трудящихся репарационные платежи, взимание которых было рассчитано на многие десятилетия. Экономическими трудностями Германии воспользовались иностранные, в первую очередь американские, империалисты. Их капиталы после инфляции 1923 г. все более внедрялись в экономику страны, делая ее особенно подверженной воздействию колебаний конъюнктуры, а тем более кризисов.

Не менее серьезными были последствия поражения и неравноправного положения, в котором очутилась Германия, для внутрисполитического развития страны. Версальский договор, который В. И. Ленин охарактеризовал, как разбойничий, грабительский, ущемлял национальные чувства немцев и явился благодатной почвой для распространения реваншистских настроений. Особенное значение имела в этом смысле статья договора, устанавливавшая исключительную ответственность Германии за возникновение первой мировой войны. Демагогически используя несправедливый характер Версальского договора, германские фашисты разжигали реваншизм, что имело первостепенное значение для выполнения замыслов германского империализма. В то же время в политической жизни Германии периода Веймарской республики (названной так по имени города, где в 1919 г. была принята буржуазно-демократическая конституция) все возрастала роль военщины.

Двойной гнет ухудшил положение трудящихся масс Германии и способствовал обострению классовых противоречий. Первое пятилетие существования республики (1919—1923) было заполнено бурными революционными выступлениями рабочего класса; в отдельных случаях (например, в 1923 г.) они ставили под вопрос само существование капиталистического строя в Германии. Громадное значение имело создание на рубеже 1918—1919 гг. Коммунистической партии Германии, возглавившей массовые выступления трудящихся, их борьбу за свержение капиталистического строя. Но большая часть рабочего класса все еще продолжала верить тем деятелям, которые сулили социализм как результат постепенных реформ, проводимых посредством соглашения с буржуазией. Этот чуждый марксизму принцип лежал в основе деятельности социал-демократической партии. Ее руководство всячески стремилось сохранить раскол рабочего класса на две партии, являвшийся главной причиной всех неудач освободительной борьбы германских трудящихся.

В 1924 г. Германия, как и ряд других стран капиталистического мира, вступила в период частичной, относительной стабилизации. После тяжелых потрясений 1923 г., когда оккупация Рурской области франко-бельгийскими войсками вызвала небывалую инфляцию, дезорганизовавшую всю экономику страны, пародное хозяйство начало

довольно быстро восстанавливаться. Решающую роль в этом, как известно, сыграли миллиардные займы, предоставленные Соединенными Штатами Америки и Англией, рассчитывавшими превратить Германию в орудие экономического закабаления и военного подавления Советского государства. В 1927 г. промышленное производство в Германии достигло уровня 1914 г., а вскоре превысило его. Германия с каждым годом увеличивала экспорт готовых изделий, отвоевывая прежние и завоевывая новые рынки. Возрастал военно-промышленный потенциал, о чем неусыпно заботились господствующие классы страны, ни на минуту не забывавшие о реванше, хотя и считавшиеся с необходимостью до времени отложить его реализацию.

Многочисленные симптомы свидетельствовали о неустойчивости этой стабилизации. Подъем промышленного производства несколько раз сопровождался спадами, безработица приобрела хронический характер, охватывая в отдельные моменты 1,5 млн. человек. Тем не менее подлинные властители страны — промышленные и банковские магнаты — были полны оптимизма. Германия при деятельной помощи Англии и США освобождалась от некоторых ограничений, установленных Версальским договором. Она была принята в Лигу наций и получила место постоянного члена Совета лиги, т. е. фактически вернула себе ранг великой державы. Германия все упорнее саботировала репарационные платежи и неоднократно добивалась их пересмотра. Наиболее откровенно сформулировал радужные настроения бизнесменов председатель главной организации немецких предпринимателей — Союза германской промышленности — Дуисберг из «ИГ Фарбениндустри», выступая в сентябре 1929 г. на собрании союза, этого штаба крупного капитала. Он выразил удовлетворение положением и не преминул подчеркнуть, что капиталистическая система «оправдала себя»¹.

Это было произнесено в самый канун мирового экономического кризиса, равного которому еще не знал капиталистический мир. Именно в связи с кризисом в Германии вновь развернулись напряженнейшие классовые бои, и он все более способствовал их обострению.

---

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее: ЦГАОР), ф. 4459, ед. хр. 416.

ГИТЛЕРОВЦЫ РВУТСЯ К ВЛАСТИ

Восемь миллионов безработных

В октябре 1929 г. катастрофа на нью-йоркской бирже возвестила начало глубочайшего кризиса перепроизводства, охватившего на целых четыре года всю экономику капиталистических стран и имевшего ряд серьезных социальных последствий. С особой силой кризис обрушился на Германию, чье «процветание» зиждилось в немалой степени на иностранных займах и чья экономика еще не вполне оправилась после инфляционной разрухи. Экономический кризис резко обострил все антагонизмы и противоречия, характерные для веймарской Германии, и вызвал коренные изменения в положении отдельных классов, в соотношении их сил. Поэтому следует подробнее познакомиться с масштабами кризиса — бедствия, вызванного законами капиталистического производства.

Непрерывное падение производства продолжалось в Германии примерно до июля-августа 1932 г. К этому моменту общий объем промышленной продукции понизился по сравнению с докризисным уровнем на 40,6%. В некоторых отраслях производства, в особенности в тяжелой индустрии, падение было еще большим. Так, например, выплавка стали сократилась за указанный период на 64,9%, чугуна — на 70,3%. Продукция машиностроительной промышленности упала на 62,1%, а объем судостроения — более чем на 80%¹. Имелись целые районы,

¹ «Мировые экономические кризисы, 1948—1935 гг.», т. I, М., 1937, стр. 403.

промышленность которых бездействовала. В одной из наиболее развитых в индустриальном отношении областей — Верхней Силезии, входившей тогда в состав Германии, уже к началу 1932 г. все доменные печи бездействовали². Почти полностью прекратилось какое-либо строительство. За время кризиса в 2,5 раза упали обороты внешней торговли³. Для Германии, остро нуждавшейся в иностранной валюте (в связи с необходимостью вносить репарационные платежи), это было особенно ощутимо.

Кризис со всей наглядностью раскрыл неизлечимые язвы капитализма, одна из которых — хроническая недогрузка производственных мощностей. О степени загнивания германской экономики в те годы можно судить по тому, что в конце 1932 г. промышленные предприятия Германии использовались только на 33,4% своей мощности⁴.

Разительны были невиданные дотоле масштабы, которые приняла в период кризиса безработица. Она нарастала поистине катастрофическими темпами: в последнем кризисном году число полностью безработных составляло около 8 млн.⁵, несколько миллионов были частично безработными. Так, 2/3 металлистов Берлина, еще оставшихся на производстве, были заняты только 2—4 дня в неделю⁶. В 1932 г. оставалось без работы 43—45% членов профсоюзов, еще 22—23% работало неполную неделю. Ощутительно задела безработица также наиболее обеспеченную прослойку лиц наемного труда: к началу 1933 г. почти 600 тыс. служащих и чиновников не имели работы.

Бедственное положение безработных усугублялось тем, что большинство их не находило работы в течение двух, трех, а то и четырех лет. Эти люди, а вместе с ними и их семьи нередко были обречены на медленное умирание. В Германии существовало страхование от безработицы, но в ходе кризиса правящие круги во многом свели это страхование на нет. Были резко снижены не только размеры самих пособий, но и сроки их выдачи. «Нормальное» — как уже говорилось, сильно сокращенное за годы

---

² «Finanzpolitische Korrespondenz», 1932, N 7-8, S. 1.

³ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1933, S. 185.

⁴ «Мировые экономические кризисы», т. I, стр. 575.

⁵ «СССР и капиталистические страны». М., 1933, стр. 15.

⁶ ЦГАОР, ф. 5667, оп. 1, ед. хр. 103, л. 30.

кризиса — пособие получали в 1932 г. только 15,4% официально зарегистрированных безработных⁷. Из числа служащих, лишенных работы, пособием пользовалась лишь половина. За всеми этими цифрами стояли сотни тысяч человеческих трагедий. Не случайно в период кризиса в Германии необычайно возросло число самоубийств; в среднем ежегодно 21 тыс. человек кончали с собой, отчаявшись найти какой-либо выход из тупика, в который завел их буржуазный строй⁸. Не менее страшен был моральный ущерб, наносимый годами вынужденного безделья и приводивший подчас к измене классовым позициям и переходу в ряды нацистов.

Кризис значительно ухудшил и положение тех пролетариев, которые оставались на производстве. Колоссальная безработица помогала капиталистам добиваться все нового снижения заработной платы. Общий фонд ее уменьшился с 1929 по 1932 г. на 20 млрд. марок, или почти вдвое⁹. Еще сильнее упала реальная зарплата; по некоторым данным, средний недельный заработок германского рабочего составлял в 1932 г. всего 21,74 марки при прожиточном уровне (заниженном буржуазной статистикой) в 39,05 марки¹⁰. Наступление капитала на жизненный уровень рабочего класса могло быть успешным лишь потому, что руководители социал-демократической партии и профсоюзов удерживали пролетариев от борьбы, аргументируя тем, что в условиях кризиса, мол, нельзя бастовать — имеется слишком много свободных рабочих рук. Эта теория, конечно, неверна, ибо она игнорирует классовую солидарность работающих и безработных; тем не менее в течение 1930—1931 гг. стачечное движение в Германии пошло на убыль. Снизились и число забастовок и в еще большей степени их продолжительность.

Значительное падение доходов рабочего класса тяжело отразилось на положении средних слоев города — ремесленников, мелких торговцев и т. п. Оборот ремесленного производства сократился с 20 млрд. марок в 1928 г. до 10,9 млрд. в 1932 г., обороты мелкой торговли — с 36,3 до

---

⁷ «Internationale Rundschau der Arbeit», 1933, N 8, S. 703.

⁸ «Правда», 9.XI 1931.

⁹ «Мировые экономические кризисы», т. I, стр. 405.

¹⁰ Ю. Кучинский. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 275.

23 млрд. марок¹¹. Между тем численность этих слоев была весьма велика: 5 млн., а если считать с семьями — 12—13 млн. человек.

Сельское хозяйство было охвачено глубоким кризисом, который переплетался с промышленным и усугублялся под влиянием последнего. Гигантская безработица и резкое снижение жизненного уровня трудящихся сильнее всего образом ограничили сбыт сельскохозяйственных продуктов. Их перепроизводство поддерживалось также политикой протекционизма. В результате сбор пшеницы, например, возрос с 33,5 млн. квинталов в 1929 г. до 50 млн. в 1932 г.¹² Протекционистские пошлины шли преимущественно на пользу юнкерам и кулачеству, ибо мелкие крестьяне, как правило, вели хозяйство с животноводческим уклоном; они не только не производили зерна на продажу, а, наоборот, вынуждены были прикупать хлеб и корма для скота. А только мелких и мельчайших хозяйств было в Германии свыше 5 млн.; составляя 77,8% всех хозяйств, они владели лишь 9,5% общей земельной площади!¹³ Угрожающе нарастали задолженность трудящихся крестьян банкам и как конечное следствие этого — число проданных с аукциона хозяйств. Все чаще усилия выплатить долги даже посредством снижения жизненного уровня до полной нищеты не могли спасти от разорения. А это означало почти верную смерть от голода, ибо найти работу в городе было невозможно.

Не удивительно, что столь резкое и длительное ухудшение положения подавляющего большинства населения страны вело к глубочайшим изменениям в расстановке классовых сил. Под воздействием экономического кризиса все более росло недовольство широких масс господствующей социальной системой. Недовольство это питалось политикой правительства, ставшего у власти весной 1930 г. — вскоре после начала экономического кризиса — и возглавлявшегося лидером партии центра Г. Брюнингом. Оно призвано было переложить тяготы кризиса на плечи трудящихся, сохранив прибыли финансового капитала. Орудием правительства служили чрезвычайные де-

¹¹ А. Сидоров. Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936, стр. 97—100.

¹² «Мировые экономические кризисы», т. I, стр. 407.

¹³ А. Петрушов. Аграрные отношения в Германии. М., 1945, стр. 39.

креты; издававшиеся в обход рейхстага на основании 48-го параграфа конституции. Этот параграф давал президенту возможность действовать диктаторски в случае «нарушения общественной безопасности». Правительство же, явно нарушая конституцию, осуществляло подобным путем финансовые программы, сводившиеся к постепенной ликвидации системы социального страхования, введению новых прямых и косвенных налогов, повышению ввозных пошлин на сельскохозяйственные продукты и т. п.

Наиболее далеко идущим из чрезвычайных декретов Брюнинга, выполнявшего волю магнатов крупного капитала, был декрет, принятый в начале декабря 1931 г. Помимо нового значительного снижения пособий по безработице, пенсий, жалования государственных служащих, он впервые вторгся в систему тарифных договоров, предписывая всеобщее снижение заработной платы до уровня начала 1927 г., т. е. в среднем на 10—15%¹⁴. Декреты правительства Брюнинга неизменно содержали пункты, приносившие какие-либо новые привилегии крупному капиталу в виде снижения налогов, предоставления субсидий и т. п. А летом 1931 г., в разгар острейшего финансового кризиса, поразившего Германию, правительство «оздоровило» за счет бюджета ряд обанкротившихся крупных банков, возместив им недостающие суммы в несколько сот миллионов марок.

Не менее важной его задачей, согласно замыслам монополистов, являлось ограничение демократических прав, ибо их сохранение делало невозможным невиданное наступление на жизненный уровень трудящихся масс, о котором шла речь выше. В течение 1930—1931 гг. правительство в значительной степени устранило рейхстаг от решения государственных дел, положив начало такому образу управления, при котором руководство страной фактически находилось в руках небольшой клики; видную роль в ней играл один из чинов военного министерства, генерал К. фон Шлейхер. Правительство Брюнинга значительно усилило гонения на демократические организации, всячески затрудняя их деятельность. Участились случаи запрета или роспуска митингов и собраний коммунистической партии, а также примыкавших к ней организаций,

---

¹⁴ «Hunger-Diktatur in Brüning Deutschland. Zur IV Notverordnung». Berlin, 1932, S. 4—8.

разгона рабочих демонстраций, нередко с кровавыми жертвами. Зато без особых препятствий проходила разбойничья деятельность фашистов всех мастей, представлявшая собой смертельную опасность для существования Веймарской республики, в верности которой присягали президент Гинденбург и его министры.

Своеобразие положения, сложившегося в Германии в годы мирового экономического кризиса, заключалось в том, что возмущение народных масс лишь частично вело к их полевению. Правда, Коммунистическая партия Германии усилила свое влияние, добилась серьезных успехов на выборах в рейхстаг и ландтаги земель (провинций), в фабрично-заводские комитеты. Но объективные условия для революционизирования трудящихся были неизмеримо большими. Главной политической силой, сумевшей использовать колоссальное недовольство «простых людей», явилась гитлеровская партия. Именно на нее сделали ставку те круги монополистического капитала, которые считали, что только фашистские методы могут обеспечить переход к непосредственной подготовке реванша, а затем и более дальних агрессивных замыслов.

Нацизм и его покровители

Германия с самого начала эпохи империализма была страной очень высокой монополизации производства. После первой мировой войны степень ее возросла еще более. Были созданы сверхгиганты — «Стальной трест» и «ИГ Фарбениндустрия», сосредоточившие в своих руках преобладающую часть производства в решающих для германской экономики отраслях — металлургической и химической. В тяжелой индустрии важное место занимала также группировка О. Вольфа—Штрауса—Клекнера, конкурировавшая со «Стальным трестом», где заправляли воротилы рурской промышленности Тиссен, Кирдорф, Феглер и др. В военном производстве, как и прежде, господствовал концерн Круппа, чей владелец к тому же в начале 30-х годов стал во главе Союза германской промышленности.

Электротехника была почти полностью монополизирована двумя компаниями — Вссообщей компанией электричества (АЭГ) и Сименса. Аналогичное положение было и в области морского судоходства, где главенствовали две

формы — «Норддейчер Ллойд» и «Гамбург — Америка». Промышленные монополии были тесно связаны с банками, среди которых самыми мощными являлись «Дейче банк» и «Дармштеттер.унд Национальбанк».

Между промышленно-банковскими монополиями шла упорная борьба за господствующие позиции в государственном аппарате, за преобладание в тех или иных политических организациях. Этим соперничеством, особенно острым в условиях послеверсальской Германии, объяснялось и обилие партий, представлявших различные группировки финансового капитала. Названия буржуазных партий, как правило, ни в какой мере не отражали их подлинного классового содержания; они были рассчитаны на обман масс и уловление избирателей. Национальная народная партия, Народная партия, Демократическая партия и т. д. — таковы были эти вывески; на деле за каждой из них стояли интересы определенных прослоек господствующего класса.

Основной политической силой крупной буржуазии до начала 30-х годов являлась Народная партия, связанная с воротилами тяжелой промышленности. Ее поддерживали, в частности, генеральный директор «Стального треста» Феглер, глава паровой линии «Гамбург — Америка» бывший рейхсканцлер В. Куно и другие магнаты капитала. Народная партия, всегда требовавшая «жесткой политики» по отношению к рабочему классу, в рассматриваемое нами время быстро эволюционировала в сторону крайней реакции, поддерживая фашистов. Такую же позицию занимали некоторые менее крупные буржуазные организации — Хозяйственная партия, кулацкая партия «Ландфольк» и др.

Важное место в политической жизни занимала католическая партия Центра, которой принадлежала руководящая роль в правительстве Брюнинга. Ее устойчивое влияние, особенно в западных и южных районах страны, объяснялось использованием авторитета церкви, с которой партия Центра составляла чуть ли не единое целое. С другой стороны, она была близка к одной из наиболее мощных германских монополий — «ИГ Фарбениндустри», а также к группировке «Дейче банк», Вольфа и Штрауса. Их интересам соответствовала в первую очередь политика правительства Брюнинга, стремившегося проводить фашизацию политического строя и восстановление военной

мощи постепенно, «холодным путем». Этот курс поддерживали Баварская народная партия, действовавшая в Баварии взамен партии Центра, Демократическая партия (с 1930 г. принявшая наименование Государственной) — представительница группировок буржуазии, особенно зависевших от внешних рынков, и Народно-консервативная партия, отколовшаяся от Национальной народной партии.

Последняя была одной из самых реакционных политических сил Германии, особенно с тех пор, как во главе ее стал А. Гугенберг, известный мракобес и шовинист, в прошлом генеральный директор концерна Круппа, а в веймарские времена владелец собственного концерна, в котором были объединены важнейшие средства пропаганды: информационные агентства, газеты, киностудии и т. п. До превращения гитлеровской партии в фаворита монополий Гугенберг и его единомышленники выступали от имени наиболее непримиримых элементов крупного капитала, а в еще большей мере от имени земельных магнатов-юнкеров, мечтавших о восстановлении монархии, о возрождении «господства сабли». Именно широкая поддержка со стороны Национальной партии вывела гитлеровцев из упадка, в котором они находились вплоть до конца 20-х годов.

Нацистская партия возникла в 1919 г. в обстановке разгула реакции после разгрома революционного авангарда германского пролетариата. Местом ее рождения не случайно был Мюнхен, город, где с особенной силой свирепствовали контрреволюционные банды, потопившие в крови Баварскую Советскую республику. Вскоре после создания фашистской партии во главе ее оказался австриец по национальности, шпик и демагог по призванию Гитлер. На первых порах нацистов финансировали только отдельные баварские предприниматели, например владелец известной фабрики роялей Бехштейн. С самого же начала своей деятельности гитлеровцы сделали ставку на безудержную социальную и национальную демагогию, что нашло свое отражение и в официальном названии их организации — Национал-социалистская рабочая партия. Это название, безусловно, свидетельствовало о широкой популярности социалистических идей, о стремлении Гитлера и его единомышленников проникнуть в ряды рабочего класса. Но будучи на деле представителями самой крайней реакции, нацисты имели в виду лишь использовать слово

«социализм» для обмана масс. Попытки фашистов привлечь на свою сторону пролетариат не принесли успеха. За ними, как правило, шли только некоторые слои мелкой буржуазии, особенно городской, деклассированные элементы, а также многие бывшие офицеры и унтер-офицеры, оставшиеся не у дел в связи с резким сокращением армии и кипевшие злобой на «ноябрьских преступников», как они именовали деятелей нового, республиканского режима.

Основным содержанием истерических речей Гитлера, а также выступлений его приверженцев — Геббельса, Розенберга, Геринга, Гесса и др. были пропаганда превосходства немцев над другими народами, воспевание «военных доблестей», безудержный антисемитизм, бесстыдная игра на недовольстве немецкого народа последствиями поражения — недовольстве, которое германские империалисты стремились использовать в своих антинародных целях. До 1923 г. нацистская партия была лишь одной из многочисленных реакционных групп и группок, лишенных сколько-нибудь серьезного политического значения. Положение изменилось, когда в Германии разразился глубокий политический кризис, толчком к которому послужила франко-бельгийская оккупация Рура в январе 1923 г. Осенью в стране сложилась революционная ситуация; буржуазия не на шутку опасалась за свою власть.

В этих условиях гитлеровская партия, намного превосходившая своих собратьев беззастенчивостью методов политической борьбы и сумевшая обзавестись новыми покровителями (среди них — один из крупнейших монополистов Германии Тиссен), значительно усилилась. Гитлера поддерживал кумир германской военщины генерал Людендорф; существовала также тесная связь с руководителями баварского правительства и командованием войск рейхсвера в Баварии. Опираясь на эти связи, нацисты и совершили 8 ноября 1923 г. в Мюнхене попытку государственного переворота — так называемый пивной путч (такое название он получил потому, что главные события этого дня развернулись в одном из пивных залов баварской столицы). Однако путч закончился позорным провалом: союзники Гитлера из баварского правительства и армейского командования резко переменили фронт, после чего войска без труда обратили немногочисленных сторонников Гитлера в бегство. Столь неожиданный для

нацистов исход их попытки захватить власть был обусловлен, во-первых, тем, что в начале ноября 1923 г. наиболее острый для германской буржуазии момент был уже позади, а основные революционные выступления подавлены. Во-вторых, путч показал, что гитлеровцы не обладают массовой базой, на которую они претендовали.

Нацистская партия вновь впала в безвестность. Правда, Гитлер, отсидевший в тюрьме лишь год вместо пяти, к которым он был приговорен, в 1925 г. напомнил о себе людоедской книгой «Майн кампф». Но в обстановке временной стабилизации капитализма политическая роль гитлеровцев была близка к нулю. И лишь конец этой стабилизации оживил деятельность фашистских демагогов. Они приобрели поддержку Гугенберга и его партии, а также крупнейшего монополиста Рура — Кирдорфа. Продолжал финансировать нацистов и Тиссен. Это позволило им начать с осени 1929 г. невиданную по масштабам пропагандистскую кампанию, в которой крайний шовинизм, реваншизм, расизм неизменно сочетались с самой беззащитной социальной демагогией. Фашисты не останавливались ни перед каким обманом, стремясь умножить число своих сторонников. И та, и другая сторона их пропаганды падала на благоприятную почву.

Выбитые из привычной колеи, лишенные какой-либо опоры люди мучительно искали выхода из создавшегося тупика. Путь революционной борьбы, на который звала коммунистическая партия, был неприемлем не только для подавляющего большинства представителей средних слоев, но и для многих рабочих, находившихся под влиянием руководства социал-демократической партии и реформистских профсоюзов. Фашисты же объясняли все беды предельно просто — «перенаселенностью» страны, мнимым недостатком «жизненного пространства». Они умело дифференцировали свой подход к различным общественным классам и группам, ловко учитывая наболевшие нужды каждой из них¹⁵. Гитлеровцы не скупились на фантастические обещания всяческих благ в случае своего прихода к власти, требуя взамен безоговорочной поддержки. Рабочим они сулили ликвидировать безработицу, установить «справедливую» зарплату; крестьянам — снизить про-

---

¹⁵ Г. Дмитриев. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 379—380.

центы по ипотечным долгам, от которых задыхались миллионы тружеников, прекратить продажу земли с торгов; мелким торговцам и ремесленникам — покончить с «процентным рабством», закрыть универмаги (которые, как они утверждали, являются цитаделью «еврейского капитала», жестоко эксплуатирующего «арийских тружеников»), снизить цены на сырье.

Все обещания, которые Гитлер и его подручные раздавали направо и налево, вопиюще противоречили друг другу; но это увидел бы лишь тот, кто стал бы сравнивать и анализировать заявления фашистских главарей. Сотни же тысяч, миллионы отчаявшихся людей — большей частью представителей мелкой буржуазии и крестьян — попадали в сети фашистской демагогии. Многие из них пополняли собой штурмовые отряды — ударную силу гитлеровцев, направленную против революционного пролетариата.

Эти отряды, ведшие планомерный террор против рабочих организаций и деятелей, прежде всего коммунистов, были в руках гитлеровской клики весьма важным орудием для достижения поставленной цели — захвата власти и установления фашистской диктатуры. Кровавый террор против инакомыслящих призван был подавить сопротивление наступлению фашизма, запугать его противников, деморализовать их. Нападения из-за угла превосходящими силами, изуверская жестокость — такова была тактика нацистов. Ее успех был возможен лишь ввиду потворства со стороны полиции и ввиду раскола рядов рабочего класса. Потворство гитлеровским штурмовикам, терроризировавшим трудовой люд, оказывали и суды веймарской Германии, выносившие фашистским убийцам исключительно мягкие приговоры, но зато проявлявшие невиданную суровость по отношению к пролетариям — коммунистам и социал-демократам.

Отпор нацистам мог быть гораздо более эффективным, если бы рабочие сплотили свои ряды для совместной борьбы против фашистской опасности, грозившей всему, чем дорожил и чем гордился германский рабочий класс. Но между коммунистами и социал-демократами не только не было единства, между ними шла ожесточенная полемика, вызывавшаяся в первую очередь упорной антикоммунистической позицией тех деятелей, которые стояли во главе социал-демократии и были связаны с буржуазией

долгими годами сотрудничества, а точнее — прислужничества. Эти деятели игнорировали предложения компартии об единстве действий в борьбе против наступления фашизма. Правда, кое-где на местах единство складывалось вопреки запретам руководства СДПГ, но массового характера подобные случаи не имели. В некоторой мере этому способствовали и сектантские ошибки КПГ, проявлявшиеся, в частности, в использовании вредного тезиса о превращении социал-демократии в социал-фашизм.

Гитлеровская партия уже в 1930 г. претендовала на полноту власти. Но отнюдь не все, кто направлял политический корабль, были согласны предоставить нацистам власть на таких основаниях. Многие из них опасались, что это приведет к гражданской войне или вызовет в условиях углубляющегося экономического кризиса резкое падение влияния нацистов, чего буржуазия тоже допустить не могла. Германские монополисты хорошо сознавали невозможность установить в один прием ничем не ограниченную диктатуру в такой стране, как Германия. Наличие многомиллионного рабочего класса, обладающего сильными организациями и навыками борьбы против реакции, делало это предприятие весьма рискованным. Вот почему правящие круги предпочли не торопиться с передачей власти гитлеровцам. По мысли магнатов капитала, окончательный переход к фашистской диктатуре не должен был выглядеть особенно разительным. В течение двух с лишним лет господствующие классы шаг за шагом создавали предпосылки для «законного» прихода фашистов к власти, ликвидируя или выхолащивая демократические права и свободы, предусмотренные веймарской конституцией.

Угроза установления господства крайней реакции стала реальнее в связи с консолидацией фашистских и профашистских организаций, происшедшей осенью 1931 г. на конференции в Гарцбурге. Она собрала представителей всех закоренелых в своей ненависти к прогрессу сил — крупных промышленников и банкиров, генералов, титулованную знать (в частности, двух сыновей бывшего кайзера Вильгельма II), остальбских юнкеров и т. п. Гарцбургский фронт, созданный тогда, хотя и раздирался внутренними противоречиями, умножил силы реакции, почувствовавшей себя еще более уверенно. Эта уверенность в успехе укреплялась и тем, что правительство,

против которого нацисты и их приспешники метали громы и молнии, искало связей с ними. Тайные переговоры с гитлеровцами вел уже упоминавшийся генерал Шлейхер, правая рука военного министра Гренера, ставшего при преобразовании правительства Брюнинга в октябре 1931 г. также министром внутренних дел.

Именно Гренеру принадлежат знаменательные слова, произнесенные в 1930 г.: «В политической жизни Германии не должен быть более сдвинут ни один камень, без того чтобы рейхсвер не сказал своего решающего слова»¹⁶. Эти претензии отнюдь не остались словами. Генералитет с каждым годом приобретал все больший удельный вес при решении вопросов, касавшихся судеб страны. Это был закономерный результат оттеснения рейхстага на второй, а то и на третий план и сосредоточения власти в президентском дворце, хозяином которого являлся завзятый милитарист и духовный глава германской армии, мечтавшей о реванше, — Гинденбург. И соображения генералитета играли огромную роль при определении позиции правительства по отношению к гитлеровской партии.

А соображения эти были противоречивы: милитаристам весьма импонировали шовинизм и реваншизм нацистов, их призывы к насильственной перекройке карты Европы; но генералы опасались конкуренции со стороны гитлеровских штурмовых отрядов, которые были гораздо многочисленнее рейхсвера. К началу 1932 г. в позиции армейской верхушки явно возобладали симпатии к фашистам. Вот почему Гренер отменил запрет нацистам служить на предприятиях, принадлежавших военному ведомству. Соответствующий приказ, отданный в январе 1932 г., министр мотивировал тем, что «и партии меняют свои взгляды», здесь же оговорив, что это не касается лишь коммунистической партии¹⁷. Приказ Гренера был с ликованием встречен нацистами, оценившими его как отступление рейхсвера¹⁸.

К тому же времени — 11 января — относится весьма лестная характеристика, которую Гренер, незадолго до

¹⁶ Цит. по: R. Fischer. Schleicher. Mythos und Wirklichkeit. Hamburg, 1932, S. 38.

¹⁷ «Ursachen und Folgen vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945». Bd. VII. Berlin, 1962, S. 562.

¹⁸ «Völkischer Beobachter», 17.I 1932.

этого впервые встретившийся с Гитлером, дал последнему на совещании в министерстве внутренних дел. Фашистский главарь оказался, по словам генерала, «симпатичным, скромным, порядочным человеком, стремящимся к лучшему». Его намерения и цели хороши, хотя не все средства приемлемы; генерал сказал Гитлеру, что он разделяет многие идеи «фюрера». Обращаясь к провинциальным властям, Гренер категорически потребовал, чтобы они «справедливо» относились к нацистам. «Бороться надо только против извращений, но не против самого движения», — заявил он¹⁹. Когда в феврале приказ Гренера о разрешении гитлеровцам работать на армейских предприятиях (за которым должно было последовать допущение их к службе в рейхсвере) обсуждался в рейхстаге, даже лидер социал-демократической партии Брейтшейд бросил Гренеру: «Я поражен терпимостью, которую Вы проявляете по отношению к национал-социалистам»²⁰. Сдвигами в позиции генералов объясняется и следующее высказывание Гинденбурга, также относящееся к февралю 1932 г.: «Становится все более ясно, что народ хочет Гитлера... Пусть тогда молодой человек покажет, на что он способен»²¹. Но эта точка зрения еще не возобладали окончательно ни у командования рейхсвера, ни у Гинденбурга.

Политическое влияние нужно было германской военщине не как самоцель, а как гарантия ускорения подготовки новой войны. Не удивительно, что в период жесточайшего экономического кризиса, когда бюджетные расходы на социальные нужды подверглись беспощадному сокращению, ассигнования на военные приготовления не только не снизились, а, наоборот, выросли. Большие средства выделялись на развитие самолетостроения. Предметом особенных забот правящих кругов было укрепление восточных границ Германии — как подготовительная мера к агрессии против непосредственных соседей и против Советского Союза. Этой цели служила непрекращавшаяся

---

¹⁹ D. Groener-Geyer. General Groener. Soldat und Staatsmann. Frankfurt-am-Main, 1955, S. 285—286; «Neue Dokumente zur Geschichte der Reichswehr 1930—1933». — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1954, N 4, S. 417.

²⁰ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 446, S. 2277.

²¹ W. Zechlin. Pressechef bei Ebert, Hindenburg und Kopf. Hannover, 1956, S. 123.

пропагандистская кампания за «освобождение» территорий, возвращенных после первой мировой войны Польше и Чехословакии; в реваншистских выступлениях активное участие принимали не только фашисты и члены реакционных военизированных союзов типа «Стального шлема», но и министры во главе с самим рейхсканцлером, кичившимся своим фронтовым прошлым, а более всего — участием в борьбе против революции 1918 г. Особенно шумную известность заядлого реваншиста снискал министр транспорта Тревиранус, в прошлом морской офицер, а затем видный деятель Национальной партии (Тревиранус покинул ее в конце 1929 г. ввиду тактических разногласий с Гугенбергом). Правительство в целом получило название «кабинет фронтовиков».

Но полностью о масштабах военных приготовлений знал только весьма ограниченный круг лиц, имевших отношение к финансированию вооружений. Ибо прямыми бюджетными ассигнованиями отнюдь не исчерпывались средства, которые милитаристы в полном единодушии с политическим руководством грабительски изымали из резко сократившегося за время кризиса бюджета. Многомиллионные суммы направлялись в руки военщины тайным образом — с ведома и одобрения правительства, причем эти суммы постоянно росли²². Тайное вооружение и военное производство были в Германии «секретом полишинеля», но тем не менее власти по наущению командования рейхсвера жестоко преследовали всех, кто пытался разоблачать эти явления. Наиболее известным из такого рода случаев был судебный процесс над мужественным антимилитаристом и антифашистом К. фон Осецким²³, напечатавшим в редактируемом им журнале «Вельтбюне»

---

²² «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal», v. XXXIV, p. 603, doc. 156-c.

²³ Осецкий был лишь одним из деятелей левобуржуазной интеллигенции, активно участвовавшей в борьбе против фашизма и милитаризма. К этой группе принадлежали также писатель К. Тухольский, художник Г. Гросс, режиссер Э. Пискагор и др. (См. Н. Н а б е д а н к. *Der Feind steht rechts*. Berlin, 1965). В период президентских выборов (о них ниже) К. Осецкий призвал голосовать за кандидата коммунистической партии Э. Тельмана; он решительно добивался преодоления раскола рабочего класса. Но вместе с тем левобуржуазным интеллигентам были свойственны некоторые предвзятые представления, мешавшие им занять четкие позиции по ряду важнейших вопросов классовой борьбы.

статью о тайном вооружении. Военный министр Гренер настойчиво добивался осуждения Осецкого. Целью военной, как откровенно писал Гренер в письме Брюнингу от 10 сентября 1931 г., лишь недавно увидевшем свет, было пресечь возможность появления подобных материалов в будущем, особенно ввиду приближения конференции по разоружению. Гренер выражал тревогу насчет того, что «распространяемый французами тезис об опасных тайных вооружениях (Германии. — Л. Г.) вновь будет подтвержден «разоблачениями» немецких пацифистов»²⁴. И в мае 1932 г. Осецкий, осужденный на полтора года заключения в крепости, вынужден был сесть за решетку.

Абсолютные величины уровня вооружений, достигнутые к тому времени, еще были, однако, невелики, и одной из причин этого служили ограничения; обойти их пока было все же нельзя. Ухудшение экономического положения, конца которому не предвиделось, и связанный с этим рост революционных настроений лишь укрепляли магнатов капитала в стремлении коренным образом изменить политическую обстановку, чтобы устранить внутренние помехи для форсированной подготовки реванша. Отсюда — растущий интерес их к гитлеровской партии, выразившийся, в частности, в приглашении Гитлеру выступить в начале 1932 г. в Индустриальном клубе в Дюссельдорфе. Это было излюбленное место встреч воротил тяжелой промышленности Рура; здесь выступали только «избранные» персоны, которые могли действительно чем-то заинтересовать подлинных хозяев страны — королей угля и стали.

Инициатива встречи с Гитлером принадлежала его давнему единомышленнику, одному из ведущих магнатов капитала Ф. Тиссену. Гитлер выступил в Индустриальном клубе 27 января 1932 г. Клуб был переполнен, как, пожалуй, еще никогда. Здесь собрались 300 человек — не только промышленники Запада Германии, но также предприниматели и банкиры из других частей страны, специально приехавшие в Дюссельдорф. Столь большой интерес вызывался тем, что предстояла не просто речь Гитлера, каких были сотни, а нечто вроде программного

---

²⁴ K. Grossmann. Ossietzky. Ein deutscher Patriot. München, 1963, S. 476—477.

выступления с характеристикой целей фашистской партии. Для собравшихся это было важно, в частности, потому, что некоторые идеологи нацистской партии (вроде Федера) не прекращали демагогии относительно «экспроприации крупных состояний», «ликвидации процентного рабства» и т. п. Те, кто ворочал миллионными состояниями и получал с них баснословные проценты, хотели услышать из уст самого «фюрера» ответ на свои вопросы.

И Гитлер вполне удовлетворил их. Его доклад представителям «делового мира» длился несколько часов. Опубликованный в виде брошюры текст доклада изменен (по сравнению с выступлением), но и он дает достаточное представление о том, какого рода положениями стремился Гитлер прельстить слушателей. Он ратовал за воссоздание крупной армии; касаясь усилий правительства Брюнинга добиться увеличения рейхсвера, Гитлер отрицал значение того, будет ли армия насчитывать 100 или 300 тыс. человек²⁵. Программа нацистов — а она соответствовала целям германского империализма — предусматривала создание *миллионных* полчищ. И это не могло не вызвать энтузиазма у собравшихся пушечных королей Рура. «Речь Гитлера, — пипет известный левобуржуазный историк Г. Хальгартен, — лишила вождей экономики последних сомнений в том, что его программа предусматривает вооружение Германии»²⁶.

Гитлер заявил далее, что причиной бедственного положения, в котором находится страна, является вовсе не Версальский договор, как на все лады трубила фашистская пропаганда. Нельзя, утверждал он, создать «сильную и здоровую Германию», если 50% населения настроено большевистски. Здесь слушатели наградили Гитлера горячими аплодисментами. Так же были встречены и многие другие места речи, в частности тезис о том, что белая раса может удержать свои позиции только при условии сохранения различного уровня жизни на земном шаре, и выпады против Советского Союза, по словам Гитлера, — самого крупного конкурента Германии в экономической области, и т. п. «Впечатление, произведенное Гитлером

²⁵ «Vortrag Adolf Hitlers vor westdeutschen Wirtschaftlern im Industrieklub zu Düsseldorf». München, 1932. S. 24.

²⁶ G.-W.-F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt-am-Main, 1955, S. 104.

на этот круг исключительно трезвых слушателей, — писал начальник отдела печати гитлеровской партии, сам выходец из того же сословия, — поразительно»²⁷. Почти в тех же словах охарактеризовал реакцию аудитории и инициатор выступления Тиссен. Отметив «глубокое впечатление», он сообщает о «ряде крупных взносов от тяжелой промышленности в кассы национал-социалистской партии», явившихся прямым следствием дюссельдорфской конференции²⁸. Казалось бы, уже это с головой выдает германский крупный капитал, хотя аналогичных фактов много и нам придется еще не раз говорить о них. Но именно роль промышленно-банковских воротил в приходе гитлеровцев к власти является предметом самых изощренных фальсификаций со стороны большинства буржуазных авторов, пишущих о данном периоде. В их работах или начисто отрицается тот факт, что нацистская партия была детищем монополистов, орудием для осуществления их сокровенных целей, или делаются попытки ограничить причастность крупного капитала к возвышению гитлеровской партии и передаче ей власти лишь «отдельными» промышленниками и банкирами, будто бы не выражавшими точки зрения влиятельнейших прослоек монополистического капитала. Несостоятельность этих попыток убедительно доказана не только в марксистской литературе, но и в исследованиях некоторых буржуазных ученых.

Борьба за пост президента республики

Полученные от монополий средства были для гитлеровцев как нельзя более кстати. В самом ближайшем будущем предстояли президентские выборы, в ходе которых нацистская партия надеялась если не завоевать пост президента республики, то во всяком случае значительно расширить число своих сторонников. Полномочия Гинденбурга истекали весной 1932 г., но закулисные переговоры, связанные с замещением поста президента, начались задолго до этого, еще осенью 1931 г. Инициатива исходила от Брюнинга, стремившегося добиться

²⁷ O. Dietrich. *Mit Hitler in die Macht*. München, 1934, S. 49.

²⁸ F. Thyssen. *I paid Hitler*. New York—Toronto, 1941, p. 101.

соглашения всех буржуазных партий, а также организаций типа «Стального шлема» об единой кандидатуре Гинденбурга (которому в то время было уже за 80 лет и который был очень удобен для действий реакционной дворцовой камарильи). При этом Брюнинг имел в виду в нарушение конституции отказаться от предусмотренного порядка выборов (посредством всенародного голосования), продлив срок президентских полномочий Гинденбурга на несколько лет решением $\frac{2}{3}$ депутатов рейхстага.

С этим планом солидаризировались не только партии правительственной коалиции, но и руководство социал-демократии; для вида оно лишь оговорило свое согласие требованием, чтобы Гитлер принял кандидатуру Гинденбурга без каких-либо условий. После предварительного зондажа (при посредстве Шлейхера) 7 января 1932 г. произошла первая встреча Брюнинга с Гитлером, организованная, как и дюссельдорфская конференция, стараниями Тиссена. Во время этой встречи Брюнинг и Гитлер обсуждали отнюдь не только вопрос о продлении полномочий президента, но и более широкий круг проблем, касавшихся судеб страны²⁹. По некоторым сведениям, Брюнинг обещал Гитлеру взамен согласия на поддержку Гинденбурга уступить пост рейхсканцлера, но лишь после успешного окончания важных переговоров с иностранными государствами об отмене репараций и о легализации перевооружения Германии³⁰. Вопрос о репарациях был как раз в то время официально поднят Брюнингом, заявившим, что Германия и после истечения годичного моратория, объявленного в 1931 г. президентом США Гувером, не может возобновить выплату репараций; было решено созвать конференцию для рассмотрения этого вопроса. Предстояли и переговоры о ремилитаризации, которые германское правительство приурочивало к всемирной конференции по разоружению.

Стремление Брюнинга добиться соглашения по этим вопросам до включения фашистов в правительство объяснялось тем, что в других странах, даже в среде господствующих классов, были весьма велики опасения

---

²⁹ P. Merker. Deutschland. Sein oder nicht sein, Bd 1. Mexico, 1944, S. 228.

³⁰ «Kölnische Zeitung», 1.VI 1933.

насчет политики гитлеровцев после их прихода к власти. Правда, Гитлер, желая завоевать на свою сторону американских и английских монополистов, чья поддержка была очень важна для германского фашизма, не скупился на успокоительные заявления, лейтмотивом которых была совместная заинтересованность в борьбе против «угрозы коммунизма». Сенсационный характер носило сделанное им в начале декабря 1931 г. на пресс-конференции для англо-американских журналистов заявление, что его правительство будет уважать частные долги Германии³¹. То был ловкий ход, который привлек на сторону фашизма многих иностранных капиталистов, весьма сочувствовавших человеконенавистническим идеям Гитлера, но опасавшихся за судьбу своих вложений в Германии. Изживание этих опасений было, однако, еще впереди, а пока правящие круги Германии, державшие курс на аннулирование репарационных платежей и отмену статей Версальского договора, ограничивавших вооружение Германии, не хотели рисковать, предпочитая добиться этого руками Брюнинга, слывшего сторонником сотрудничества с западными державами.

На предложения Брюнинга Гитлер в конечном счете ответил отказом. В планы фашистов не входила поддержка Гинденбурга без немедленного предоставления им власти. Наоборот, избирательная кампания, которая проходила бы в условиях нарастающего экономического кризиса, предоставляла им огромные возможности для безудержной демагогии и расширения своей массовой базы. Именно на это и пошли крупные суммы, полученные в Дюссельдорфе, а затем и в других городах Рура, которые посетил в январе 1932 г. Гитлер³². 8 февраля Геббельс записал в своем дневнике: «Финансовое положение улучшается с каждым днем. Финансирование избирательной кампании почти обеспечено»³³. Оно было обеспечено, как никогда ранее; в ходе кампании гитлеровцы побили все рекорды и по количеству митингов и собраний, и по числу оплачиваемых докладчиков. Что же касается Гитлера, то к его услугам даже имелся самолет — тогда еще новинка в политической практике, при

³¹ «New York Times», 5.XII 1931.

³² А. Норден. Уроки германской истории. М., 1948, стр. 97.

³³ J. G ö b b e l s. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Berlin, 1934, S. 42.

помощи которого фашистский главарь получил возможность выступить в течение одного дня на нескольких митингах. Небезынтересно, что из своего отказа от поддержки Гинденбурга Гитлер попытался извлечь политический капитал, демагогически выставив себя... защитником конституции от попытки нарушения ее правительством! Отрицательную позицию по отношению к предложениям Брюнинга заняла также Национальная партия.

Выборы президента были назначены на 13 марта 1932 г. Это было политическое событие первостепенной важности. Речь шла о путях дальнейшего развития страны, ибо в создавшейся обстановке президент фактически сосредоточил в своих руках всю власть. Большое значение имело и выявление — в результате всенародного голосования — сравнительной силы политических партий, ее изменений за время, прошедшее после последнего крупного волеизъявления народа — сентябрьских выборов в рейхстаг 1930 г. Одним из кандидатов на пост президента был Гитлер, другим являлся сопредседатель «Стального плема» Дюстерберг, выдвинутый Национальной партией, отношения которой с гитлеровцами были в это время весьма далеки от идеала.

Для всех противников реакции жизненно важно было сплотиться вокруг какого-либо кандидата, который представлял бы миллионы антифашистов и мог побить Гитлера. Если бы удалось объединить вокруг одного лица голоса всех избирателей — коммунистов и социал-демократов, а также примыкающих к ним слоев населения, то именно этот кандидат и вышел бы победителем избирательной борьбы. Но при существовавших между обеими рабочими партиями отношениях это было совершенно нереально. Придерживаясь самоубийственной политики «меньшего зла», предполагавшей борьбу против гитлеризма посредством поддержки группировок реакционной буржуазии, стоявших у власти, социал-демократические лидеры отказались от выдвижения собственного кандидата. Слепленные антикоммунизмом, они с самого же начала решили поддержать реакционера Гинденбурга. Их избранником стал тот самый кайзеровский фельдмаршал-милитарист, против которого они с таким рвением агитировали семь лет назад, характеризуя его как неисправимого приверженца монархии и сторонника

абсолютистского образа правления. Руководители социал-демократии прекрасно знали, что Гинденбург был избран в 1925 г. исключительно голосами правых, кумиром которых он являлся и в угоду которым он в течение последних лет постепенно ликвидировал буржуазную демократию в Германии. Тем не менее они на все лады твердили, будто Гинденбург представляет «часть буржуазии, ведущую жесточайшую (!) борьбу против открытого, грубого фашизма»³⁴.

Это писалось в то время, когда президент и его окружение уже разрабатывали дальнейшие шаги по пути фашизации политического строя и подготовки реванша. Лидеры СДПГ воспользовались тем, что Гинденбург выступал на выборах конкурентом Гитлера, для перекрашивания старого реакционера в «прогрессивного деятеля». Так, орган «молодых» социал-демократов уверял: «Что бы ни случилось, Гинденбург будет соблюдать конституцию, ее дух и букву»³⁵. А председатель фракции СДПГ в прусском ландтаге Гейльман писал: «Мы можем обвинять господ, окружающих Гинденбурга, в чем угодно, но человек, которого мы знаем уже семь лет в качестве президента, никогда (!) не будет президентом... при национал-социалистском правительстве»³⁶. Меньше чем через год Гинденбург призвал к власти Гитлера, а спустя несколько месяцев после этого Гейльман погиб в одном из концлагерей Третьей империи.

Но и весной 1932 г. правящий лагерь не отказывался от соглашения с гитлеровцами. Это выяснилось вскоре после прихода фашистов к власти, на процессе бывшего министра Гереке, отданного нацистами под суд под предлогом денежных злоупотреблений во время президентских выборов. Гереке ведал делами комитета по избранию Гинденбурга, в который входили многие видные представители промышленного мира, помещики, деятели буржуазной культуры. Выступая на процессе в качестве свидетелей, близкие к Гинденбургу лица, в том числе Тревиранус, говорили, что главной целью «круга, к которому мы принадлежали», уже тогда было объединение всех «на-

---

³⁴ «Vorwärts», 27.II 1932.

³⁵ «Neue Blätter für den Sozialismus», 1932, N 3, S. 119.

³⁶ «Das freie Wort», 1932, N 6, S. 3.

циональных сил», что означало включение гитлеровцев в правительство ³⁷.

Имелось сколько угодно свидетельств того, что кандидат Брюннга и социал-демократических лидеров всей душой со своими единомышленниками из лагеря крайне правых, объединиться с которыми ему мешали острые противоречия монополистических групп. Гинденбург совершенно не скрывал своего недовольства тем, что он вынужден выступать в качестве кандидата «умеренных», а особенно социал-демократов. Уже в середине февраля поверенный в делах США в Берлине сообщал в госдепартамент о разочаровании Гинденбурга тем, что он не сумел добиться поддержки «Стального шлема» (почетным председателем которого он был) ³⁸. В своей переписке Гинденбург высказывался еще определеннее. «Со всей категоричностью, — писал он, например, одному из крупнейших помещиков Восточной Пруссии, фон Бергу, — буду я противиться тому, чтобы меня, вопреки правде, изображали кандидатом левых или черно-красной коалиции» ³⁹. А после выборов Гинденбург горько жаловался, что за него голосовали «соци» и католики, почти одинаково неприятные ему, а не «его люди» ⁴⁰.

Таким образом, руководство СДПГ, обманывая рабочих лозунгом «Выбирайте Гинденбурга — бейте Гитлера!», с головой выдавало массы Гитлеру, лишь ожидавшему своего часа. Этот эпизод — один из самых позорных в истории германской социал-демократии. Нельзя без негодования читать призывы, заполнявшие в те месяцы страницы социал-демократических изданий. «Заря свободы разгорается, — говорилось в одном журнале. — В тяжелых муках из капитализма рождается социализм... В этом смысл президентских выборов... Кто осознал это, будет голосовать за Гинденбурга» ⁴¹. По существу правые деятели, стоявшие во главе социал-демократии, — Вельс, Штампфер, Фогель и др. — верну-

---

³⁷ «Berliner Tageblatt», 31.V 1933.

³⁸ См. E. Beck. The Death of the Prussian Republic. Tallahassee, 1959, p. 230.

³⁹ «Hindenburg zwischen den Fronten 1932». — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1960, N 1, S. 80—81.

⁴⁰ W. Zechlin. Pressechef bei Ebert, Hindenburg und Kopf, S. 119.

⁴¹ «Das freie Wort», 1932, N 11, S. 5.

лись к своей предательской политике периода первой мировой войны, когда они славословили кайзеровского фельдмаршала Гинденбурга, выдавая военную каторгу за прообраз социализма.

В погоне за массами

В первом туре выборов фигурировало три буржуазных кандидата — Гитлер, Гинденбург и Дюстерберг, — а также представитель трудового люда Тельман. Избирательная кампания проходила в необычайно острой борьбе, которая нередко приобретала форму кровавых столкновений. Фашистские молодчики форменным образом терроризировали своих политических противников, включая буржуазные партии, выступавшие в поддержку Гинденбурга. Последний имел возможность познать на себе всю разнузданность гитлеровских нападков, не останавливавшихся ни перед чем. Фашистские приемы обработки и оболванивания масс стали к этому времени еще более изощренными и гибкими. Гитлеровцы предпринимали колоссальные усилия для завоевания преобладающего влияния на крестьянство, не минуя ни одной деревни, ни одного хутора. Больших успехов — по сравнению с тем, чего они достигли в сентябре 1930 г. — фашисты добились в привлечении на свою сторону разоренных мелких собственников — ремесленников, лавочников, а также лиц свободных профессий.

Фашистская партия приближалась к зениту своей популярности. Она все решительнее выдвигала претензии на государственную власть. Как мы видели, влиятельные круги промышленно-банковского мира, высшего чиновничества и генералитета выступали за привлечение нацистов в имперское правительство, но лишь немногие высказывались за предоставление им всей полноты власти. Такая точка зрения (ее, несмотря на симпатии к гитлеровцам, придерживался и Гинденбург, считавший, что для подобного эксперимента времена слишком серьезны ⁴²) учитывала влияние сил, являвшихся непримиримыми противниками фашизма; они должны были оказать ожесточенное сопротивление его приходу к власти. Оставались и опасения перед имевшимися в нацистской

---

⁴² «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1960, N 1, S. 78.

партии радикальными элементами, настроенными антикапиталистически. Эти элементы были в значительной степени сосредоточены в штурмовых отрядах, где время от времени происходили «мятежи» недовольных, выступавших, в частности, против все более явного смыкания верхушки гитлеровской партии с крупным капиталом.

Социал-демократия на словах выдавала себя за принципиальную противницу фашизма. Она широко рекламировала созданный ею в начале 1932 г. «Железный фронт», включавший в себя связанные с партией массовые организации — реформистские профсоюзы, военизированный «Рейхсбаннер» и др. Но политика «меньшего зла» сводила весь «антифашизм» СДПГ на нет. В соответствии с этой политикой руководство партии стремилось избежать массовых выступлений, а более всего заботилось о предотвращении единого фронта с коммунистами. Трудно было придумать что-либо более чудовищное для углубления раскола рабочего класса, чем голосование социал-демократов за Гинденбурга, который в течение долгих лет был олицетворением всего непримиримо враждебного интересам трудящихся. Это не могло не вырыть еще большую пропасть между обеими рабочими партиями.

Единственным последовательным борцом против фашистской угрозы была коммунистическая партия, видевшая свою главную задачу в создании монолитного единства пролетариата. Коммунистическая партия вела неутомимую работу в массах, разъясняя им существо политических событий, беспощадно разоблачая планы буржуазии, призывая трудящихся к массовой внепарламентской борьбе против реакции и фашизма. На этом пути приходилось преодолевать невероятные трудности, вызывавшиеся расколом рабочих рядов, репрессиями, слабостью партии на предприятиях (результат массовой безработицы и стремления капиталистов в первую очередь избавиться от «смутьянов»).

Первый тур выборов не принес абсолютного большинства ни одному из кандидатов. Гинденбург, за которого голосовали миллионы социал-демократов, был весьма близок к избранию: он получил 18,6 млн. голосов, но это составило 49,6%, а не 50% с лишним, как того требовала конституция. В связи с этим возникла необходимость в проведении второго тура, где достаточно было

простого большинства; он был назначен на 10 апреля. Выборы обнаружили новое огромное парастание влияния гитлеровцев, собравших свыше 11 млн. голосов — почти вдвое больше, чем в сентябре 1930 г. Буржуазия добилась, таким образом, дальнейших успехов в сколачивании новой массовой базы, и это, естественно, серьезно усилило опасность установления фашистской диктатуры. Ввиду того, что у нацистов после первого тура не было реальных шансов получить власть посредством захвата поста президента республики, они всерьез подумывали о путче, который намечено было осуществить сразу же после объявления итогов второго тура выборов. Сведения об этом проникли в печать в начале апреля, когда прусское правительство опубликовало обширную документацию, не оставляющую сомнений в заговорщических замыслах гитлеровской клики, во всяком случае определенной группировки в ее составе, отражавшей недовольство тем, что приход к власти столь сильно затянулся. Это вызвало ответные меры правящих кругов, не заинтересованных, по соображениям, изложенным выше, в единодержавии нацистов.

Кандидат Национальной партии и «Стального шлема» Дюстерберг собрал всего 2,5 млн. голосов. Во втором туре он уже не фигурировал, а его сторонники в своей массе поддержали Гитлера. Накануне 10 апреля было опубликовано обращение, подписанное многими генералами, адмиралами, крупными дельцами, призывавшими голосовать за Гитлера. С таким же призывом обратился к народу и бывший кронпринц; правда, он сделал это лишь после провала плана выдвижения его собственной кандидатуры⁴³. В пользу избрания Гитлера высказался бывший командующий рейхсвером генерал Сект, все еще пользовавшийся большим влиянием среди офицерства⁴⁴. Эти факты весьма симптоматичны, и хотя они не могли повлиять на результат выборов, они свидетельствовали о переходе на сторону нацистов все новых прослоек господствующего класса.

Почти пять миллионов голосов получил на выборах представитель трудовых низов Э. Тельман. Отдать го-

⁴³ P. Hege. Kronprinz Wilhelm. Seine Rolle in der deutschen Politik. München, 1954, S. 208.

⁴⁴ F. von Rabenau. Seeckt. Aus seinem Leben. Leipzig, 1940, S. 665.

лоса за Тельмана призвали своих сторонников и лидеры левых социал-демократов, вышедшие в 1931 г. из СДПГ и образовавшие самостоятельную Социалистическую рабочую партию. Такую же позицию заняли некоторые революционно настроенные интеллигенты, не примыкавшие в какой-либо партии, в том числе К. Осецкий. По сравнению с выборами в рейхстаг, состоявшимися в сентябре 1930 г., коммунистическая партия выиграла около 400 тыс. избирателей; необходимо учесть, что в выборах президента участвовало значительно меньше избирателей-коммунистов, ибо шансы кандидата КППГ на избрание были так или иначе невелики. К сожалению, и сама партия в определенной степени способствовала неучастию части своих сторонников в выборах, преуменьшая их значение и требуя борьбы против «парламентского кредитизма»⁴⁵. Во втором туре указанные факторы сыграли еще более отрицательную роль.

В день выборов, 10 апреля, рупор тяжелой промышленности газета «Дейче бергверксейтунг» выступила с передовой статьей, в которой требовала решительного отказа от «сверхдемократии» и «сверхпарламентаризма», чем, по мнению ее издателей, характеризовался политический строй Веймарской республики. «Разве не пришло время, — спрашивала газета воротил тяжелой индустрии, — коренным образом изменить конституцию, используя для этого легальные средства?». Данный лозунг как бы символизировал главную цель господствующих классов, и он объединял обоих кандидатов буржуазного лагеря, хотя между ними и шла борьба. Спор между Гитлером и Гинденбургом, между стоявшими позади них группировками сводился не к принципам, а лишь к методам проведения общих для них замыслов, к выбору момента их реализации. «Эта избирательная борьба, — писал еженедельник «Вельтбюне», издаваемый К. Осецким, — не была борьбой между демократией и диктатурой. Это скорее спор двух конкурирующих фирм, борющихся за долю перед тем, как объединиться»⁴⁶.

Парадоксальность положения заключалась в том, что Гинденбург — во всем главном единомышленник Гитлера — взял над ним верх (чтобы осуществить свой ва-

⁴⁵ Фонды Государственного музея революции СССР, 8014/5, Д445—11П6, стр. 3.

⁴⁶ «Weltbühne», 1932, N 15, S. 539.

риант ликвидации буржуазной демократии в Германии) голосами рядовых социал-демократов, кровно заинтересованных в сохранении демократических свобод. Фельдмаршал-президент получил 19,3 млн. голосов. Гитлер — 13,4 млн. Число же голосов, поданных за Тельмана, по сравнению с первым туром уменьшилось — он собрал всего 3,7 млн. голосов, что было одним из свидетельств начавшегося отрыва компартии от масс⁴⁷ и послужило отправной точкой для серьезного анализа допущенных просчетов и принятия решений, имевших целью поднять борьбу партии против наступления реакции на значительно более высокий уровень⁴⁸.

Через две недели после второго тура президентских выборов, 24 апреля миллионы немцев вновь пришли к избирательным урнам. В этот день состоялись выборы в некоторые провинциальные парламенты — ландтаги; наибольшее значение имели выборы в Пруссии, которая по территории занимала почти $\frac{2}{3}$ страны, включая ее столицу — Берлин. Фашисты и их единомышленники добивались устранения коалиционного правительства О. Брауна, состоявшего из представителей социал-демократии, Центра и Государственной партии. Реакционеры преследовали при этом вполне определенные цели: захватить в свои руки полицейские силы Пруссии, и в частности Берлина, находившиеся в ведении провинциального (а не общегерманского) правительства. Если бы подобный замысел увенчался успехом, это в корне изменило бы политическую обстановку в стране, резко усилив позиции фашистов в борьбе за власть.

Предыдущие выборы (в 1928 г.) проходили в совершенно иной обстановке, и теперь фашисты сумели во много раз умножить число полученных ими голосов. В новом ландтаге они имели 162 места (вместо 8 в прежнем) и превратились в самую крупную фракцию. Социал-демократия понесла весьма ощутительные потери — расплата за предательскую политику ее лидеров — и, получив 93 мандата (в прошлом ландтаге — 137), была оттеснена на второе место. Все «старые» буржуазные

---

⁴⁷ См. «XII пленум Исполкома Коминтерна». Стенографический отчет, т. III. М., 1933, стр. 93.

⁴⁸ Фонды Государственного музея революции СССР, 8259/2 Д445—11А, стр. 2—7.

партии (за исключением Центра) фактически потеряли значение с точки зрения формирования правительства. Вскоре после выборов нацисты, которые вместе с партией Центра обладали в ландтаге абсолютным большинством, вступили с ней в переговоры о создании в Пруссии коалиционного правительства. Переговоры эти подвигались довольно успешно и, возможно, были бы завершены, если бы «пруссский вопрос» не был так тесно связан с проблемами имперской политики, не зависел бы столь непосредственно от их разрешения.

А пока у власти в качестве «ведущего дела» кабинета оставалось прежнее правительство. Дело в том, что незадолго до своего роспуска старый ландтаг одобрил законопроект, согласно которому глава правительства Пруссии считался избранным, лишь получив голоса $\frac{2}{3}$ депутатов. Это нововведение имело целью не допустить избрания гитлеровца на столь важный пост. К чести коммунистов надо сказать, что они сумели подняться над своей враждой к правительству Брауна—Зевеинга, вызванной непрерывными преследованиями КПГ, запретами и расправами с организуемыми ею митингами и демонстрациями и т. п., и не препятствовали принятию законопроекта. Стремясь обойти его, силы крайней реакции разрабатывали планы насильственного захвата власти в Пруссии под видом восстановления непосредственной связи ее управления с управлением империи в целом. Подобные планы предусматривались, правда, еще в самой общей форме, и правительством Брюнинга, но на практике были реализованы уже после его отставки.

Маневры правящих кругов

Резкое усиление гитлеровцев, с полной очевидностью выявившееся уже в результате первого тура президентских выборов, побудило правящие круги ускорить осуществление мер, которые, по их мнению, должны были предшествовать превращению фашистской партии в правительственную. Гренер и поддерживавший его Брюнинг видели неременное условие этого в «очищении» нацистской партии от радикальных, антикапиталистических элементов, которые внушали крупным собственникам тревогу. Путь к данной цели они видели в роспуске штурмовых и охранных отрядов, являвшихся средоточием тех,

кто настаивал на захвате власти силой, на осуществлении нацистской программы 1920 г., официально не отмененной. Следовательно, Гренера, Брюнингга и компанию толкнули на запрет штурмовых отрядов чисто деловые расчеты, а отнюдь не стремление покончить с фашистским террором, как пытаются доказать многие буржуазные историки.

Сохранились документы Гренера, в которых черным по белому написано, что цель этой меры — сделать нацистскую партию пригодной для участия в правительстве (разумеется, на тех условиях, которые были бы ей предложены). Гренер с большим уважением отзывался о «ценном человеческом материале», якобы имевшемся среди коричневорубашечников; предполагалось в дальнейшем включить этот «материал» в милицию, состоящую из лиц различных политических убеждений и находящуюся под эгидой государства⁴⁹. Вот где была еще одна, и немаловажная, причина, побудившая правительство Брюнингга, а точнее — командование рейхсвера, которому принадлежал весь план, принять решение о ликвидации штурмовых отрядов. Мы уже говорили об опасениях генералов, что армия коричневорубашечников станет соперником рейхсвера и, будучи несравненно многочисленнее (в 1932 г. в штурмовых отрядах насчитывалось несколько миллионов человек)⁵⁰ последнего, отодвинет его на второй план. Устранить эту опасность — такова была одна из главных целей роспуска «частной армии» гитлеровской партии.

Момент был весьма подходящим. Террор фашистских банд вызывал растущее возмущение различных слоев населения, приносил все большее число жертв. Под давлением общественности правительства крупнейших провинций выступили с разоблачениями бандитизма коричневорубашечников, опубликовав материалы, конфискованные во время обысков в учреждениях нацистской партии. Представители южногерманских земель — Баварии, Бадена, Вюртемберга — на совещании в министерстве внутренних дел в начале апреля настойчиво требовали от Гренера запрета штурмовых отрядов, превра-

---

⁴⁹ «Deutsche Rundschau», 1950, N 12, S. 1019; Th. V o g e l s a n g. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte 1930—1932. Stuttgart, 1962, S. 446.

⁵⁰ K.-D. B r a c h e r, W. S a u e r, G. S c h u l z. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln—Opladen, 1960, S. 893.

тившихся в государство в государстве⁵¹. Это вполне совпадало с планами имперского правительства. Почти до самого утверждения соответствующего декрета замысел Гренера активно поддерживал генерал Шлейхер; лишь в последние дни, когда все было уже решено, он стал выражать сомнения. Шлейхер приступил тогда к реализации своего плана свержения Гренера и замены правительства Брюнинга другим, которое привлекло бы нацистов к участию в управлении страной.

Декрет о роспуске всех военизированных формирований гитлеровской партии был опубликован сразу же после завершения президентских выборов, 13 апреля. Для нацистских главарей он отнюдь не явился неожиданностью. Английский корреспондент С. Делмер, в те годы весьма близкий к нацистам, рассказывает в своих воспоминаниях, что 12 апреля он получил от статс-секретаря прусского министра-президента Вайзмана поручение сообщить штабу штурмовиков о предстоящем запрете с тем, чтобы выяснить, окажут ли они сопротивление. Когда Делмер явился к начальнику штурмовых отрядов Рему, то он удостоверился не только в том, что Рему все известно, но и в том, что тот имеет текст будущего декрета. Делмер полагает, что необходимые сведения гитлеровцы получили от самого Шлейхера, начавшего интригу против правительства, или от чиновника прусского министерства внутренних дел Дильса, тайно переметнувшегося к нацистам. Это позволило штурмовикам соответствующим образом подготовиться к запрету. «Когда они заявятся к нам, — сказал Делмеру Рем, — то уже мало что найдут»⁵².

Совершенно несостоятельна версия буржуазной историографии, будто Брюнинг, Гренер и их окружение искренне стремились нанести фашизму удар. Буржуазные историки вновь и вновь пытаются возродить эту версию, видя в ней единственную возможность оспорить важнейший тезис марксистской историографии об исторической ответственности германского монополистического капитала и его политических партий за установление кровавой фашистской диктатуры. Один из биографов

⁵¹ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 446—448.

⁵² S. Delmer. Trail Sinister. An autobiography, v. 1. London, 1961, p. 161—162.

Брюнинга пишет, например, что последний «принадлежал к тем личностям, которые благодаря своему политическому инстинкту разглядели угрозу надвигающейся гитлеровской диктатуры и боролись против нее»⁵³. А в связи с 80-летием Брюнинга в печати выступил западногерманский министр Г. Кроне, в прошлом деятель партии Центра, который вновь утверждал, что «Брюнинг во время своего канцлерства всеми силами, не щадя себя, стремился отвести от Германии нацистскую угрозу»⁵⁴.

Таким образом, эта версия необычайно живуча. Но она убедительно разоблачена в литературе, она опровергается и всем политическим курсом правительства, и секретными документами, и частной перепиской, ставшими известными в последние годы. Становятся очевидными действительные замыслы названных лиц, а тем самым и поддерживавших их группировок германского финансового капитала.

Но хотя нацисты и были предупреждены о роспуске штурмовых отрядов и сумели принять некоторые меры, все же этот роспуск никак не согласовался с их планами. Вооруженные банды были в руках Гитлера и его клики важным «аргументом» в борьбе за полновластие, орудием террора, который играл в арсенале фашистов колоссальную роль. И лишиться такого инструмента — даже частично — им не улыбалось; это почти неминуемо повело бы к второстепенному положению в блоке с другими буржуазными партиями. Гитлеровцы, изображавшие себя «мессиями», владеющими секретом спасения капиталистического строя в Германии, упорно не хотели соглашаться с этим. И они сразу же развернули крикливую демагогическую кампанию, выступая в роли «обиженных» и используя поддержку влиятельных представителей господствующих классов. 30 апреля в «Берлинер берзенцетунг» было опубликовано заявление 215 фабрикантов, помещиков, генералов, адмиралов, резко осуждавшее запрет штурмовых отрядов и призывавшее правые партии «немедленно создать новый Гарцбургский фронт для спасения родины». Еще более важным для гитлеровцев ока-

---

⁵³ «Heinrich Brüning. Ein deutscher Staatsmann im Urteil der Zeit». Reden und Aufsätze gesammelt von W. Verne Kohl. Münster, 1961, S. 138.

⁵⁴ «Politische Meinung», 1965, N 110, S. 19.

залось, что решительные возражения против роспуска обнаружались и среди самого генералитета.

С ними выступил не только Шлейхер, действовавший через своего бывшего однополчанина, сына президента Гинденбурга, а также поставивший в известность о своей позиции начальников штабов военных округов⁵⁵. К президенту обратились генералы, с мнением которых он привык считаться более всего. Среди них, помимо отставных фон дер Гольца, Штюльпнагеля, Левецова, впервые было несколько действующих генералов, в том числе два командующих военными округами: померанским — фон Бок (будущий гитлеровский фельдмаршал) и восточно-прусским — Бломберг (будущий военный министр Гитлера)⁵⁶. Не прошла, конечно, мимо внимания Гинденбурга и точка зрения бывшего кронпринца, высказанная им в письме к Гренеру. Здесь было выражено негодование тем, что правительство пренебрегает «изумительным человеческим материалом», из которого состоят штурмовые отряды и который должен явиться резервуаром рейхсвера для отражения «постоянных опасностей, грозящих с Востока»⁵⁷. Гинденбург реагировал быстро. Уже 16 апреля он обратился к Гренеру с письмом (оно одновременно было опубликовано в газетах), в котором ставил вопрос о необходимости запрета, наряду со штурмовыми отрядами, других военизированных организаций, в первую очередь «Рейхсбаннера». Открытый характер выступления не оставлял сомнений в том, что атака крайней реакции увенчалась успехом.

Реакция переходит в наступление

С этого эпизода начался кризис правительства Брюнинга, вызванный перегруппировкой господствующих классов, усилением того их крыла, которое требовало коренного изменения в методах внутренней политики. Экономический кризис все еще углублялся, и монополистический капитал продолжал домогаться дальнейшего снижения жизненного уровня трудящихся. Правительство

⁵⁵ E. Raeder. Mein Leben. Bd. I. Tübingen, 1956, S. 280.

⁵⁶ W. Görlitz, H. Quint. Adolf Hitler. Eine Biographie. Stuttgart, 1952, S. 340; W. Görlitz. Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953, S. 363.

⁵⁷ P. Herre. Kronprinz Wilhelm, S. 200.

Брюнинга, зависевшее от голосов социал-демократов, не было более пригодно для этого⁵⁸. Новое наступление монополий неминуемо должно было повлечь за собой подъем революционной борьбы народных масс; уже весна 1932 г., хотя низшая точка кризиса была еще впереди, принесла значительную активизацию массового движения. Усилилась забастовочная борьба, широкий размах приобрели голодные походы. Важным симптомом было укрепление ростков единого фронта, выковывывавшегося в горниле совместной борьбы против фашистских убийц, против антинародной политики правящих кругов. Благодаря усилиям коммунистов удалось добиться прочного сотрудничества организаций КПГ и СДПГ в ряде городов, в том числе таком крупном, как Эссен, а также в Тельтове, Ораниенбурге, Герцфельде, Вальтерсгаузене и др. Особенно устойчивым и плодотворным оказалось единство коммунистов и социал-демократов в Бернау, близ Берлина⁵⁹. «Неспособность» правительства справиться с растущим сопротивлением трудящихся ускорила его падение; по мысли германских монополистов, оно должно было уступить место более сильной власти.

Осуществляя этот замысел, дворцовая камарилья действовала в самых разных направлениях. Прежде всего были приняты меры, чтобы изнутри вызвать распад правительства. С этой целью министр хозяйства Вармбольд, «человек» концерна «ИГ Фарбениндустри», вскоре после выборов подал в отставку (позднее он вошел в состав нового кабинета). Затем правительство лишилось военного министра Гренера — после разнузданной атаки со стороны гитлеровцев, которой Гренер подвергся в начале мая в рейхстаге, Шлейхер заявил, что он более не пользуется доверием генералитета. Гренер сразу же подал в отставку, что сделало положение правительства угрожающим. Отношения между Гинденбургом и Брюнингом становились все более натянутыми; хотя рейхсканцлер был полон подобострастия к своему бывшему фельдмаршалу и во многом обеспечил его переизбрание, Гинденбург не мог простить Брюнингу, что тот не сумел добиться объединения правых вокруг его кандидатуры.

---

⁵⁸ «XII пленум Исполкома Коминтерна». т. I. М., 1933, стр. 114.

⁵⁹ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. Berlin, 1954, S. 581—585.

Но этим дело не ограничилось. Сторонники смены правительства решили, что рассчитывать на полный успех можно, лишь воздействовав на наиболее чувствительное для Гинденбурга место — внушив ему мысль об огромной опасности, якобы угрожающей крупному землевладению со стороны правительства Брюнинга.

Здесь надо коротко сказать о положении сельского хозяйства в пограничных с Польшей районах тогдашней Германии, в частности — в Восточной Пруссии, и о так называемой восточной помощи.

Тяжелый аграрный кризис, сопутствовавший промышленному, особенно сильно поразил восточные области страны, где после войны были нарушены прежние сбытовые и иные связи, транспорт и т. п. Причины упадка сельского хозяйства в этих районах лежали, однако, глубже. То были традиционные районы господства юнкерства, страшного малоземелья крестьянских масс, и положение их мало изменилось по сравнению с тем, что было 100 и более лет назад. Помещичьи хозяйства велись по старинке, без достаточной механизации, на малопродуктивном труде, и не удивительно, что они нередко приходили в упадок. Но здесь на помощь «бедствовавшим» юнкерам спешило государство. «Восточная помощь», которая формально должна была распределяться между всеми нуждающимися, на деле попадала в необъятные карманы крупных землевладельцев, которые возглавляли различные организации, ведавшие распределением средств. Средства же эти были весьма велики. Так, в 1928—1930 гг. в порядке «восточной помощи» было ассигновано 39 млн. марок. 96% этой суммы было передано крупным хозяйствам. В течение двух последующих лет юнкера и кулаки получили еще большие средства — свыше 800 млн. марок. Многим из них достались баснословные суммы. Так, например, графу Финкенштейну было выплачено 1167 тыс. марок «помощи», фон Вилькенс-Добрину — 370 тыс., фон Квасту — около 290 тыс., президенту Сельскохозяйственного совета Брандесу — 360 тыс. марок и т. д.⁶⁰ Нередко эти средства тратились на различные прихоти благородных помещиков — поездки на Ривьеру, земельные спекуляции, как было, например,

---

⁶⁰ В. Вухта. Die Junker und die Weimarer Republik. Berlin, 1959, S. 65, 115, 126—128.

с близким другом Гинденбурга помещиком-профашистом Ольденбургом-Янушау⁶¹.

Злоупотребления при распределении и использовании ассигнований на «восточную помощь», положение в сельском хозяйстве пограничных областей на Востоке время от времени становились предметом дебатов в рейхстаге или прусском ландтаге, что, однако, не влияло на дело. Правительство Брюнинга ввело специальный пост комиссара, который в 1931 г. занял выходец из юнкерства Шланге-Шенинген. Он душой отстаивал интересы своего класса, но не мог не видеть, что немалая часть сумм, ассигнуемых на помощь сельскому хозяйству восточных районов, уходит как в прорву, не принося никакой пользы. Не было смысла финансировать далее ряд юнкерских хозяйств, давно и безнадежно обанкротившихся. Шланге-Шенинген и министр труда Штегервальд пришли к выводу, что целесообразно пустить такие имения в принудительную продажу с тем, чтобы в дальнейшем земля перешла в руки мелких крестьян-переселенцев из центральных областей страны. Оба министра не имели в виду ничего подобного подлинной земельной реформе; продажа коснулась бы незначительного числа помещичьих хозяйств. В основе плана лежали соображения военно-политического характера, связанные с реваншистскими замыслами правящих кругов. Переселенцы были призваны укрепить прослойку подготовленного в военном отношении населения, служившую резервом для малочисленных частей рейхсвера.

Весной 1932 г. началась разработка проекта соответствующего чрезвычайного декрета. По свидетельству ее непосредственных участников, дальше предварительных набросков дело не пошло; то были соображения, сформулированные сотрудниками министерства труда и весьма далекие от точки зрения обоих министров, имевших касательство к данному вопросу⁶². Однако именно один из этих первоначальных проектов — и притом гораздо более радикальный, чем могли предположить Шланге-Шенинген и Штегервальд, уже не говоря о Брюнинге, — неиз-

⁶¹ Архив внешней политики СССР, ф. 82, п. 60, оп. 17, д. 20, л. 13 (обзор печати).

⁶² E. T o p f. Wer stürzte Brüning. Hintergründe einer Intervention. — «Monat», 1960, N 146, S. 41—49; «Zum Sturz Brüning's». — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1953, N 3.

вестно какими путями оказавшийся в руках политиканов из среды юнкерства, позволил последним довести до конечного успеха закулисную интригу против правительства Брюнинга⁶³. Расчет был прост и строился не только на кастовых связях и чувствах Гинденбурга, выходца из дворянско-помещичьей среды, но и на более прозаических и материальных интересах. За несколько лет до этого Гинденбург, в свое время лишившийся родовых имений, вновь стал владельцем одного из них — восточнопрусского поместья Нейдек, которое было «подарено» ему группой доброжелателей ко дню 80-летия. Это побудило Гинденбурга еще более внимательно прислушиваться к жалобам и претензиям крупных помещиков, с которыми те на правах соседей и коллег нередко обращались непосредственно к президенту.

В мае 1932 г. канцелярия Гинденбурга была засыпана письмами и телеграммами, чьи авторы в один голос твердили о якобы грозящем им «аграрном большевизме», о нищете, в которую их будто бы намеревается ввергнуть правительство, и тому подобных «ужасах». В архивах сохранились, например, письма президента Померанской сельскохозяйственной палаты Флеминга, помещиков фон Вейса, Брандеса, председателя имперского союза землевладельцев «Ландбунда» Калькрейта и др. Но, пожалуй, наиболее характерным и в то же время наиболее действенным было письмо, посланное Гинденбургу бароном фон Гайлем, главой Восточнопрусской сельскохозяйственной палаты и представителем Восточной Пруссии в рейхсрате (государственном совете). Предупреждая Гинденбурга (как и авторы других писем) о «чрезвычайных опасностях», Гайль заявлял, что декрет о поселениях подействует «на силу сопротивления кругов, являвшихся до сих пор носителями национальной воли к борьбе против Польши... В такое время следует избегать всего, что

---

⁶³ Через несколько дней после отставки правительства Брюнинга упоминавшийся выше Ольденбург-Янушау откровенно похвалялся тем, что это он «побудил Гинденбурга убрать Брюнинга из-за намечавшегося закона о поселениях» (E. Maueг. *Skizzen aus dem Leben der Weimarer Republik*. Berlin, 1962, S. 142). Это был тот самый реакционный зубр, который еще во времена Вильгельма II прославился изречением, что он может разогнать рейхстаг, имея в своем распоряжении лишь одного офицера и десять солдат.

способно ослабить волю к сопротивлению»⁶⁴. Здесь, как говорится, и была собака зарыта. Хотя в основе антибрюннинговской кампании и лежали сугубо материальные интересы, юнкеры в то же время ни на минуту не забывали о замыслах, направленных против Польши.

Письмо Гайля вместе с другими подобными посланиями, в том числе от некоторых коронованных особ, что должно было оказать на президента-монархиста особое впечатление, его статс-секретарь Мейснер привез Гинденбург в Нейдек, где тот находился с середины мая. Здесь влияние юнкерской среды было непосредственным. Несмотря на то, что Гинденбург в записке, составленной вскоре после событий, сообщает лишь о визите одного лица — помещика Брюннека, можно не сомневаться, что посетителей было значительно больше. Хотя замена Брюнинга вызывалась целым комплексом причин, роль юнкерства в этом событии была весьма велика. Именно поэтому некоторые буржуазные авторы упорно стремятся доказать, будто восточнопруссские помещики были чуть ли не агнцами и не имели никакого отношения к политической борьбе. Особенно активен известный западногерманский реакционный историк В. Герлиц⁶⁵. Специальную работу, посвященную реабилитации юнкеров, выпустил некий Борке-Штаргорд; он опирается преимущественно на... письма, полученные в послевоенные годы от лиц, участвовавших в событиях и теперь, через столько лет, «позабывших» о том, как обстояло дело⁶⁶. К числу подобных лиц относится, как ни странно, и сам Брюнинг. Но все подобные ухищрения не выдерживают элементарной проверки перед лицом подлинных документов, обнажающих скрытые пружины и движущие силы дальнейшей фашизации Германии⁶⁷.

---

⁶⁴ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Büro des Reichspräsidenten, N 214, Bl. 258.

⁶⁵ W. Görlich. Die Junker. Adel und Bauer im deutschen Osten. Glücksberg, 1957; idem. Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953.

⁶⁶ H. von Borcke-Stargardt. Der ostpreussische Landbau zwischen Fortschritt, Krise und Politik. Würzburg, 1957.

⁶⁷ Вот что пишет, например, автор большого и серьезного исследования на тему о переселенческой политике в Германии новейшего времени, опубликованного в Западной Германии: «Тяжелую вину перед историей несет окружение президента, оказавшее на него в корыстных целях давление в решающий для судеб

Гинденбурга посетили в Нейдеке глава аристократического «Клуба господ» Альвенслебен и Шлейхер⁶⁸. Мейснер сообщает, что именно здесь Гинденбург окончательно пришел к решению отстранить Брюнинга от власти⁶⁹. По словам другого участника событий, М. Брауна, ставшего в июне министром продовольствия, одной из причин отставки был якобы недостаточный «отпор» Брюнинга рейхстагу⁷⁰. Речь шла, следовательно, о полном отказе от парламента, к чему Брюнинг стремился, но чего он еще не вполне достиг.

В угоду гитлеровцам

А параллельно Шлейхер вел переговоры о создании нового правительства; они были окружены глубокой тайной, для сохранения которой принимались максимальные меры предосторожности. 28 апреля состоялась встреча Шлейхера с Гитлером, прошедшая, как отметил в своем дневнике Геббельс, успешно. В следующей встрече, состоявшейся 8 мая, участвовали также Мейснер и Оскар Гинденбург. Здесь и было достигнуто предварительное соглашение между сторонами; речь шла о том, что нацистская партия будет поддерживать полностью независимое от парламента и политических партий правительство, которое придет на смену кабинету Брюнинга⁷¹. Нет нужды подробно говорить о том, что нацисты заключили подобную сделку отнюдь не безвозмездно; наоборот, именно они и являлись выигравшей стороной. Их условия были таковы: отмена запрета штурмовых отрядов, роспуск рейхстага; выполнение этих условий имело бы для гитлеровской партии огромное значение, позволив ей развернуть новую широкую пропагандистскую кампанию,

---

нашего народа момент» (W. F. Boyens. Die Geschichte der ländlichen Siedlung, Bd. II. Berlin—Bonn, 1960, S. 148).

⁶⁸ K. Reibnitz. Im Dreieck Hitler—Papen—Schleicher. Dresden, 1933, S. 203; J. Wheeler-Bennett. The Wooden Titan. Hindenburg in Twenty Years of German History. New York, 1936, p. 389.

⁶⁹ O. Meissner. Staatssekretär unter Ebert—Hindenburg—Hitler. Hamburg, 1950, S. 227.

⁷⁰ M. von Braun. Von Ostpreussen bis Texas. Stollhamm, 1955, S. 211.

⁷¹ J. Wheeler-Bennett. The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945. New York, 1954, p. 242.

а также усилить террор, который несколько поутих после исчезновения коричневорубашечников с улиц. Окончательная договоренность по этому вопросу была достигнута накануне самой отставки Брюнинга, 28 мая, когда в переговоры с Гитлером вступил будущий рейхсканцлер — Ф. фон Папен⁷².

Таким образом, хотя увольнение Брюнинга и мотивировалось в первую очередь неспособностью выполнить «веление времени» (как выражались реакционеры), т. е. привлечь нацистов к участию в имперском правительстве, его преемники пока тоже воздерживались от этого. Причины были двоякого рода: чрезмерность требований нацистов, которые после своего крупного успеха на выборах в прусский ландтаг 24 апреля еще более укрепились в претензиях на главенствующую роль, и некоторая сдержанность правящей группировки, стремившейся отсрочить коренное решение вопроса до Лозаннской конференции по репарациям, которая была перенесена на июль. Гинденбург, добиваясь создания нового правительства, имел в виду, по его словам, людей типа Герделера (бургомистр Лейпцига, близкий к Национальной партии) и Шлейхера; сын президента, чье мнение было весьма важным фактором, считал, что в правительстве слишком мало титулованных лиц⁷³.

Германские монополисты, поощряя и финансируя гитлеровскую партию, все еще не были полностью уверены в своевременности привлечения ее к власти. Часть их полагала, что для осуществления своей программы им достаточно будет вручить власть «испытанным» реакционерам из «старой гвардии». А какова была эта программа, видно из требований, которые Гинденбург предъявил Брюнингу в конце мая, перед отставкой последнего. Сведения по этому вопросу исходят от бывшего министра труда Штегервальда; сам Брюнинг, проникнутый неистребимым пиэтетом к фельдмаршалу, до сих пор отмалчивается на сей счет. Требования Гинденбурга были таковы: отказ от платежа репараций, поиски путей и средств для усиленного вооружения, восстановление монархии и, нако-

---

⁷² «Trial of Major War Criminals...», v. XXXII, p. 301, doc. 3463—85.

⁷³ H. P ü n d e r. Politik in der Reichskanzlei. Stuttgart, 1961, S. 126—127.

нец, ликвидация партий и профсоюзов. Все эти требования должны были рассматриваться как единое целое⁷⁴.

Не исключено, что в этом сообщении есть неточности, но в общем оно правильно отражает цели господствующих классов Германии в рассматриваемый момент. Брюнинг не мог принять подобных требований, ибо их нельзя было совместить с поддержкой со стороны социал-демократии, которой он пользовался. Ни к чему не привели попытки Брюнинга доказать президенту, что обвинения в «аграрном большевизме» безосновательны⁷⁵. 30 мая правительство было уволено в отставку. Начинаясь новый этап в ходе классовой борьбы, принимавшей еще более острые формы. Его отличительной чертой было все усиливавшееся наступление фашизма, не встречавшего действительного отпора и изготовившегося для овладения государственной властью.

Конец «эры Брюнинга» совпал с важными сдвигами в деятельности коммунистической партии, которые в дальнейшем оказали влияние на развитие событий. Исходным пунктом этих сдвигов послужили, как уже отмечалось, итоги выборов, проходивших весной и показавших некоторое падение ее влияния. Необходимо было отыскать новые формы борьбы против реакции во всех ее разновидностях, формы, которые позволили бы придать антифашистскому движению подлинно массовый размах. А это могло быть только результатом единства трудящихся, их сплочения для отпора коричневой чуме, уже пытавшейся схватить немецкий народ за горло.

В течение мая необходимые меры являлись предметом тщательного рассмотрения ЦК КПГ. Обнародование принятого решения было ускорено событием, как нельзя бо-

---

⁷⁴ R. Poegel. Sind wir auf dem richtigen Wege? Frankfurt-am-Main, 1954, S. 159.

⁷⁵ В письме Гинденбургу от 27 мая Шланге-Шенинген писал: «Не может быть и речи об экспроприации крупных поместий. Ни одно из них не должно быть экспроприровано» (H. Schlange-Schöningen. The Morning After. London, 1948, p. 85). Через 20 лет то же подтвердил тайный советник Э. Рейхардт, ближе всего стоявший к разработке законопроекта. «Тогдашнее развитие, — отметил он, — толкало к ясному, действительному решению, но вопрос о радикальном разделе крупного землевладения... никогда не ставился правительством Брюнинга» (H. von Borcke-Stargardt. Der ostpreussische Landbau zwischen Fortschritt, Krise und Politik, S. 171).

лее подчеркнувшим, что фашистская угроза превратилась в силу, которая накладывает свою печать буквально на все стороны общественной жизни. А произошло следующее: 25 мая на заседании прусского ландтага нового созыва гитлеровцы, имея более 160 депутатов и возомнив себя хозяевами, учинили форменное побоище депутатам-коммунистам, ранив многих из них. Поводом для расправы над своими политическими противниками, численно значительно уступавшими им, фашисты избрали речь Вильгельма Пика, выступавшего от имени коммунистической фракции и смело разоблачившего антинародную политику гитлеровской партии. «Только с появлением вашей партии в политической жизни, — воскликнул В. Пик, обращаясь к нацистам, — стали обычными массовые убийства революционных рабочих. В ваших рядах сидит огромное количество убийц»⁷⁶. В начавшейся потасовке социал-демократические депутаты не оказали коммунистам, подвергшимся наглому нападению, никакой помощи: после начала столкновения они трусливо покинули зал.

На следующий день, 26 мая 1932 г., было опубликовано воззвание ЦК КПП об организации кампании «Антифашистской акции», призванной стать воплощением единого фронта и привести в действие все силы трудящихся, чтобы приостановить фашизацию Германии. Составной частью «Антифашистской акции» должны были явиться отряды самообороны, основанные на принципе единства. Но этим не исчерпывались задачи кампании. «„Антифашистская акция“, — говорилось в обращении ЦК КПП ко всем рабочим, — должна преградить гитлеровскому фашизму путь к власти посредством массовой борьбы за ваши требования, в защиту жизненных интересов всех трудящихся, посредством забастовок рабочих и массовых выступлений миллионов безработных, посредством массовой политической забастовки единого пролетариата!»⁷⁷.

Этот шаг коммунистической партии был направлен на преодоление сектантства, которое укоренилось в различных ее звеньях. Оно во многом было реакцией на непре-

---

⁷⁶ W. P i e s k. Reden und Aufsätze, Bd. IV. Berlin, 1955, S. 662.

⁷⁷ «Die Antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik. Mai 1932 bis Januar 1933». Berlin, 1965, S. 33.

кращавшееся предательство дела трудящихся лидерами СДПГ, на их упорный отказ от единства с коммунистами. Кампания, развернутая по инициативе компартии, явилась разительным контрастом бахвальству главарей «Железного фронта», на словах клявшихся не допустить прихода фашистов к власти, а на деле все время отступавших перед ними. Это наглядно обнаружилось после президентских выборов, когда, уступая требованию военного министерства, «Рейхсбаннер» — главная сила «Железного фронта» — распустил свои подвижные формирования, которые могли бы сыграть определенную роль в борьбе против кровавого фашизма.

Лето 1932 г. было временем наибольшего обострения экономического кризиса в Германии, самыми беспросветными месяцами для миллионов людей, дошедших до предела в нищете, в безнадежной борьбе за то, чтобы удержаться на поверхности. Возмущение, копившееся в груди у париев капиталистического общества, то и дело прорывалось в выступлениях против эксплуататоров. В мае они заметно усилились. В Вальтерсгаузене, Гамбурге, Кельне состоялись ожесточенные столкновения безработных, протестовавших против нового снижения пособий, с полицией. Полиция открывала стрельбу также в Дюссельдорфе, Ремшейде, Штеттине. Эти выступления нередко носили стихийный характер, но их частота и ожесточенность свидетельствовали о накале классовой борьбы.

II

НА ПУТИ К ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЕ

«Кабинет баронов»

Уже через два дня после ухода Брюнинга в отставку — 1 июня 1932 г. — было создано новое правительство, которое возглавил ничтожный в политическом отношении деятель фон Папен, формально как католик принадлежавший к партии Центра, но по своим убеждениям стоявший значительно правее ее, на уровне Национальной партии (она и стала главной опорой этого правительства). Папен был известен лишь тем, что в годы первой мировой войны, будучи германским военным атташе в США, вел там шпионаж и подрывную деятельность, за что был с позором изгнан. После войны его избрали в прусский ландтаг, но политика Центра все более казалась Папену недостаточно реакционной. По происхождению крупный землевладелец, Папен в результате выгодной женитьбы вошел в круг рурских промышленников-католиков. Но еще более важным для его неожиданной карьеры было то обстоятельство, что он служил в одном полку со Шлейхером и младшим Гинденбургом, от которого не в малой степени зависели судьбы государства.

Папен являлся одним из главарей «Клуба господ», объединявшего крупных собственников — консерваторов и реакционеров. Выступая в самом клубе и на страницах издававшегося последним журнала «Ринг», Папен настойчиво пропагандировал две идеи: вовлечение нацистов, а также представителей других организаций крайне

правого толка в правительство и создание франко-германского блока, направленного против Советского Союза. Последняя по времени статья Папена в этом духе была опубликована в апреле. Эти выступления обратили на себя внимание Шлейхера, разыскивавшего кандидата на высший исполнительный пост в государстве, «достойного» дворцовой камарильи. Так бездарный политикан, единственным «достоинством» которого была махровая реакционность¹, стал рейхсканцлером Германии в сложнейшей обстановке, когда решался вопрос об исторических путях развития страны, от чего во многом зависели судьбы мира.

Кабинет Папена молва прозвала «правительством баронов». В своем большинстве он состоял из представителей титулованной знати — реакционных зубров, впервые после Ноябрьской революции сумевших стать у кормила государственной власти и не скрывавших своего стремления покончить с Веймарской республикой. Еще до отставки Брюнинга Шлейхер писал Папену: «Я уже составил кабинет из специалистов, который безусловно понравится Вам»². В новом правительстве важный пост министра иностранных дел занял барон Нейрат, мракобесные взгляды которого ни для кого не были секретом. Любопытно, что Гинденбург уже не впервые стремился поставить Нейрата во главе дипломатического ведомства³,

---

¹ Вот некоторые отзывы о нем современников: Т. Хейс (в то время депутат от Государственной партии, после 1949 г. — президент ФРГ): «Ничего не говорящее лицо, в бледных чертах которого был запечатлен недостаток дарования» (Т. Heuss. Erinnerungen 1905—1933. Tübingen, 1963, S. 444); бывший чиновник имперского министерства внутренних дел Шпикер: «Папен безусловно был одной из самых мрачных и ничтожных из всех посредственностей, которые выбросил на поверхность германский парламентаризм» (К. Spiesker. Germany from defeat to defeat. London, 1943, p. 71—72); баварский националист Аретин: «Папен не осуществил ни одной собственной идеи (нельзя предположить, что он когда-либо имел таковые)» (E. von Aretin. Krone und Ketten. Erinnerungen eines bayerischen Edelmannes. München, 1955, S. 113). Но именно посредственность и нужна была Шлейхеру; двум юнкерам, сомневающимся в том, «голова» ли Папен, генерал сказал: «Мне нужна не голова, а шляпа!» (W. Görlitz. Die Junker. Adel und Bauer im deutschen Osten. Glücksberg, 1937, S. 379).

² «Die Weimarer Republik. Ihre Geschichte in Texten, Bildern und Dokumenten». München—Wien—Basel, 1965, S. 356.

³ «Trial of the Major War Criminals», v. XL, p. 445.

но тот отказывался, ибо прежние кабинеты, включая правительство Брюнинга, были слишком «демократичны» для него. Другой барон, М. Браун, крупный помещик и в то же время член правления рейхсбанка, стал министром продовольствия. Министерство внутренних дел было вручено уже известному нам барону фон Гайлю, для которого устранение правительства Брюнинга представляло собой, таким образом, немалый личный выигрыш⁴.

Но центральной фигурой нового кабинета, несомненно, был фон Шлейхер, покинувший армию в чине генерал-лейтенанта, чтобы занять пост военного министра. «Серый кардинал», как его называли, наконец вышел из-за кулис, хотя и после этого его деятельность в основном проходила отнюдь не на глазах общественности, а в президентском дворце и потайных местах свиданий с гитлеровцами. Во главе министерства хозяйства вновь стал «уполномоченный» «ИГ Фарбениндустри» Вармбольд, только недавно покинувший кресло министра, чтобы помочь реакции осуществить свой план. Другой ставленник монополий — бывший директор концерна Круппа Шефер — был назначен министром труда. Новым лицом был также министр юстиции Гюртнер, но и его политическая физиономия была известна: занимая аналогичный пост в Баварии, Гюртнер энергично покровительствовал нацистам. Именно ему Гитлер был обязан своим амнистированием через год с небольшим после пивного путча; фашисты отблагодарили Гюртнера, включив его в январе 1933 г. в свое правительство. Правда, он был не единственным, кого нацисты переняли из «правительства баронов»: они оставили на своих постах (причем надолго) также барона Нейрата и министра финансов графа Шверин-Крозигка.

Руководство партии Центра, которое Папен поставил в известность о предложении Гинденбурга, запретило ему принять это предложение. Причиной было резкое недо-

---

⁴ Накануне отставки правительства Брюнинга один из близких к Гинденбургу юнкеров сообщил Гайлю, что не раз обращал на него внимание президента, который «считает Вас *крайне правым*» («Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1953, N 3, S. 278). А левобуржуазная «Франкфуртер цейтунг» в передовой статье, озаглавленной «Монархия или республика?», писала: «Поразительная страна, в которой принципиальный и убежденный монархист ... принимает назначение на пост хранителя республиканской конституции» («Frankfurter Zeitung», 12.VI 1932).

вольство лидеров партии вынужденной отставкой Брюнинга. Но, как заявил председатель партии прелат Каас на приеме у Гинденбурга 31 мая, Центр был вообще против «промежуточных решений», предлагая передать власть «национальной оппозиции», важнейшей составной частью которой, как известно, была гитлеровская партия⁵. Характерно, что и дальнейшая оппозиция Центра правительству Папена обосновывалась прежде всего тем, что в его кабинете не представлены нацисты. Таков был хваленый «антифашизм» этой партии. Однако Папен пренебрег указаниями партии и все-таки сформировал правительство (хотя твердо обещал не делать этого), правда, уже не в качестве представителя Центра, а как «частное лицо»⁶.

«Правительство баронов», разумеется, не было возвратом к господству юнкерства, имевшему место до Ноябрьской революции 1918 г. Конечно, позиции помещичьей верхушки укрепились, что отражало общее усиление реакционных сил. Но в основе этого правительства, по словам Э. Тельмана, лежал классовый союз крупных промышленников с крупными аграриями⁷. Его поддерживали влиятельные группировки германской буржуазии, в том числе одна из наибольших монополий Германии — «ИГ Фарбениндустри». Тем не менее положение нового кабинета с самого начала было весьма неустойчивым. Покровители нацизма, добившиеся обещания возродить штурмовые отряды и распустить рейхстаг, все же не были удовлетворены, ибо их питомцы пока остались не у дел. Если бы Папен попытался найти парламентское большинство, то это была бы нелегкая задача. Он мог твердо рассчитывать лишь на голоса Национальной и Народной партий, а также небольших консервативных групп. КППГ, партия Центра и СДПГ (заявившая о своей оппозиции правительству Папена) были против него. Гитлеровцы добивались всей власти, а круги, стоявшие за Папеном и Шлейхером, несмотря на свои искренние симпатии к гитлеризму, опасались этого, полагая, что результатом будет гражданская война. Папену предстояло убедиться не

⁵ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Büro des Reichspräsidenten, N 47, Bl. 44.

⁶ G. Schreiber. Brüning—Hitler—Schleicher. Das Zentrum in der Opposition. Köln, 1932, S. 17.

⁷ «XII пленум Исполкома Коминтерна», т. III. М., 1933, стр. 98.

только в вероломстве его союзников — нацистов, но и в своей полной изоляции даже в буржуазном лагере, не говоря уже о непримиримой враждебности со стороны трудящихся масс.

Но на первых порах Шлейхер и его «команда» упивались успехом закулисных махинаций, приведших их на высшие посты в государстве. Одновременно уточнялись планы на ближайшее время. Помимо основной цели — привлечения нацистов к участию в управлении страной, — правительство Папена с самого же начала приступило к разработке реакционной реформы конституции, имея в виду если не отменить ее полностью, то во всяком случае основательно выхолостить. В качестве составной части такого плана фигурировало установление непосредственной унии в руководстве имперским и прусским правительствами. С этой целью, как сообщали газеты уже в начале июня, намечалось назначить в Пруссию имперского комиссара, который заменил бы прусское правительство, не располагавшее большинством в ландтаге. Планы «баронов» касались нового снижения заработной платы и пособий по социальному обеспечению.

Все это, правда в несколько завуалированной форме, было изложено в правительственной декларации, зачитанной Папеном по радио. Коротко, но предельно точно охарактеризовал его заявление либеральный публицист Г. Кесслер: «Немыслимый документ, плохо отредактированный сгусток мрачной реакции, по сравнению с которым декларации кайзеровского правительства выглядят как образчик высокого Просвещения»⁸.

Первым шагом правительства явился роспуск рейхстага в угоду нацистам, заинтересованным в развертывании новой демагогической шумихи, что до той поры неизменно приносило им большой выигрыш. Декрет о роспуске парламента (полномочия которого истекали только в 1934 г.) был опубликован 4 июня, выборы в новый рейхстаг назначены на 31 июля. А 14 июня Папен «обрадовал» миллионы немцев чрезвычайным декретом в области экономики, продолжавшим и углублявшим грабеж народных масс по рецепту Брюнинга. Согласно декрету, фонд страхования по безработице, как мы уже

---

⁸ Н. Kessler. Tagebücher 1918—1937. Frankfurt-am-Main, 1961, S. 670.

не раз отмечали, и без того урезанный до крайности, сокращался еще на 520 млн. марок; были вновь снижены пособия (на 23%), введена «проверка нуждаемости» через шесть недель после назначения пособия, уменьшилась помощь в порядке благотворительности и т. п. Реакционная клика, ставшая у власти, решила переложить страхование на плечи самих трудящихся: с этой целью вводилось нечто вроде налога на общую сумму в 400 млн. марок. Декретировался налог на соль, который также должен был тяжело отразиться на жизненном уровне широких масс. Вновь сокращались пособия по инвалидности, по старости и т. п. А это означало смертный приговор сотням тысяч людей.

Таким образом, в самый короткий срок новое правительство показало свою сущность смертельного врага народных масс, друга и единомышленника фашистов. Резко снижая расходы на социальные нужды, правительство ссылалось на то, что основные положения декрета были разработаны еще при Брюнинге. Но при этом умалчивалось, что министры Папена лихорадочно изыскивают дальнейшие возможности в том же направлении, имея в виду покончить с тарифной системой, издавна являвшейся бельмом в глазу капиталистов.

Уже 16 июня, не откладывая в долгий ящик, президент отменил запрет штурмовых и охранных отрядов гитлеровской партии^{8а}. Папен спешил сдержать свое обещание Гитлеру, не считаясь даже с тем, что это втягивало правительство в конфликт с рядом земель (провинций). В апреле правительства Баварии, Бадена, Вюртемберга активно поддерживали роспуск штурмовиков; планы же их легализации натолкнулись на упорное сопротивление этих земель. На приеме глав провинциальных правительств Гинденбургом 12 июня представитель Баварии Гельд заявил, что по меньшей мере $\frac{2}{3}$ баварского населения увидит в разрешении деятельности коричневорубашечников большое несчастье. «Отмена запрета штур-

---

^{8а} В порядке взаимности Геббельс, возглавлявший отдел пропаганды нацистской партии, издал 18 июня секретный циркуляр, в котором говорилось: «В этой предвыборной кампании необходимо избегать какой-либо дискуссии о правительстве Папена в органах партии» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 215, оп. 1, ед. хр. 194).

мовых отрядов представляет собой, с баварской точки зрения, легализацию терроризма, прокладывает путь тем, кто стремится установить диктатуру»⁹.

Ту же позицию занял представитель Бадена Шмитт. Он указал, что штурмовые отряды носили противозаконный характер; это вытекает и из ряда решений Имперского суда (настроенного отнюдь не антинацистски), принятых на протяжении 1930—1931 гг. Тактика Папена и Гинденбурга заключалась в том, чтобы «умиротворить» южногерманцев, успокоить их всякого рода пустыми обещаниями. И эта тактика увенчалась успехом: ни Бавария, ни Вюртемберг, ни Баден не приняли сколько-нибудь действенных мер, когда правительство Папена пренебрегло их протестами.

Характерно, что Гинденбург и Папен, как видно из протокола этой встречи, говорили не только о гарантиях против «крайностей» нацистских штурмовиков. Гинденбург, например, прямо заявил, что «национал-социалистское движение, хотя в нем есть много неопределенного, все же одушевлено сильным национальным чувством». В этих словах проявилось внутреннее родство милитариста старого закала с фашистами, добивавшимися передела мира. Конечно, были еще весьма сильны опасения, вызывавшиеся «радикализмом» некоторых нацистских деятелей и настроениями части приверженцев партии; но было родство в главном и оно являлось основой для компромисса в будущем, представлявшего огромную опасность для судеб Германии.

В ходе приема у Гинденбурга неизбежно всплыл и другой вопрос, волновавший правительства земель не менее, если не более, чем легализация штурмовых отрядов. То были слухи о намерении Папена назначить имперского комиссара в Пруссию, что, если иметь в виду более общие планы правительства, могло стать прецедентом для аналогичных действий и в отношении других земель, которые были значительно меньше и слабее Пруссии. Об этом шла речь уже 11 июня на заседании представителей земель совместно с представителями имперских властей. Министр внутренних дел Гайль сделал здесь «обнадеживающее» заявление, что «при утвержде-

---

⁹ W. Besson. Württemberg und die deutsche Staatskrise 1928 bis 1933. Stuttgart, 1959, S. 402.

нии имперского комиссара для Пруссии не предполагается» допускать нарушений конституции¹⁰. А придя на следующий день к Гинденбургу, те же лица услышали из уст Папена заверения в том, что правительство «не собирается проводить каких-либо экспериментов, связанных с назначением имперского комиссара». Рейхсканцлер добавил, что введение такого поста — крайняя мера, оправданная лишь тогда, когда действительно затронуты жизненно важные интересы всего государства.

Неизвестно, приняли ли всерьез эти красивые слова те, кому они были адресованы, но заявление Папена было лживым от начала до конца. На деле уже в эти дни правительство искало пути и способы осуществления своего замысла. Основное затруднение заключалось в том, чтобы найти «подходящий» повод для вмешательства. Папен и его единомышленники торопились; сотрудничая с гитлеровцами, они в то же время хотели помешать созданию в Пруссии коалиционного правительства из представителей нацистской партии и Центра — «черно-коричневого блока», как говорили тогда. Переговоры о такой коалиции, бывшие, по некоторым сообщениям, весьма близкими к завершению накануне отставки Брюнинга¹¹, продолжались в июне 1932 г.

Разрешение разбойничьей деятельности коричневорубашечников и эсэсовцев безусловно было наиболее опасным, имевшим весьма тяжелые последствия действием правительства в первый период его пребывания у власти. Фашисты встретили этот акт форменным ликованием. «Исключительный закон против штурмовых и охранных отрядов, — писал 17 июня центральный орган фашистской партии «Фелькишер беобахтер», — пал как предвестие грядущей передачи правительственной власти национал-социализму». Улицы германских городов и деревень вновь наводнили фашистские банды в полной форме, развернувшие в расчете на абсолютную безнаказанность террор невиданного ожесточения. Ежедневно газеты приносили все новые сообщения о наглых фашистских провокациях — походах по рабочим районам под защитой полиции, уличных убийствах функционеров коммунистической и социал-демократической партий, нападениях на их квартиры

¹⁰ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte 1930—1932. Stuttgart, 1962, S. 216.

¹¹ «Vossische Zeitung», 11.IX 1932.

и на помещения рабочих организаций. Штурмовики были вооружены до зубов, они имели не только пистолеты новейших образцов, но также бомбы и ручные гранаты.

Нет никакой возможности сколько-нибудь подробно рассказать о фашистском терроре, развернувшемся в Германии летом 1932 г. Для этого потребовалась бы специальная книга, страницы которой были бы заполнены эпизодами гибели многих лучших представителей рабочего класса, беззаветных борцов за интересы трудового народа. Гитлеровцы обычно прибывали в какой-либо район на нескольких грузовиках и без всякого предупреждения открывали огонь по «объектам», выбранным для нападения. Или они, собравшись большой группой под покровом темноты, обрушивались на антифашистов, когда последних было заведомо меньше. О масштабах гитлеровского террора можно судить по тому, что лишь с 17 июня, т. е. с возобновления деятельности штурмовых отрядов, до 1 августа 1932 г. нацисты убили 130 человек и ранили более 2000¹². Это не могло бы случиться, если бы они не пользовались широкой поддержкой со стороны полиции, настроенной во многих местах профашистски. Приведем лишь один пример. После антинацистской демонстрации в берлинском Люстгартене завязалось столкновение между гитлеровцами и коммунистами. Один из полицейских чиновников пришел на помощь фашисту и, не раздумывая, застрелил 68-летнего рабочего¹³. Аналогичные случаи насчитывались десятками.

Гитлеровцы стремились господствовать на улицах, изгнать с них «коммуну»; у них был и соответствующий лозунг: «Все долой с улицы!». Одновременно с разнузданным террором фашисты начали бешеную кампанию, требуя от правительства Папена запрещения коммунистической партии; это требование безусловно отвечало настроениям тогдашних правителей Германии, и они обсуждали возможности роспуска КППГ, однако пришли к выводу, что подобный вызов организованному рабочему классу мог принести им только поражение.

---

¹² «Правда», 2.VIII 1932.

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 210.

«Антифашистская акция» и противники единства

Но рассказ о классовой борьбе в Германии 1932 г. — это не только повесть о фашистском терроре. Это прежде всего летопись беспримерного героизма немецких демократов, руководимых коммунистической партией, их мужества и решимости преградить фашистскому зверю путь к власти. В неравной борьбе, которую вели антифашисты, им не раз удавалось обращать гитлеровских выродков в бегство. Момент начала кампании «Антифашистской акции» совпал с наибольшим размахом фашистских бесчинств. Впервые отпор гитлеровскому террору принял массовый характер, хотя руководство социал-демократии и противилось всеми силами единству.

В ответ на призыв ЦК КПГ уже с конца мая повсеместно стали формироваться комитеты единого фронта и отряды самообороны. В Бреслау (Вроцлав) в антифашистскую боевую дружину записалось 1500 человек, в том числе много беспартийных рабочих и социал-демократов, столько же в портовом городе Вильгельмсгафене; 300 человек вступило в отряд, созданный в Бремерхафене, 60 — в Эберсвальде и т. п. Так было и в большинстве других городов, где происходили вылазки бесчинствующих фашистских молодчиков. Отрядам самообороны приходилось сразу же вступать в действие. Так, 18—19 июня рабочие Вупперталя сообща оказали отпор попыткам гитлеровцев завладеть улицами и благодаря своей сплоченности вышли победителями. В Берлине объединенными усилиями коммунистов и социал-демократов было отбито нападение на экспедицию центрального органа КПГ «Роте фане» в районе Нейкельн. 25 июня коммунисты помогли рабочим — членам «Рейхсбаннера» отразить атаку фашистов на редакцию социал-демократической газеты «Форвертс», предпринятую в отместку за появившиеся в этом органе разоблачения гитлеровских бесчинств. А в конце июня отряд самообороны, созданный по инициативе коммунистов, обратил в бегство нацистов, напавших на отделение «Рейхсбаннера» в северном Берлине; результатом этих событий было присоединение многих берлинских социал-демократов и рейхсбаннеровцев к «Антифашистской акции»¹⁴. Единство в отпоре фашист-

¹⁴ «Zeitschrift für Militärgeschichte», 1964, N 1, S. 64—65.

скому террору сложилось в рурском городе Гаттингене, где 30 июня фашисты совершили разбойничье нападение на дом Революционной профопозиции, во время которого было убито 2 и ранено около 50 рабочих. 5 июля здесь состоялась мощная антифашистская демонстрация, в которой, наряду с коммунистами, участвовали 800 рейхсбаннеровцев в форме¹⁵.

«Антифашистская акция... придала нашим требованиям большую уверенность. Они стали значительно активнее», — писал в те дни в Москву рабочий Бергер из Брамбаха (Баден)¹⁶. А вот что говорит писатель-коммунист А. Курелла, вспоминая то время: «Эти недели... были настоящим праздником пролетариата. Вместо того чтобы ругать друг друга на собраниях, взаимно разгонять группы расклейщиков листовок, мешать проведению собраний (дошло уже и до этого), КПГ, СДПГ и „Рейхсбаннер“ стали действовать сообща против нацистов, защищали друг друга, блокировали казармы штурмовиков... Последние некоторое время не могли даже появиться на улице, и Геббельс кричал: «Мы окружены!». Объединенные в «Антифашистской акции» рабочие ощутили вдруг свою силу и дали ее почувствовать врагу»¹⁷. Это особенно хорошо можно проследить по дневнику Геббельса, в частности по записям, сделанным им во время поездки в Рейнско-Вестфальский промышленный район в середине июля. В первом же городе — Хагене — машина Геббельса столкнулась с колоннами нескрываемо враждебно настроенных людей, и фашистский главарь вынужден был под градом камней убраться. Даже на своей родине (в Мюнхен-Гладбахе) Геббельс был встречен ругательствами, проклятиями, плевками, и ему пришлось во избежание худшего ретироваться. В дальнейшем Геббельсу оставалось лишь передвигаться по Руру замаскированно, причем, как он пишет, его машина повсюду шла мимо «коммунистических пикетов».

Подъем массового движения проявился в созыве антифашистских съездов во многих городах Германии. Первый из них состоялся 12 июня в Дармштадте и собрал 750 де-

---

¹⁵ «Rote Fahne», 7.VII 1932.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 13, ед. хр. 436, л. 253.

¹⁷ «Einheit», Sonderheft, September 1962. S. 71—72.

легатов; 200 из них принадлежали к социал-демократической партии. Еще более представительным был антифашистский съезд Приморского округа — одного из основных промышленных районов страны; в его работе участвовало 1719 делегатов, принадлежавших к разным партиям и беспартийных. Съезды, в ходе которых подтверждалась решимость революционных рабочих к борьбе против кровавого фашизма, прошли в Бонне, Кобленце, Мерзебурге, Штутгарте, Трпуре и ряде других мест. 10 июля открылся антифашистский конгресс в Берлине, фактически носивший общегерманский характер. Выступления его делегатов убедительно показали, что лозунг «Антифашистской акции» подхвачен значительной частью рабочего класса. Среди участников съезда и ораторов были и члены СДПГ, призвавшие своих товарищей по партии отбросить все предубеждения и подать руку братьям-коммунистам.

На конгрессе выступил Э. Тельман, речь которого была страстным призывом к единству. Тельман говорил о возросшей опасности установления фашистской диктатуры, о несломленной силе германского пролетариата, который ненавидит гитлеровских наймитов капитала и полон стремления помешать им пробраться к власти. Председатель коммунистической партии обратился к пролетариям разных убеждений, подчеркивая, что лишь в совместной борьбе можно воспрепятствовать лишению трудящихся всех прав, подавлению пролетарских организаций, прессы, собраний, демонстраций¹⁸. Накануне конгресса состоялась беседа Э. Тельмана с группой рабочих-социал-демократов, участвовавших в работе конгресса. Она проходила в форме ответов на многочисленные вопросы, интересовавшие членов СДПГ и касавшиеся самых животрепещущих сторон политической жизни¹⁹. Ответы Тельмана показали не только тем 20 функционерам СДПГ, которые лично беседовали с ним, но и многим другим, что намерения КПГ — вопреки утверждениям социал-демократических лидеров — искренни и честны. Эта встреча убедительно подтвердила, что компартия не ставит никаких условий для единства действий, кроме одного — готовности бороться против фашистской опасности.

---

¹⁸ E. Thälmann. Was will die Antifaschistische Aktion? Berlin, [1932], S. 3—4.

¹⁹ «Wie schaffen wir die Rote Einheitsfront». Berlin, 1932.

Приход к власти реакционного правительства Папена, антирабочая направленность которого была выражена значительно сильнее, чем даже при Брюнинге, и новая волна разнузданного фашистского террора, развязанного декретом от 16 июня, создавали объективную основу для сплочения рабочих рядов. Единые действия вызывались самими событиями, и некоторые местные организации социал-демократии санкционировали их как единственный способ справиться с общим врагом — обнаглевшими фашистами. Усилившаяся тяга к единству не прошла незамеченной правящими кругами и вызвала у них нескрываемую тревогу. «Проводятся собрания, на которых обсуждаются методы сотрудничества рабочих партий, — говорилось в полицейской сводке, датированной 26 июня 1932 г., — основываются единые антифашистские комитеты. Все учащаются дискуссии о создании единого фронта, в том числе и на более высоком уровне»²⁰. А в сводке от 18 июля, касавшейся положения в Тюрингии, даже было сказано следующее: «Сомнительно, будут ли рабочие-социалисты и далее следовать за своими вождями, ибо в этих кругах выход из существующих условий видят лишь в сплочении с коммунистами»²¹.

Но руководство СДПГ ни в чем не изменило своей позиции, хотя в связи со сменой правительства, знаменовавшей собой начало нового этапа фашизации страны, существенно менялось положение самой социал-демократии. Происходили сдвиги в социальной и политической опоре буржуазии, и приход к власти правительства Папена означал отказ господствующих классов от услуг социал-демократической партии, даже в той ограниченной форме, в какой эти услуги использовались Брюнингом. Для лидеров партии не могло быть секретом, что Папен, прокладывая дорогу гитлеровцам, готовит конец ее долголетнему господству в Пруссии, правительством которой управляли «сильные люди» СДПГ — О. Браун и К. Зеверинг. На словах социал-демократия выдавала себя за решительную и непримиримую противницу «правительства баронов». Но на деле лидеры партии не использовали те колоссальные возможности, которыми располагала партия.

---

²⁰ Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Archiv, N 10/155, Bl. 140.

²¹ Ibid., Bl. 103.

Руководство СДПГ, как и прежде, отрицательно относилось к развертыванию забастовочной борьбы, к чему неустанно звала коммунистическая партия. В прессе СДПГ, на собраниях и митингах, созывавшихся ею, произносилось много правильных слов о страшных опасностях, которые несет с собой фашизм, но в итоге, как правило, следовали лишь заверения, что «в свое время» будет дан «решающий бой». Вот что говорилось, в частности, в передовой статье центрального органа СДПГ «Форвертс» 17 июля: «Мы хотели бы совершенно спокойно и с полной определенностью заявить: в тот день, когда вооруженные бандиты Гитлера получают «свободу действий», с ними будет покончено, и три дня спустя в Германии не хватит щелей, куда бы могли спрятаться штурмовики и их покровители. Если кто-либо в Германии вбил себе в голову, что организации «Железного фронта» потерпят ликвидацию республиканской конституции, тот впадает в опасную ошибку».

Подобные торжественные заверения вновь и вновь повторялись, обнадеживая массы сторонников СДПГ и связанных с нею организаций. Вот, например, слова главы «Рейхсбаннера» Гельтермана, которыми завершалось его обращение по поводу создания «Железного фронта»: «Мы не желаем ни одного дня, ни одного часа оставаться более в обороне — мы переходим в атаку! Нападение по всему фронту! Сегодня мы призываем — завтра мы нанесем удар!»²²

Это была пустая и вредная похвальба, а момент «решающего боя» вновь и вновь отодвигался. Лучшим же рецептом против фашистского террора, по мнению лидеров социал-демократии, было ... отсиживание дома. Когда нацисты устраивали в начале июля митинг в берлинском парке Люстгартен, «Форвертс» напечатал воззвание руководства, заканчивавшееся словами: «Не выходите на улицы! Закройте окна!» Нетрудно понять, что эта тактика, воодушевлявшая фашистов на все более наглые провокации, приносила огромный вред рабочему классу. Она вела к деморализации сторонников социал-демократии, приучала их к бездействию, к постоянным отступлениям, отнимала у них веру в возможность покончить с фашистской угрозой.

---

²² ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 94.

По самой большой ущерб партии и интересам пролетариата в целом приносила упорная вражда социал-демократического руководства к коммунистической партии, нежелание трезво взглянуть на создавшееся положение и пересмотреть свою самоубийственную политику в вопросе об едином фронте. Трудно поверить, но после прихода к власти Папена лидеры СДПГ не ослабили, а, наоборот, усилили свое сопротивление единству. 29 июня было опубликовано позорное решение правления партии, которое категорически запрещало низовым организациям какие-либо самостоятельные действия в деле установления единства. Так реформистские лидеры воздвигли еще одно, и немаловажное, препятствие на пути к сплочению трудящихся против наступающего фашизма. Отвергая сотрудничество с компартией, лидеры СДПГ неустанно твердили, что предложения КПГ об единстве — лишь маневр, что коммунисты будто бы стремятся только отвоевать у социал-демократии рабочие массы. При этом ловко использовались ошибки сектантского характера, имевшиеся в деятельности КПГ (о них — ниже), и именно они выдавались за существо политического курса коммунистической партии, который на деле, как мы видели, имел целью добиться единства всех трудящихся.

Лишь изредка руководители СДПГ позволяли себе быть откровенными, конечно, не в листовках или ежедневных газетах. Такого рода «откровение» появилось, например, в одном из журналов, издававшихся социал-демократической партией. Автор статьи Э. Орднунг требовал вести «всеми пригодными средствами борьбу за души этих людей (коммунистов. — Л. Г.)». Обеспокоенный усилившейся тягой к единению, Орднунг рекомендовал более гибко и маневренно реагировать на предложения компартии, чтобы затруднить разоблачение раскольнического характера политики заправил социал-демократии. Но вряд ли могло быть более разительное подтверждение этому, чем сама статья Орднунга, в конце которой прямо говорилось: «Не следует оставлять у наших сторонников никаких иллюзий. Социалистическое рабочее движение в Германии будет представлено только социал-демократией или его вообще не будет. Для длительного существования двух рабочих партий в Германии нет места»²³.

²³ «Neue Blätter für den Sozialismus», 1932, N 7, S. 346.

Разумеется, не все лица, принадлежавшие к руководящему ядру СДПГ, стояли на столь непримиримо антикоммунистических позициях; в частности, склонны были к налаживанию связей с КПП многие деятели местных организаций партии, ближе стоявшие к рабочим массам. Сторонники единства имелись и в высшем звене СДПГ; среди них были, к примеру, депутаты рейхстага О. Бухвиц и О. Гротеволь. «Вопрос о совместных действиях, необходимость сплочения всех сил пролетариата — эта мысль владеет сегодня сердцами рабочих *всех* направлений», — говорил О. Гротеволь на съезде брауншвейгской организации СДПГ (которую он возглавлял) в конце июня 1932 г. Он призывал к отказу от взаимной борьбы и выразил убеждение в незыблемости марксистской теории: «В нашей борьбе учение Маркса снова является путеводной нитью. . . Было ли когда-нибудь время, которое бы принесло более веские доказательства правоты идей марксизма, чем наши дни?»²⁴ Но таких деятелей по рукам и ногам сковывали предписания правления, строго запрещавшие самовольные соглашения с КПП.

Политическая обстановка в стране, и без того напряженная, еще более обострялась началом предвыборной кампании. Для большинства немцев это были уже четвертые выборы в течение одного полугодия; они происходили в момент наибольшего упадка германской экономики, когда она оказалась отброшенной на несколько десятилетий назад, а нищета народных масс достигла предела мыслимого. Такого же предела, казалось, достигло и ожесточение политической борьбы, далеко вышедшей за рамки словесных дискуссий и полемики. Фашисты сделали массовым гангстеризм в политической жизни; они не только превратили клевету и поношения в излюбленное орудие «идейной» борьбы, но ввели в практику физическую расправу с политическими противниками. Гитлеровцы ставили себе целью срывать избирательные собрания и митинги других партий, в первую очередь коммунистической. Нападения на такие собрания осуществлялись планомерно и не встречали отпора со стороны «охранительницы порядка» — полиции.

«Старые» буржуазные партии, чувствуя, что из-за конкуренции нацизма почва все более уходит у них из-под

---

²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 210.

ног, а избиратели разбегаются, пытались сплотиться, чтобы отстоять кое-какие позиции. Их программы становились все более реакционными, и все они, включая самую «левую» — Государственную — партию, высказывались за конституционную реформу, которая предусматривала бы введение реакционной верхней палаты, ликвидацию всеобщего избирательного права и т. п. Таким образом, под нажимом гитлеризма выветривались остатки буржуазного либерализма, который и в прошлом был в Германии гораздо слабее, чем в некоторых других европейских странах. В стороне от переговоров «старых» буржуазных партий оставалась партия Центра, не видевшая нужды в объединении с теми, кто явно терпел бедствие. Правда, и в предвыборных заявлениях правления Центра, и в выступлениях его лидеров не было недостатка в призывах к единению буржуазного лагеря, к созданию «сильного блока порядка». Один из идеологов Центра прелат Шрайбер с возмущением опровергал высказывавшуюся социал-демократическими лидерами идею, что в избирательной борьбе «на одной стороне находятся нацисты, на другой социал-демократия и Центр... Мы будем вести борьбу и с теми, и с другими»²⁵. А на деле Брюнинг, принимавший активное участие в избирательной кампании, охотно напоминал о своем стремлении (в бытность рейхсканцлером) достичь соглашения с «национальной оппозицией».

Социал-демократическая партия отводила выборам — еще более, чем обычно — центральное место в своей деятельности. В агитации СДПГ избирательный бюллетень приобретал самодовлеющую роль, становился чуть ли не единственным орудием, при помощи которого можно было отвести угрозу фашизма. Иначе ставила вопрос коммунистическая партия, которая боролась за завоевание максимального количества голосов, но в то же время разъясняла массам, что судьбы страны решаются не в избирательных баталиях, а в отпоре наступлению реакции повсюду, где она пытается наступать, прежде всего — на производстве²⁶. «Фашизм, — подчеркивал Э. Тельман в одном из своих предвыборных выступлений, и эта мысль

²⁵ G. Schreiber. Brüning—Hitler—Schleicher. Das Zentrum in der Opposition. Köln, 1932, S. 55.

²⁶ Фонды Государственного музея революции СССР, 8571, Д445—11П7.

красной нитью проходила во всех документах партии летом 1932 г., — может быть разгромлен наиболее действенным образом в борьбе за зарплату, в движении безработных, в действиях самообороны, трудящихся крестьян — в беззаветной классовой борьбе вплоть до организации массовой политической забастовки»²⁷. Партия развертывала подготовку к выборам под знаком всемерного расширения сферы действия «Антифашистской акции». Одной из важнейших задач при этом было пробудить в трудящихся веру в свое могущество. «Возрождая в массах сознание своей силы и веру в возможность победоносной борьбы против фашизма, которые в результате разочарований шарлатанскими маневрами социал-демократии во многих случаях уступили место определенным настроениям депрессии, мы одновременно создаем важнейшую предпосылку успеха «Антифашистской акции»», — говорилось в циркулярном письме секретариата ЦК КПГ от 4 июня 1932 г.²⁸

Реакция ищет предлог для удара

По мере приближения дня выборов борьба обострялась, унося ежедневно все новые людские жизни. Мы уже писали о том, что правительство чуть не с первого дня своего существования начало готовить «операцию» в Пруссии. Ее цель заключалась не только в захвате командных высот этой земли, но и в прощупывании силы рабочего класса, его готовности к отпору действиям реакции. Соответственно был выбран и момент устранения законного прусского правительства: это должно было произойти незадолго до выборов, чтобы как можно сильнее снизить число голосов за рабочие партии и увеличить популярность тех, кто был инициатором вмешательства в прусские дела — Национальной и гитлеровской партий. В начале июля обсуждение правительством планов переворота в Пруссии приняло уже конкретные формы. Вначале предметом «изучения» являлось финансовое положение Пруссии, которое, как и во всех других землях, было тяжелым. Но от этого предлога для вмешательства при-

²⁷ «Rote Fahne», 14. VI 1932.

²⁸ Фонды Государственного музея революции СССР, 8448/1, Д445—11Щ, стр. 8.

плось отказаться, ибо даже для тех, кто замышлял устранение прусского правительства, он был малоубедителен.

Протоколы заседаний имперского правительства открывают картину беспримерного по своему цинизму и разбойничьей откровенности сговора о том, как наилучшим образом представить перед общественным мнением готовящийся переворот. На заседании 13 июля царила растерянность, ибо накануне Зеверинг опубликовал приказ о мерах по «поддержанию порядка», выбивший, как признал министр внутренних дел Гайль, из рук имперского правительства повод для его устранения²⁹. Надо было искать нового предлога. Между тем прусские власти делали все от них зависящее, чтобы не «прогневить» Папена. Они фактически не воспротивились легализации штурмовых отрядов; неистребимой трусостью диктовались и приводившиеся выше призывы закрывать окна и не выходить на улицы во время фашистских шествий по рабочим кварталам.

16 июля правление СДПГ заслушало сообщение Зеверинга и обсудило вопрос, допустимо и желательно ли применение полиции, поддерживаемой «Железным фронтом», в случае противозаконных шагов имперского правительства и рейхсвера. Было принято единодушное решение «не оставлять правовых основ конституции, что бы ни случилось»³⁰. Уже это решение по существу определило собой исход событий. Заправила СДПГ, видимо, надеялись «отсидеться», сильно недооценивая стремление Папена — Шлейхера овладеть Пруссией, которую Зеверинг незадолго до того назвал «сильнейшим бастионом республики». А когда буржуазные коллеги по правительству, предупреждавшие его о готовящемся перевороте, стали настаивать на принятии мер для отпора, Зеверинг отказал им³¹.

Прусское правительство, боявшееся опереться на народные массы, металось из одной крайности в другую. То оно рекламировало свою решимость сопротивляться и устами своих членов (как правило, буржуазных) заявляло, что «никогда не допустит имперского комиссара», то прикидывалось ничего не ведающим. Между тем о пла-

²⁹ Th. Vogel s a n g. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 474—475.

³⁰ C. Seve r i n g. Mein Lebensweg. Bd. II. Köln, 1950, S. 347.

³¹ H. K e s s l e r. Tagebücher 1918—1937, S. 690—691.

нах правительства Папена газеты писали давно, а 17 июля (когда чрезвычайный декрет о перевороте в Пруссии уже был подписан Гинденбургом, правда, без определенного числа — его должен был проставить сам Папен!³²) в печати появилось сообщение о том, что оно вовсе не отказалось от плана назначения имперского комиссара для Пруссии. Правительство чувствовало свою силу, и главным ее источником была убежденность в бездействии руководства СДПГ, основанная на всей политике последнего, на пассивности прусских властей.

По мере того как нарастал отпор гитлеровскому террору и ширилась «Антифашистская акция», нацисты поднимали все более шумную кампанию, обвиняя прусское правительство чуть ли не в потворстве коммунистам. Это было насквозь лживое обвинение: полиция в большинстве случаев потворствовала фашистам. Последним, однако, нужна была полная «свобода рук». Вот почему они в своей печати и на собраниях непрерывно требовали устранения прусского правительства. 24 июня девять видных гитлеровцев с этой целью посетили Гайля, утверждая, будто правительство Пруссии «не борется с коммунистами». Гайль согласился с этим и заявил, что, если Зеверинг не наведет порядка, будут приняты меры³³.

Договоренность о назначении правительственного комиссара в Пруссию в случае, если нацисты не войдут в состав прусского правительства, была достигнута во время беседы Шлейхера с Гитлером 4 июля. Окончательно же вопрос был решен в результате их встречи, состоявшейся 19 июля в Котбусе³⁴. По тому же поводу велась переписка между Папеном и президентом прусского ландтага фашистом Керлем. 18 июля последний направил рейхсканцлеру пространное послание, в котором предлагал «взять прусскую полицию в свои руки», используя для этого параграф 48-й конституции³⁵. Но наиболее весомым было требование «навести порядок»

---

³² Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, N 76, Bl. 263.

³³ Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichsministerium des Innern, N 25706, Bl. 8—12.

³⁴ W. Hoegner. Die verratene Republik. Geschichte der deutschen Gegenrevolution. München, 1958, S. 313.

³⁵ Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, Akte 169, D IIIb, N 5, Bd. 5, Bl. 88—94.

в Пруссии, исходившее от ряда крупнейших промышленников Рура³⁶.

Здесь необходимо сделать отступление в область, более подходящую для авантюрного романа, чем для исторического повествования. Этот сюжет связан с неким Рудольфом Дильсом, который в рассматриваемое время служил в министерстве внутренних дел Пруссии в должности советника и занимался не чем иным, как изучением путей борьбы с фашистской опасностью. Он пользовался безусловным доверием министра Зеверинга, участвовал в важных совещаниях и постоянно находился в курсе того, чем жило министерство. В этом не было бы ничего особенного, если бы не одна «деталь»: Дильс являлся не только — и не столько — правительственным чиновником, сколько убежденным нацистом, приносявшим гитлеровской партии огромную пользу поставкой информации о намерениях полиции. Не удивительно, что после своего прихода к власти нацисты назначили Дильса начальником тайной полиции; именно этот выученик и доверенное лицо Зеверинга был первым шефом гестапо, возглавляя ее как раз в те месяцы, когда началась кровавая расправа с десятками тысяч борцов за народное счастье. Но в середине 1932 г. Дильсу и не снилась такая карьера, он еще должен был «заслужить» ее. И он старался изо всех сил. Из биографии непосредственного начальника Дильса по фашистской партии Мейнстаузена, заместителя гаулейтера Берлина, опубликованной в 1934 г., известно, что вначале тот принимал всяческие меры предосторожности, встречаясь с Дильсом; но позднее, установив, что опасения совершенно излишни, запросто приходил к нему на квартиру и не раз бывал свидетелем служебных переговоров по телефону, в ходе которых шла речь о «борьбе против нацистов»³⁷.

Дильс сыграл зловещую роль и в «прусском деле». От него исходил донос, вызвавший подлинное ликование у членов правительства Папена. Дильс сообщил, будто статс-секретарь прусского министерства внутренних дел Абегг (принадлежавший к Государственной партии) имел беседу с коммунистами — депутатом рейхстага Торгле-

---

³⁶ E. Beck. The Death of the Prussian Republik. Tallahassee, 1959, p. 100.

³⁷ «Einheit», 1948, N 6, S. 563.

ром и депутатом ландтага Каспером, в ходе которой обсуждались возможности сотрудничества прусских властей с КПГ против фашизма. Это сообщение маловероятно, ибо прусское правительство упорно придерживалось антикоммунистического курса, а КПГ в свою очередь резко и непримиримо разоблачала политику прусских властей, продиктованную заботой об охране интересов буржуазии и помещиков. Но если даже предположить, что подобная встреча состоялась, то она могла быть лишь плодом личной инициативы Абега, которого искренне заботила вплотную приблизившаяся фашистская опасность. Сообщение Дильса противоречило всему, что было характерно для правительства Брауна — Зеверинга за многие годы его пребывания у власти, и потому безусловно нуждалось в серьезной проверке.

Но весь смысл доноса Дильса в том и заключался, что он содержал искомое, и будь он трижды вымышлен, и тогда его никто не стал бы ставить под сомнение и проверять. В донос сразу же «поверили» и превратили в обвинительный документ. Что же касается самого Дильса, то его функции в «операции» этим не ограничились. Как теперь известно из материалов правительственного архива, 19 июля, т. е. накануне государственного переворота в Пруссии, на квартиру Дильса прибыли статс-секретарь рейхсканцлера Планк («человек» Шлейхера, приставленный им к Папену) и некто Брахт, который должен был на следующий день заменить собой Зеверинга на посту министра внутренних дел Пруссии³⁸. «Двойник» — Дильс — инструктировал заговорщиков о том, как надо действовать во время переворота; он исходил из того, что вряд ли следует опасаться со стороны Зеверинга сопротивления, какого ожидали от него, слышшего в течение многих лет «сильной личностью».

Между тем накал политической борьбы нарастал с каждым днем. В воскресенье, 10 июля, по всей стране состоялись сотни нападений гитлеровцев на рабочие организации, предвыборные собрания, на отдельных антифашистов. В итоге лишь за один этот день в Германии 17 человек было убито и 191 тяжело ранен. Казалось, это максимум. Но следующее воскресенье, 17 июля, было еще более кровопролитным. Число жертв фашистского

---

³⁸ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 237.

разбоя превысило 300 человек, из них 18 было убито. Наиболее ожесточенные столкновения произошли в рабочем пригороде Гамбурга Альтоне, где гитлеровцам, откровенно провоцировавшим пролетариев Гамбурга, вздумалось провести свою демонстрацию.

Усиленно охраняемые полицией, еще находившейся тогда под командованием социал-демократа Эггерштедта, 5 тыс. штурмовиков двинулись в кварталы, населенные беднотой. Их шествие напоминало карательную экспедицию. Вскоре раздалась команда: «Стреляйте в красных собак!» Альтонские рабочие немедленно организовали оборону; на улицах быстро выросли баррикады — снова, как за девять лет до того, во время героического гамбургского восстания, возглавлявшегося коммунистической партией. Вот как описывала события одна прогрессивная немецкая газета: «Город напоминал военную зону. Газы, бомбы, ручные гранаты и броневики господствовали на улицах... Развернулась уличная битва полиции, по существу объединившейся с национал-социалистами, против коммунистов. Туда, где не закрывали по приказу полиции окна, полиция стреляла»³⁹. А на следующий день Эггерштедт опубликовал официальное сообщение, в котором пытался возложить вину за наглую вылазку фашистов на рабочих. «Речь идет, — говорилось в этом позорном заявлении, — о тщательно подготовленном нападении со стороны антифашистского объединения»⁴⁰. В этом он был вполне солидарен с самим Папеном, заявившим, что альтонские события «вызваны провокациями и нападениями сзади со стороны коммунистов». Можно понять, каково было возмущение рабочих, когда им приходилось сталкиваться со столь наглой ложью, особенно когда она исходила от людей, называвших себя социалистами и занимавших в СДПГ руководящие должности.

Один офицер и два солдата...

Кровавые столкновения произошли 17 июля не только в Пруссии, но и в остальных землях. Однако правительство Папена, ожидавшее «удобного» повода, решило, что он найден. Мнимые переговоры правительственного чи-

---

³⁹ «Berliner Zeitung am Mittag», 18.VII 1932.

⁴⁰ См. «Правда», 20.VII 1932.

новника с коммунистами и «потворство» коммунистам в Альтоне — таковы были прегрешения, которые 20 июля — в день, намеченный для государственного переворота, — решено было вменить в вину прусским властям. Эти обвинения, не выдерживавшие критики, были хороши для инициаторов переворота тем, что помогали разжигать антикоммунизм и тем самым запугать и одурачить обывателей. Даже в своем выступлении 20 июля по радио Папен не постеснялся назвать разбойничью операцию, предпринятую его правительством в Пруссии и направленную в первую очередь против социал-демократии и Центра — основной опоры смещенного кабинета Брауна, исключительно антикоммунистической акцией⁴¹. Это был один из относительно ранних случаев применения жульнического приема, которым в дальнейшем так широко и беззастенчиво пользовались гитлеровцы, маскируя свои замыслы.

Наступило 20 июля 1932 г. — один из черных дней германской истории. Папен и его коллеги располагали хорошо подготовленным планом действий, который включал в себя объявление области Берлин-Браденбург на осадном положении и передачу всей власти на ее территории в руки армейского командования. Но было нечто, не дававшее им всем покоя: страх перед возможностью объявления всеобщей забастовки. Рано утром 20 июля, накануне того, как развернулись события, статс-секретарь президента Мейснер явился к Папену, у которого уже находились министр внутренних дел Гайль и «без пяти минут» минвнудел Пруссии Брахт, и поставил вопрос, не целесообразно ли будет в случае провозглашения всеобщей забастовки распространить осадное положение на всю Германию. Соответствующее поручение было ему дано⁴². А генерал рейхсвера Рундштедт (будущий фельдмаршал Гитлера), которому 20 июля была вручена исполнитель-

---

⁴¹ «Ursachen und Folgen vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945», Bd. VIII. Berlin [o. J.], S. 575—576.

⁴² «Zur Geschichte des «Preussenschlags» am 20. Juli 1932». — «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1961, N 4, S. 436. Еще за несколько дней до того членам правительства было сообщено желание крупнейших представителей тяжелой промышленности Крупна и Бранди о введении осадного положения на территории всей Германии («Die Weimarer Republik. Ihre Geschichte in Texten, Bildern und Dokumenten», S. 363).

ная власть в Берлине, первым делом опубликовал приказ, озаглавленный: «Против подстрекательства к всеобщей забастовке». Генерал запрещал подобное «подстрекательство», угрожая каторгой⁴³. Нацисты считались с большой вероятностью немедленного объявления всеобщей стачки, что видно из выступления Гитлера в Гамбурге в день переворота (характерно, что этого не скрывала социал-демократическая пресса, тем не менее оправдывавшая курс руководства партии)⁴⁴.

Утром 20 июля три прусских министра, в том числе Зеверинг, были приглашены в рейхсканцелярию, где Папен сообщил им содержание чрезвычайного декрета президента о смещении их со своих постов и назначении его, Папена, имперским комиссаром Пруссии. Как свидетельствует протокол этой беседы, Зеверинг был очень спокоен. Он лишь заметил, что человек, «в течение восьми лет связанный с жизнью полиции, могущий положиться на чиновников своего ведомства (он имел в виду самого себя), гораздо больше отвечает запросам нынешнего тяжелого времени, чем новое лицо». Следовательно, Зеверинг недвусмысленно напрашивался в сотрудники папеновской клике, хотя ему грубо показывали на дверь. И лишь для отвода глаз он заявил, что «уступит только силе»⁴⁵. Это была недостойная комедия, ибо в тот же день Зеверинг советовал полицей-президенту Берлина, своему коллеге по партии Гржезинскому, без всякого сопротивления уступить свою должность⁴⁶. А когда в кабинете Зеверинга появился Брахт в сопровождении одного офицера и двух солдат (!), «сильная личность» бесшумно освободила место. По словам Брахта, доложившего об этом на заседании имперского правительства, Зеверинг принял его сердечно и они быстро достигли соглашения. Не менее сговорчив был и Гржезинский, любезно представивший своего незаконного преемника Мельхера персоналу полицей-президиума и лишь резервировавший за собой право изучить происшедшие перемены с правовой точки зрения.

---

⁴³ «Vorwärts», 22.VII 1932.

⁴⁴ См. «Das freie Wort», 1932, N 31, S. 3.

⁴⁵ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1961, N 4, S. 437.

⁴⁶ A. Grzesinski. La tragi-comédie de la république allemande. Paris, 1934, p. 226.

Единственно, чем смещенные деятели были искренне возмущены, так это обвинением в потворстве коммунизму: в подобном «преступлении» они действительно были никак не повинны. И они громко кричали о допущенной «несправедливости», всячески рекламируя свои заслуги в борьбе против коммунистической партии. Так, выступая в имперском суде при обсуждении жалобы бывшего прусского правительства, представитель последнего заявил: «В действительности именно Зеверинг и Гржезинский ... всегда сурово подавляли выступления коммунистов, и потому они принадлежали к числу самых ненавистных для коммунистов лиц»⁴⁷. Столь же активно стремились социал-демократические заправилы отмежеваться от несправедливого обвинения в сближении с коммунистической партией. «Все утверждения, — писал «Форвертс» в передовой статье на следующий же день после переворота, — о каком-то сотрудничестве социал-демократии с коммунистической партией являются чистым вымыслом».

Клевета и нападки на компартию в прессе СДПГ резко усилились; они сопровождали неслыханное предательство интересов рабочего класса и трудящихся масс в целом — отказ руководства социал-демократии дать отпор реакции, совершившей противозаконный государственный переворот.

Еще 17 июля центральный орган СДПГ, увещевая рабочих не прислушиваться к призывам КПГ о развертывании стачечной борьбы, заявлял: «Мы не позволим вспышечникам затупить это последнее, решающее оружие пролетариата. Вопрос о том, следует ли его применить и когда, решают только ответственные организации. Если возникнет угроза основным, жизненным правам рабочего класса, они без колебания нанесут удар всей мощью наших организаций». И вот такой момент наступил. Реакция решилась на беззастенчивое надругательство над конституционными правами народных масс, чтобы захватить позицию, владея которой, можно было значительно ускорить ликвидацию буржуазно-демократического строя в Германии. Но руководство социал-демократии не приняло вызова и отступило без боя, что имело печальные

---

⁴⁷ «Preussen contra Reich vor dem Staatsgerichtshof». Berlin, 1933, S. 22.

последствия для исхода всей напряженной политической борьбы тех лет.

В течение всего дня 20 июля правление социал-демократической партии распространяло листовки, призывавшие к «благоразумию», «дисциплине», а главное, к неучастию в политических забастовках, пропагандируемых «неуполномоченными на то лицами». Такого же рода листовки издавались и от имени руководства реформистских профсоюзов (лидеры СДПГ даже пытались позднее переложить вину за случившееся на профдеятелей, но между теми и другими не было в данном вопросе ровно никаких разногласий) и «Железного фронта». Все они рекомендовали ответить на события в Пруссии ... активностью в избирательной борьбе, чтобы 31 июля добиться максимального числа голосов за социал-демократию. И вновь, как будто ничего не произошло, правление СДПГ твердило — теперь это звучало скорей как насмешка над легковверными последователями, — что германский рабочий класс никому не позволит «предписывать себе выбор средств и момента действия»⁴⁸. Но лидеры СДПГ и профсоюзов не могли заблуждаться насчет того, что их политика находится в кричащем противоречии с настроениями и волей масс.

Многочисленные воспоминания рисуют трагическую картину гибели надежд сотен тысяч людей, породившей у них опаснейший скептицизм.

Города Германии представляли собой в тот день бурлящий котел. Возмущение наглыми действиями правительства охватило всех классово сознательных рабочих и требовало выхода. Возможности для отпора реакции были как нельзя более благоприятны. Нужен был лишь призыв к борьбе. Но он прозвучал только в обращении Коммунистической партии Германии, хотя она сразу же оказалась в чрезвычайно сложных условиях: одновременно с смещением прусского правительства были запрещены «Роте фане» (а ее помещение занято войсками) и другие важнейшие издания КПГ. Тем не менее призыв ко всеобщей забастовке, с которым ЦК КПГ обратился ко всем германским рабочим, был отпечатан в виде листовки и распространен, вопреки запрету военных властей, на многих

---

⁴⁸ «Abend», 21.VII 1932.

предприятиях⁴⁹. Но в условиях, когда лидеры СДПГ, пользовавшиеся влиянием на значительную часть рабочего класса, активно противодействовали объявлению всеобщей забастовки, усилия КПГ не принесли необходимого результата. Кроме того, сказались и слабые стороны, имевшиеся в работе КПГ (о них мы расскажем ниже).

Следовало братья за оружие!

С 20 июля 1932 г. и по сей день Зеверинг, Гржезинский, а за ними и другие обанкротившиеся социал-демократические политики лживо утверждают, что сопротивление государственному перевороту было якобы обречено на неудачу: и силы-де неравны, и уже «поздно» было давать отпор, и т. п. Эти фальсификаторские ухищрения, цель которых — оправдаться перед историей, использует в своих воспоминаниях Папен, считающий, что мнимая бесперспективность сопротивления перевороту в какой-то мере может его обелить. И то и другое грубо противоречит фактам, в том числе свидетельствам и документам, исходящим не только от рядовых членов СДПГ, но и от ее функционеров, депутатов рейхстага. Эти документы красноречиво говорят, что массы сторонников социал-демократической партии были всецело за объявление всеобщей забастовки и с нетерпением ждали сигнала.

Яркое описание трагедии, которую переживали рабочие-социал-демократы, готовые к борьбе, но вынужденные разойтись ни с чем, содержится в книге видного в прошлом деятеля СДПГ, а в послевоенные годы одного из основателей Социалистической единой партии Германии, О. Бухвица⁵⁰. О повсеместном стремлении к борьбе, которое особенно сильно проявлялось в Саксонии, сообщает также правый социалист В. Хёгнер⁵¹. Бывший глава «Рейхсбаннера» в Брауншвейге О. Арнгольд подтверждает, что и в этой земле рабочие были полны готовности участвовать во всеобщей забастовке. Но, как и во многих

---

⁴⁹ «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946». Berlin, 1954, S. 324—325.

⁵⁰ O. Buchwitz. 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1958, S. 118—119.

⁵¹ W. Högn er. Der schwierige Aussenseiter. München, 1959, S. 63.

других местах, оружия у рабочих не было — надеялись на полицию (хотя здесь у власти находилось реакционнейшее правительство с участием гитлеровца) ⁵².

На улицах рабочих районов Берлина, особенно в Веддинге и Нейкельне, велись бурные споры о создавшемся положении. В центре всех дискуссий стоял вопрос о генеральной стачке. Вспоминали путч Каппа в 1920 г., провалившийся только благодаря тому, что весь рабочий класс поднялся на борьбу. Веддингский пролетарий, в прошлом социал-демократ, Г. Вебер сообщает, что труженики этого района единодушно стремились ответить на переворот, устроенный правительством «Клуба господ», всеми доступными средствами; он также пишет о страшном разочаровании, вызванном листовкой правления СДПГ, в котором призывы ко всеобщей забастовке квалифицировались как «действия провокаторов» ⁵³.

Берлинские рейхсбаннеровцы в полной боевой готовности 20 июля собрались в условленных местах и пробыли там до утра следующего дня. Весьма решительно были настроены студенты, входившие в «Академический легион»: они заняли исходные позиции для штурма прусского министерства внутренних дел и здания берлинского радио, т. е. объектов первостепенного значения. Но они не получили необходимого сигнала и вынуждены были вечером разойтись. Другой важный факт известен из рассказа члена производственного совета предприятий, снабжавших население Берлина электричеством, газом и всдой. Благодаря большому влиянию социал-демократической организации удалось добиться договоренности (была даже система постоянных дежурств), что по сигналу, означающему начало всеобщей забастовки, будет полностью прекращена подача электроэнергии, воды и газа столице. Но и эта ключевая позиция не была использована, и между восемью и девятью часами вечера рабочие, негодуя, покинули свои посты ⁵⁴.

Соотношение сил было вовсе не так неблагоприятно для защитников демократии, как изображали заправила СДПГ. Известно, например, что полицейские части, находившиеся в распоряжении прусского правительства,

⁵² «Das Ende der Parteien 1933», S. 142.

⁵³ «Neues Deutschland», 15.IX 1951.

⁵⁴ «Das Ende der Parteien 1933», S. 140.

составляли около 20 тыс. человек. Это значительно превышало численность войск, имевшихся 20 июля в Берлине; для использования же частей, расположенных вне Берлина, военное министерство не приняло никаких мер⁵⁵. Профсоюз железнодорожников изъявил готовность прервать сообщение, а это не только помешало бы переброске войск, но и крайне стеснило бы маневренные возможности правительства. Следовательно, все было за то, чтобы дать реакции открытый бой, имея хорошие шансы на победу.

Лживость утверждений заправил СДПГ о «бессмысленности» сопротивления папеновскому перевороту в Пруссии признают и некоторые представители этой партии, и многие буржуазные историки. Так, например, социал-демократ Г. Шютцингер пишет, что бои полиции, рейхсбаннеровцев и членов профсоюзов (здесь намеренно пропущены рабочие-коммунисты, а ведь именно они и могли бы решить дело), конечно, потребовали бы несколько сот жертв; но это совсем не значит, что победили бы войска. «Когда массы берлинцев затопили бы Унтер ден Лиден, Вильгельмштрассе и т. п., тогда весьма вероятно пришлось бы убрать войска Рундштедта»⁵⁶. Того же мнения придерживается уже упоминавшийся В. Хёгнер (после войны — премьер-министр Баварии). «Возможно, — пишет он, — что жертвы, которых стоила германскому народу вторая мировая война, стали бы излишними, если бы 20 июля 1932 г. было оказано вооруженное сопротивление Папену»⁵⁷. Даже полное поражение в открытой борьбе не было бы тяжелее, чем психологические последствия бездеятельности, — таково мнение западногерманского исследователя этих событий Э. Маттиаса⁵⁸.

Социал-демократические руководители прекрасно понимали, что делают, более того, они рекламировали свои «заслуги». Вот что говорилось в передовой статье вечернего издания «Форвертса» от 21 июля: «Пресса тех, кто стоит у власти, декламирует: „Берлин сохранил спокой-

---

⁵⁵ K. Schütze. Reichswehr wider die Nation. Berlin, 1963, S. 169—170; В. Мюллер. Я нашел подлинную родину. М., 1964, стр. 240.

⁵⁶ H. Schüttinger. Die «Machtergreifung». — «Deutsche Rundschau», 1947, N 2, S. 101.

⁵⁷ W. Högner. Der schwierige Aussenseiter, S. 63.

⁵⁸ «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1956, N 3, S. 257.

ствие". Действительно, в Берлине было совершенно спокойно, но пусть они не заблуждаются: они обязаны этим только благоразумию руководства социал-демократии и ее хладнокровию, только достойной удивления дисциплине берлинских рабочих. Иначе произошли бы события, последствия которых даже трудно учесть», — так заканчивается это саморазоблачение. Оно обнажает главную причину отказа социал-демократических лидеров от борьбы: страх, что события могут в конечном итоге поколебать самые основы капиталистического строя⁵⁹, чего эти лидеры не могли допустить. Сам Рундштедт не преминул с похвалой отозваться о политике СДПГ. «Нужно благодарить социал-демократическую партию, — заявил он, — за то, что она не присоединилась к стачечному лозунгу, а наоборот, призвала к спокойствию и благоразумию, дабы не помешать нормальным выборам»⁶⁰. Осадное положение не понадобилось не только в масштабе всей страны, но и в Берлине оно оказалось, пожалуй, излишним. Столь безболезненного исхода своей противозаконной акции не ожидали ни Папен, ни Шлейхер, ни их единомышленники⁶¹.

Новая администрация в Пруссии в массовом порядке увольняла чиновников социал-демократов. После Ноябрьской революции представители СДПГ облюбовали сотни теплых местечек в государственном аппарате, особенно в Пруссии, правительство которой все эти годы лишь с незначительными перерывами возглавляли социал-демократы. Они являлись обер-президентами ряда прусских провинций, бургомистрами многих городов, наконец, полицей-президентами крупнейших центров, в числе которых, кроме Берлина, были Кельн, Магдебург, Ганновер, Франкфурт-на-Майне, Киль, Дортмунд, а за пределами Пруссии — Гамбург, Лейпциг и др. Значительная часть этих служаков была вскоре после 20 июля устранена, что вызвало со стороны руководства и прессы СДПГ слезные жалобы и все новые напоминания об услугах буржуазии, оказанных уволенными за годы «беспорочной службы». Кое-кто из чиновников — членов СДПГ и дальше оставался на своих постах, например «кровавая собака»

⁵⁹ O. Braun. Von Weimar zu Hitler. Zürich, 1940, S. 410.

⁶⁰ Цит. по: «Правда», 22.VII 1932.

⁶¹ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1961, N 4, S. 431.

Носке, возглавлявший в 1919 г. подавление революционного пролетариата (с 1920 г. он был обер-президентом провинции Саксония); или Цергибель, «прославившийся» расстрелом демонстрации рабочих Берлина 1 мая 1929 г. Эти деятели вполне гармонировали и с новым режимом.

Свое возмущение и обиды смещенное прусское правительство, выражая и чувства других уволенных государственных служащих, изложило в жалобе, направленной в Имперский суд в Лейпциге. С самого начала ни для кого не было секретом, что подобная жалоба не принесет сколько-нибудь действенного результата, ибо суд не пойдет против президента республики, освятившего нарушение конституции своим авторитетом. Это подтвердилось уже через несколько дней, когда имперский суд отказался удовлетворить требование правительства Брауна—Зеверинга — приостановить действие чрезвычайного закона о назначении имперского комиссара впредь до вынесения решения по существу. Сам же процесс по этому делу был отнесен на октябрь с тем, чтобы страсти, вызванные переворотом, улеглись и вопрос потерял политическую остроту. Не помогло и сильное недовольство действиями Папена в южногерманских государствах, особенно в Баварии и Бадене, поддержавших жалобу и направивших в Лейпциг своих представителей. Имперское правительство использовало против них нажим и угрозы в сочетании с маневрированием, памятуя, что, когда решался вопрос о легализации штурмовых и охранных отрядов, правящие круги южногерманских земель не проявили стойкости и пошли на компромисс.

Таким образом, «политика силы» восторжествовала. Не менее чем клика, осуществившая переворот, этому были рады гитлеровцы. Нацистская пресса ликовала по поводу «ликвидации ноябрьского господства в Пруссии»⁶².

---

⁶² В то же время гитлеровцы все более тяготились связью с правительством Папена, ибо, не находясь у власти, они вынуждены были делить ответственность за его политику. «Утверждать, что мы поддерживаем правительство Папена и последний чрезвычайный декрет от 14 июня 1932 г. — лицемерие этой бесстыдной партии» (СДПГ. — Л. Г.), — говорилось в одной из предвыборных листовок фашистов (ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 196). В дневнике Геббельса за июнь-июль имеется немало панических записей на этот счет. «Правительство приносит нам с каждым днем все больше вреда, — сказано, например, в записи от 1 июля. — Можно почти по пальцам сосчитать, сколько мил-

«Начало сделано, — откровенно писал «Фелькишер беобахтер», — мы же доведем это до конца. Необходимо освободить путь для национал-социалистского движения и для взятия им власти». Вывод, сделанный центральным органом фашистской партии, совершенно недвусмыслен. А берлинский орган нацистов «Ангриф», рупор Геббельса, выдвигая требование объявить мандаты КПГ в рейхстаге недействительными, писал 1 августа, что «вряд ли правительство Папена решится на это, хотя 20 июля показало, что подобную меру можно провести без особого риска».

Фашистская газета в своем злорадстве сформулировала именно то, что было главным политическим уроком удавшегося государственного переворота в Пруссии. В итоге реакция почувствовала безнаказанность не только своих мелких и частичных покушений на демократические свободы, которыми заполнена вся история Веймарской республики, но и попытки одним махом ликвидировать чуть ли не все ее здание. Этот вывод придал нацистам новые силы и энергию в борьбе за власть, укрепил их претензии. В литературе, посвященной истории Германии тех лет, высказывается даже точка зрения, что 20 июля окончательно предопределило ход дальнейших событий вплоть до установления фашистской диктатуры в январе 1933 г.⁶³ С подобной точкой зрения нельзя согласиться, она фаталистична. Коммунистическая партия — единственная, призвавшая народные массы оказать отпор перевороту Папена, — сделала это потому, что увидела в нем важнейший шаг на пути к фашистской диктатуре. Однако и после 20 июля вопрос об ее установлении оставался открытым; он решался в ходе напряженной классовой борьбы. И после 20 июля имелись возможности преградить путь фашизму; но их необходимо было использовать. Последующие события подтвердили, что борьба с фашизмом отнюдь не безуспешна, хотя поражение, понесенное пролетариатом 20 июля 1932 г., нанесло ей весьма существенный урон.

лионов голосов мы теряем... Ко всему „Клуб господ“ распространил циркуляр, в котором сообщается, что фюрер одобряет все мероприятия этого кабинета» (J. G ö b b e l s. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Berlin, 1934, S. 121—122).

⁶³ См., например: K. S c h w e n d. Bayern zwischen Monarchie und Diktatur. München, 1954, S. 454.

Отпор фашизму крепнет

Успех реакционных сил окрылил фашистов на дальнейшее усиление террора против политических противников. Кровавые столкновения — результат гитлеровских провокаций — участились. В самых разных уголках Германии фашистские бандиты жгли и убивали, практикуясь на собственном народе в злодеяниях, которые они намеревались совершить в масштабах всей Европы. Кровью обагрились в эти дни улицы старинного баварского города Аугсбурга, пролетарского Дортмунда, Неймюнстера, Ганновера, Бунцлау и многих других мест. Усиливая террор, всемерно разнообразя и варьируя свою демагогическую пропаганду, опираясь на активную поддержку правительства, Гитлер и его клика надеялись получить на выборах в рейхстаг 31 июля абсолютное большинство. Фашисты рассчитывали использовать деморализацию и разочарование, охватившие часть приверженцев социал-демократии, и завоевать на свою сторону значительные слои рабочего класса, чего до того времени им не удавалось. Нацисты намеревались оторвать часть сторонников у коммунистической партии, сыграв на поражении, понесенном германским пролетариатом 20 июля. По мысли фашистских главарей и тех, кто ими руководил — тиссенов, кирдорфов и т. п., 31 июля должно было стать днем триумфа гитлеровской партии, после чего Папену как мавру, сделавшему свое дело, следовало уйти, уступив место Гитлеру. И уже в августе 1932 г. в Германии воцарилась бы фашистская диктатура.

Удар, нанесенный 20 июля реакцией, сильнейшим образом помешал избирательной пропаганде КПГ. Запрет многих ее изданий («Роте фане» вышла только 28 июля), осадное положение в столице, массовые аресты и разнузданный фашистский террор нарушали связи партии с массами, сковывали ее инициативу. Но и в этих исключительно сложных условиях, находясь под угрозой запрета, которого все громче требовали фашисты и их подголоски из других реакционных организаций буржуазии, компартия продолжала вести огромную, многогранную работу, принесшую свои плоды. Большую пользу делу борьбы против реакционных сил оказала «Антифашистская акция», охватившая сотни тысяч трудящихся независимо от партийной при-

надлежности. Отряды самообороны, возникшие под знаком «Антифашистской акции», после 20 июля не только не ослабили, как ожидали гитлеровцы, отпора фашистскому террору, но, наоборот, усилили его. В последние дни июля нацистские убийцы повсеместно наталкивались на твердое сопротивление и вынуждены были в большинстве случаев бесславно ретироваться из рабочих кварталов, хотя и пользовались поддержкой полиции (в Пруссии эта поддержка после последних событий приняла еще более откровенный характер). Единство и сплоченность, на основе которых строились отряды самообороны, обнаружили свою силу и непобедимость. Об этом ярко и страстно говорил Э. Тельман, выступая накануне выборов на грандиозном антифашистском митинге в берлинском рабочем районе Нейкельн:

«В давние времена, когда враг вторгнулся на территорию племени, на горах зажигали сигнал, означавший призыв сплоченно и единодушно, смело и отважно выступить против неприятеля. Мы, коммунисты, тоже зажгли теперь наш огонь, призывающий к революционному единству, к сплочению и действию. Это — „Антифашистская акция“». Э. Тельман вновь напомнил о необходимости неустанно пробуждать в рабочем классе сознание его колоссальной силы, гигантской мощи, которой он обладает вместе со всеми трудящимися⁶⁴. С пламенными призывами крепить единство в борьбе против реакции и фашизма обратились к собравшимся также В. Пик и В. Ульбрихт. В воззвании, опубликованном 30 июля, за день до выборов, ЦК КПП писал: «Ни на один миг не забывайте события 20 июля...! Так же, как правящие круги не остановились тогда перед нарушением конституции, она не остановит их от дальнейшего осуществления планов установления фашистской диктатуры при помощи внепарламентских средств грубого насилия».

Результаты выборов во многом не оправдали надежд крайней реакции. Число голосов, собранных гитлеровцами, — почти 13 750 тыс. — было безусловно очень велико, и опасность фашистской диктатуры отнюдь не уменьшилась. Но нацистам не только не удалось завоевать абсолютное большинство — они не сумели даже

---

⁶⁴ «Rote Fahne», 29.VII 1932.

сколько-нибудь значительно расширить свое влияние по сравнению с апрелем 1932 г., когда состоялся второй тур президентских выборов. 31 июля обнаружило приостановку роста гитлеровской партии; в некоторых же округах ее влияние даже уменьшилось. Это говорило о том, что возможности расширения массовой базы фашизма в основном исчерпаны; гитлеровцам удалось почти целиком уничтожить срединные буржуазные партии — Народную, Государственную, Хозяйственную и др. Если на выборах 1930 г. они собрали 6,4 млн. голосов и получили 109 мест в рейхстаге, то 31 июля число выступивших за эти партии избирателей составило лишь 1 млн. с небольшим, а число мандатов — 19.

Исключение составляли партия Центра и ее филиал — Баварская народная партия, которые сумели даже несколько повысить число полученных голосов и располагали в новом рейхстаге 97 местами (вместо 87 в прошлом). Как уже отмечалось, это было результатом использования религиозных верований и авторитета католической церкви, поколебать которые (до установления фашистской диктатуры) нацисты не могли. Попытки гитлеровцев вторгнуться в ряды рабочего класса и перетянуть на свою сторону значительную часть его избирателей не увенчались успехом, а это значило, что при сохранении организованного рабочего движения фашисты достигли «потолка» в борьбе за голоса. Но подобная ситуация лишь увеличивала их агрессивность, ибо каждый лишний месяц усиливал недовольство приверженцев фашистской партии, большинство которых присоединилось к ней в надежде на более или менее быстрое завоевание власти и могло с той же легкостью отколоться.

Заслуга того, что фашисты не сумели завоевать большого количества избирателей-рабочих, целиком принадлежала коммунистической партии. Беззаветная борьба КПГ против фашизма, против реакционного режима Папена, стремившегося ликвидировать Веймарскую республику, помогла КПГ приобрести множество новых сторонников. Партия получила около 5,3 млн. голосов — на 700 тыс. больше, чем на предыдущих выборах. Это свидетельствовало об успешном преодолении партией трудностей, обнаружившихся в период президентских выборов. Большую роль в успехах КПГ сыграла «Антифашистская акция», показавшая всему рабочему классу, что партия упорно и

эффективно борется за боевое единство трудящихся. Завоеванные компартией новые избиратели прежде принадлежали в основном СДПГ, потерявшей 600 тыс. с лишним голосов. Около 100 тыс. человек, отдавших теперь голоса компартии, в прошлом вероятнее всего (во всяком случае частично) голосовали за нацистов; их уход из фашистского лагеря был результатом последовательного разоблачения коммунистами гитлеровской партии как орудия монополистического капитала. Избирательная победа компартии явилась симптомом того, что партия держит правильный курс на всемерное развязывание выступлений широких масс трудящихся против фашизации страны.

А новая серьезная потеря голосов социал-демократией была прямым следствием предательской политики ее лидеров. Не помогла и «борьба» против правительства, ибо для лидеров СДПГ это была скорей игра в оппозицию. Их недовольство вызывал главным образом сам Папен, как будто дело было лишь в нем одном. Борьба против реакционного режима, которую имитировало руководство социал-демократии, сводилась к словесной полемике, к хлестким речам некоторых лидеров партии. Не было действительно важного и решающего — действий, которые переросли бы в массовое движение с целью свержения ненавистного трудящимся режима. Между тем от социал-демократии все еще зависело немало. Несмотря на красноречивый опыт политики «меньшего зла», на капитуляцию 20 июля 1932 г., многие пролетарии, в том числе кадровики, давние участники рабочего движения, не рвали с партией, верили в то, что со временем ее политика изменится. Причины этого были многообразны; здесь играли роль и некоторые материальные выгоды, которые приносило членство в СДПГ и которые приобрели особое значение во время экономического кризиса, и идеологическая обработка, и сила традиции.

Итоги выборов сильно изменили расстановку сил в рейхстаге. Самой крупной фракцией впервые стала (вместо СДПГ) нацистская — 230 человек. Вместе с 68 депутатами партии Центра гитлеровцы располагали теперь абсолютным большинством. Переговоры между обеими партиями насчет образования коалиционного правительства, прерванные на время подготовки к выборам, в августе возобновились. Но, конечно, более предпочтитель-

ным для нацистов был другой путь прихода к власти — непосредственный, в результате соглашения с правящей верхушкой. Было весьма сомнительно, одобрил ли бы Гинденбург идею коалиции нацистов с католиками: ее создание лишило бы президента и его окружение ключевой позиции, которую они заняли в последние годы, оттеснив парламент на второй план и сделав правительство целиком зависимым от воли президента. Это и побудило гитлеровцев сразу же после выборов возобновить контакты с правительством. Они вновь осуществлялись через Шлейхера, который имел в первых числах августа несколько встреч с Гитлером и его подручными. Это были подготовительные беседы к предстоящим затем переговорам «на высшем уровне» — между фашистским «фюрером» и Гинденбургом.

Не сторговались...

Задачей Шлейхера являлось установить, каковы претензии нацистов, и попытаться сторговаться с ними. Из документов известно, что правящие круги склонны были предоставить гитлеровцам пост вице-канцлера и несколько министерских портфелей в имперском правительстве, а также место имперского комиссара Пруссии (что фактически отдало бы последнюю во власть фашистов). Но уже в ходе переговоров, которые вел Шлейхер, выяснилось, что даже такой вариант Гитлера не устраивает; он вновь с еще большим упорством, вызванным завоеванием 230 мандатов в рейхстаге, настаивал на предоставлении нацистской партии всей полноты власти. Упорство главаря фашистов объяснялось отнюдь не его целеустремленностью и последовательностью: дело было в той настойчивости, с какой могущественная группировка монополистического капитала, выступавшая за форсированную подготовку нового передела мира, рвалась к власти. Тиссен, Кирдорф и их единомышленники стремились добиться ее, опираясь на сколоченную гитлеризмом массовую базу и оттесняя конкурентов на второй план.

Но и группировка, державшая бразды правления, не собиралась сдавать позиции. С точки зрения конечных целей между теми и другими, конечно, существовало далеко идущее единомыслие; особенно по душе привержен-

цам Папена были «идеи Гитлера в области социальных проблем»⁶⁵, иначе говоря, планы ликвидации организованного рабочего движения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но это не значило, что правящая клика намеревалась передать всю власть гитлеровцам. Их соображения, пожалуй, наиболее точно отражены в документе об одной из встреч «кружка друзей» — группы видных промышленников и банкиров — с Гитлером (в мае 1932 г.), в ходе которой он изложил нацистскую программу, в частности требования ликвидации профсоюзов и всех партий, кроме национал-социалистской. «Эти пункты программы фюрера, — показал после войны советник Гитлера по экономическим вопросам Кеплер, — были встречены полным одобрением „кружка друзей“, но они выразили опасения, что Гитлер не будет в состоянии осуществить свои великолепные идеи»⁶⁶. В этих словах заключена вся «философия» германского крупного капитала, смертельно желавшего взять рабочий класс за горло, но все еще сомневавшегося в том, удастся ли это сделать даже Гитлеру и его клике. Конечно, после 20 июля часть подобных сомнений отпала, хотя далеко не целиком.

Если такова была точка зрения весьма близких к нацистам воротил бизнеса, то еще большими были опасения тех, кто принадлежал к другим группировкам. Многие монополисты от всей души сочувствовали замыслам гитлеровцев, но боялись гражданской войны, которая могла быть следствием предоставления фашистам всей полноты власти. К этому присоединялись соображения конкурентной борьбы. Гинденбург придерживался того мнения, что Папен и другие члены «кабинета баронов» могут достичь тех же целей, даже с большим успехом, не уступая руководства нацистам, о диктаторских поползновениях которых он был хорошо осведомлен. Очень интересна в этом отношении книжка близкого к Папену журналиста В. Шотте, вышедшая из печати ранней осенью 1932 г. и имевшая целью возвеличение правительства. «Национал-социалистская партия при нынешней конфигурации ее руководства и ее идейном разладе не пригодна к руководству, — писал он. — Ее идейное состояние пришло в расстройство более всего потому, что фюрер рас-

⁶⁵ F. P a p e n. Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952, S. 222.

⁶⁶ «Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals», v. VI. Washington, 1952, p. 286.

сма­три­вал в качестве основной задачи втор­же­ние в ла­герь соци­ал-де­мо­кра­тии и ком­му­низ­ма. Ра­ди это­го он до­пу­стил бес­пре­пят­ст­вен­ное рас­про­ст­ра­не­ние соци­али­стиче­ских тен­ден­ций, про­по­ве­дуе­мых Штрас­сером». Ав­тор под­чер­ки­вал да­лее, что на оче­ре­ди — «ре­фор­ма всей об­щес­т­вен­ной жи­зни» (имел­ся в ви­ду пе­рес­мотр кон­сти­ту­ции с це­лью вы­травить из нее все де­мо­кра­ти­че­ские по­ло­же­ния). «Эта за­дача не для на­ци­о­нал-со­ци­али­стиче­ской пар­тии, не для гит­ле­ров, штрас­се­ров, ре­мов, ге­рин­гов, ф­ри­ков и, как их там еще зо­вут, — лич­но­стей, не­со­м­нен­но спо­соб­ных при­вести мас­сы в дей­ст­вие, скон­цен­три­ро­вать и ру­ко­во­дить ими мо­раль­но (!), но ко­то­рым не сле­ду­ет до­ве­рять по­ли­ти­че­ской ра­боты»⁶⁷.

Та­кая точка зре­ния до­воль­но от­чет­ливо про­явилась в ходе за­се­да­ния пра­витель­ства, со­сто­яв­ше­го­ся 10 ав­гу­ста и оп­ре­де­лив­ше­го так­ти­ку в даль­ней­ших пе­ре­го­во­рах с на­ци­ста­ми. Шлей­хер сде­лал со­об­ще­ние о сво­их встре­чах с Гит­ле­ром и его по­зи­ции в во­про­се о за­ме­ще­нии поста рейх­скан­ц­ле­ра. Хотя име­ются до­ку­мен­ты, в том числе на­пи­сан­ные са­мим Шлей­хером, из ко­то­рых видно, что в то время он был сто­рон­ни­ком пе­ре­да­чи Гит­ле­ру поста гла­вы пра­витель­ства и со­би­рал­ся убе­дить в том же Гин­ден­бурга⁶⁸, на за­се­да­нии 10 ав­гу­ста Шлей­хер выс­ка­зал­ся про­тив это­го⁶⁹. С воз­ра­же­ния­ми вы­ступил и ряд дру­гих ми­ни­ст­ров, в том числе Гайль, Ней­рат, Ше­фер, Браун. На­иболь­ший ин­те­рес пред­став­ляет ар­гу­мен­та­ция Гай­ля, ко­то­рый, по­ми­мо со­об­ра­же­ний, свя­зан­ных с влия­нием по­доб­но­го со­бы­тия на э­ко­но­ми­ку и на им­пер­ско-прусс­кую унию, столь не­дав­но ус­та­нов­лен­ную пра­витель­ством Па­пена, ко­с­нул­ся то­го, что, по­жа­луй, было глав­ным для пра­вя­щей верхуш­ки. «На­ци­о­нал-со­ци­али­сты объе­ди­ня­ют толь­ко треть из­би­ра­те­лей, — под­черк­нул он. — К тому же де­ло не толь­ко в из­би­ра­те­лях, ибо сре­ди них очень мно­го по­пут­чи­ков... Ор­га­ни­зо­ван­ный в СДПГ про­ле­та­ри­ат вме­сте с ком­му­ни­ста­ми вряд ли сла­бее... Если в Гер­ма­нии при­шло бы к вла­сти пра­витель­ство, воз­глав­ляе­мое на­ци­о­нал-со­ци­али­ста­ми, то это вы­з­ва­ло бы ожес­то­чен­ное со­про­тив­ле­ние со сто­ро­ны

⁶⁷ W. Schotte. Das Kabinett Papen—Schleicher—Gayl. Leipzig, 1932, S. 41—42.

⁶⁸ См. K. Caro, W. Oehme. Schleichers Aufstieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenrevolution. Berlin, 1933, S. 272.

⁶⁹ E. Beck. The Death of the Prussian Republik, p. 114.

левых. Коммунисты полностью перейдут к организации антифашистского фронта. Результатом будет ожесточенная борьба, сопровождаемая террористическими актами еще невиданного размаха»⁷⁰. Гайль опять предлагал роспуск вновь избранного рейхстага, введение избирательного закона, повышающего возраст, необходимый для получения права голоса, и — также в нарушение конституции — отсрочку выборов на неопределенное время.

Несколько министров уже на этом этапе высказались за предоставление Гитлеру поста рейхсканцлера. Наиболее активными адвокатами нацистов проявили себя Брахт и Шверин-Крозигк, который цинично заявил: «Если спросить себя, как можно вернее избежать гражданской войны — вовлечением национал-социалистов или игнорированием, при продолжении существования штурмовых и охранных отрядов, то следует сказать, что правильнее сделать дикого зверя лесничим, т. е. вовлечь национал-социалистов в правительство». Надо отдать оратору должное: хотя его точка зрения и лишена какой-либо логики, но зато она предельно откровенна в своей звериной реакционности и ненависти к народу. Не случайно Шверин-Крозигк, ранее организационно не связанный с гитлеровской партией, настолько пришелся нацистам по вкусу, что все 12 лет фашистской диктатуры, независимо от всех перипетий, стоивших головы многим представителям правящей верхушки, оставался министром гитлеровского правительства. Но тогда, 10 августа, он был в меньшинстве. Преобладающим оказалось мнение, что передача всего руководства национал-социалистам не должна быть предметом обсуждения.

Папен исходил из этого в своей беседе с Гитлером и Фриком, состоявшейся 12 августа. Он пробовал убедить Гитлера согласиться на пост вице-канцлера и имперского комиссара Пруссии, а также передачу ряда других министерств. Чуть ли не главным доводом Папена было при этом, что Гитлер не сумеет долее, находясь в оппозиции, сохранить контроль над столь большой партией⁷¹. Однако никакого соглашения достигнуто не было, и это определило собой провал встречи фашистского главаря с пре-

---

⁷⁰ «Zur Politik Schleichers gegenüber der NSDAP 1932». — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1958, N 1, S. 95.

⁷¹ F. Папен. Der Wahrheit eine Gasse, S. 223.

зидентом, назначенной на следующий день. Гитлер прибыл на прием вместе с Герингом, со стороны же правящих кругов, помимо самого Гинденбурга, в беседе участвовали Папен и статс-секретарь президента Мейснер. Беседа длилась недолго, ибо позиции сторон уже были известны заранее. На требование Гитлера Гинденбург ответил отказом, заявив, что он «не может взять на себя ответственность перед богом, своей совестью и отечеством, предоставив полноту государственной власти одной партии, к тому же такой, которая столь односторонне настроена по отношению к инакомыслящим». Он указал на такие соображения, как опасения крупных беспорядков, отрицательной реакции за границей и др. Гинденбург обратился к фашистскому «фюреру» с призывом вести дальнейшую борьбу «рыцарски» (!). Пожимая ему на прощанье руку, Гинденбург сказал: «Мы ведь старые товарищи и останемся ими, ибо позднее наши пути все-таки могут встретиться»⁷². Это была не просто вежливость, а убежденность, основанная на общности основных целей президента-милитариста и фашистского претендента на власть.

Гитлер неустанно твердил, что стремится прийти к власти легальным путем. Фашисты вполне могли рассчитывать на это, ибо пользовались широкой свободой подрывной деятельности против республики. При этом они еще издевались над республиканскими властями за то, что те оплачивают деятельность депутатов нацистской партии в рейхстаге и ландтагах, предоставляют им всевозможные льготы, бесплатный проезд по железным дорогам и т. д.⁷³ Тем не менее фашистская верхушка (или определенная часть ее), конечно, никогда всерьез не отказывались от мысли устроить переворот, более удачный вариант «пивного путча». Гитлеровцы располагали ныне

---

⁷² Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, N 47, Bl. 183—184. По некоторым сведениям, Гитлер требовал трехдневной свободы действий для штурмовиков и эсэсовцев. На вопрос одного из участников переговоров, хочет ли он повторения «казуса Маттеоти» (имеется в виду убийство итальянскими фашистами депутата-социалиста в 1924 г.), Гитлер ответил, что когда он станет рейхсканцлером, будут умерщвлены минимум 5 тыс. Маттеоти («Das freie Wort», 1932, № 41, S. 2). Нельзя отказать фашистскому главарю в откровенности.

⁷³ В предисловии к книге Геббельса «Angriff», вышедшей в 1935 г., нацист Шварц ван Берк писал: «Одним из наилучших

значительно более многочисленными военизированными отрядами и большим числом сторонников вообще, а также прочными связями с рейхсвером. И в августе 1932 г., готовясь к переговорам с Папеном и Гинденбургом, гитлеровцы одновременно принимали меры, обычно предшествующие путчу. Штурмовики в полном вооружении обосновались в пригородах Берлина, чтобы оказать давление на правительство, а в случае отказа удовлетворить претензии Гитлера — перейти к более активным действиям⁷⁴. О планах путча сообщил в эти дни корреспонденту английской «Дейли экспресс» Делмеру командующий штурмовыми отрядами Рем. А 12 августа о том же говорил в присутствии Делмера заместитель Рема Арним, обращаясь к штурмовикам, собранным в одной из местностей близ Берлина для военного обучения. По словам Делмера, там находились и инструкторы рейхсвера⁷⁵.

Однако несмотря на то, что Гитлер ушел от Гинденбурга ни с чем, путч так и не состоялся. Причиной этого, вероятно, был вывод о неблагоприятном соотношении сил, к которому пришли нацистские главари. Они умерили пыл Рема и его сторонников, ибо существовали серьезные опасения, что командование рейхсвера, в целом сочувствовавшее нацистам, тем не менее (как и в 1923 г.) выступит против них. Это могло быть следствием не только позиции, занятой Гинденбургом, но и соображений самого Шлейхера, не желавшего уступать Гитлеру роль вершителя судеб страны. Не принято было говорить о том публично, но в секретных документах господствующая позиция рейхсвера в политической жизни была само собой разумеющимся делом. «Военный министр, — говорилось в одном из таких документов, датированном 29 августа, — навязет свою волю любому правительству. Он не нуждается в 51%»⁷⁶. Последняя фраза носит издевательский по отношению к парламентаризму характер.

курьезов демократии навсегда останется тот факт, что она сама предоставила своим заклятым врагам те средства, при помощи которых она была уничтожена».

⁷⁴ E. von Schmidt-Pauli. Hitlers Kampf um die Macht. Der Nationalsozialismus und die Ereignisse des Jahres 1932. Berlin, 1933, S. 93.

⁷⁵ S. Delmer. Trail Sinister. An autobiography, v. 1, London, 1961, p. 166.

⁷⁶ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 481.

Исход переговоров 12—13 августа свидетельствовал о том, что противоречия в буржуазном лагере не только не смягчаются, но как будто даже обостряются. Шла ожесточенная конкурентная борьба между различными группировками монополистов; у значительной части их не был преодолен страх перед рабочим классом и возможностью гражданской войны. Не было полного единства в правящем лагере и по вопросу о дальнейшей стратегии германского империализма — продолжать политику соглашения с западными державами или перейти к форсированной подготовке реванша. Именно эти противоречия имел прежде всего в виду Г. Димитров, делая в докладе на VII конгрессе Коммунистического Интернационала вывод, что «фашизм приходит обыкновенно к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в борьбе даже в самом фашистском лагере»⁷⁷.

Но это отнюдь не значило, что между Гинденбургом и Гитлером существует принципиальное различие, что соглашение между ними исключено. А именно так после 13 августа ставили вопрос социал-демократические лидеры, объявлявшие результаты переговоров президента с нацистами «возвратом к справедливости и праву». На самом деле, как подчеркивала коммунистическая пресса, включение нацистов в правительство вовсе не снято с повестки дня, а лишь отложено на некоторое время. Углубление классовых противоречий будет толкать буржуазию к тому, чтобы привлечь фашистов к управлению государственными делами. «Для пролетариата, — писала «Роте фане» 14 августа, — такое развитие событий создает не меньшие опасности, чем если бы Гитлеру был уже поручен пост канцлера». Необходимо была неусыпная бдительность ко всем проискам реакции. На поверхности можно было рассмотреть только ожесточенную полемику между обеими группировками буржуазии, принимавшую подчас грубые формы; а за кулисами продолжались встречи и зондаж, посредником в которых, как и прежде, выступало военное министерство.

---

⁷⁷ Г. М. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 392.

«Судебная» расправа над антифашистами

Надежды на «смягчение» политической борьбы, высказанные Гинденбургом в связи с легализацией штурмовых отрядов, не только не оправдались: фашистский террор все усиливался. Не прекратили кровавых столкновений и события 20 июля в Пруссии. Фашисты учинили 1 августа страшные бесчинства в Кёнигсберге (ныне Калининград, тогда входил в состав Германии), где они разрушили несколько рабочих клубов, убили или тяжело ранили многих активистов рабочих партий. Такие же события произошли в Брауншвейге (где гитлеровцы натолкнулись на объединенный отпор коммунистов и рейхсбаннеровцев), в ряде городов Приморской области. Кровавые преступления фашистов и ожесточенные столкновения, вызванные ими, продолжались и в последующие дни — в Карлсруэ, Крефельде, в силезских и восточно-пруссских городах, находившихся в то время в составе Германии.

Архивные документы показывают, что эти бесчинства носили планомерный характер и осуществлялись по директивам высшего руководства⁷⁸. Любопытно, что правительство Папена направило в Кёнигсберг для «расследования» уже известного нам пронациста Дильса.

Размах, который приняла вооруженная борьба фашистского и демократического лагерей — и именно после смещения прусского правительства, которое было обвинено в «неспособности обеспечить порядок», — побудил Папена к более активным действиям. 9 августа был опубликован декрет об учреждении чрезвычайных судов и введении смертной казни за убийство, совершенное по политическим соображениям. Кроме Берлина, такие суды были созданы в Кёнигсберге и Эльбинге (Восточная Пруссия), Киле, Бреслау (ныне Вроцлав в Польше), Дюссельдорфе и Гамме. С самого начала не было никаких сомнений, что острие вновь учрежденных карательных органов будет обращено преимущественно против коммунистов, которых власти в полном единодушии с гитлеровцами живо объявляли виновниками столкновений, а также против социал-демократов.

---

⁷⁸ Н. Веннеке. Hitler und die S. A. München, 1962, S. 194.

Но распоясавшиеся фашисты поставили правительство в щекотливое положение. В ночь с 9 на 10 августа они совершили гнусное и подлое злодеяние. Местом преступления опять стала Восточная Пруссия, где классовые противоречия тесно переплетались с национальными, а ненависть фашистов к демократам дополнялась неистребимой враждой к полякам и ко всему польскому. И объектом зверского убийства не случайно явился поляк по национальности, коммунист и один из рабочих активистов городка Потемпа Конрад Питцух. Как свидетельствуют документы, преступление было обдуманно заранее; оно произошло не в пылу уличной схватки, а ночью в доме убитого, куда фашистские бандиты прибыли из другого города на грузовике. В дом ввалилось пятеро штурмовиков, которые набросились на спящего и в присутствии его старухи-матери и младшего брата зверски растерзали свою жертву⁷⁹. Даже для привыкшего уже ко многому германского общественного мнения это преступление фашистов оказалось недопустимым. Требования жестоко покарать убийц исходили не только от рабочих организаций, но и от некоторых деятелей буржуазии, понимавших всю глубину опасности, которую обнажило это убийство, а еще более — его полное и безоговорочное одобрение нацистской верхушкой.

Когда чрезвычайный суд приговорил убийц к смертной казни, Гитлер, а за ним Геринг послали им телеграммы, в которых славил фашистских ублюдков, как «героев», и заверяли в своей решимости помешать исполнению приговора. Гитлеровцы, обозленные неблагоприятным исходом переговоров о вступлении в правительство, избрали это событие для демагогических нападок на «кабинет баронов», который они еще совсем недавно активно поддерживали. Теперь они обвиняли Папена и Шлейхера в том, что те преследуют нацистскую партию; в то же время оказывали нажим на Гинденбурга, требуя смягчения наказания. Фашистский «теоретик» А. Розенберг, оправдывая любое преступление своих единомышленников, писал 26 августа в «Фелькишер беобахтер», что для нацизма «одна душа не равноценна другой душе, один

---

⁷⁹ «Der Fall Potempa». — «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1957, N 3; T. P o t e m s k i, Z. S z t a b a. Sprawa Konrada Piecucha Reportaz historyczny. Krakow. 1956.

человек не равноценен другому». В правительственных же кругах все настойчивее становились голоса, требовавшие амнистии нацистским преступникам, изображая это как «политическую необходимость». Такую же точку зрения высказал вскоре Гинденбург, и свершилось одно из позорнейших для германской буржуазии событий: помилование худших из худших уголовных преступников с целью «не обострять» отношения с их вдохновителями и покровителями — нацистскими главарями. Весь этот эпизод необычайно ярко осветил и то, что ждало Германию в случае победы нацистов, и глубину падения господствующих классов Германии, которые готовы были поддержать фашизм в любом злодеянии.

А в то же самое время чрезвычайные суды творили расправу над рабочими, взявшимися за оружие, чтобы уберечь свои организации, себя и свои семьи от фашистских вандалов. Так, группа рейхсбаннеровцев и коммунистов, подвергшихся нападению нацистов в Олау, была приговорена в общей сложности к 9 годам каторги и 21 году тюремного заключения; этот вердикт был воспринят рабочими как чудовищная несправедливость. Берлинский чрезвычайный суд в первом же рассмотренном им деле, касавшемся столкновения между нацистами и рабочими, приговорил беспартийного пролетария Шмидтке к 10 годам каторги; фашист, привлеченный по тому же делу, был оправдан. В Брауншвейге, где вооруженные стычки фашистов с коммунистами и социал-демократами носили особенно упорный характер, было осуждено сразу 29 членов «Рейхсбаннера» за то, что они оборонялись от нападения нацистских убийц. Хотя жертвой столкновения стал рейхсбаннеровец, ни один фашист даже не был привлечен к ответственности. Лишь за время с 15 по 20 августа 1932 г. чрезвычайные суды «дали» рабочим более сорока лет тюрьмы, фашисты же отделались в общей сложности... тремя месяцами заключения⁸⁰.

С особенной настойчивостью преследовались руководящие деятели КПГ, публиковавшие собственные «преступные» статьи или выступавшие в качестве ответственных редакторов пропагандистских листовок, брошюр и других изданий партии. Часто ими являлись депутаты рейх-

---

⁸⁰ «Правда», 24.VIII 1932.

стага, пользовавшиеся неприкосновенностью; но суды без устали добивались снятия ее с «преступников». Среди других было возбуждено дело против члена ЦК КПП В. Ульбрихта, обвиненного в участии «во враждебном государству союзе, преследующем цель уничтожения конституционного республиканского строя»⁸¹. Это обвинение подкреплялось несколькими питатами; вот одна из них: «Недостаточно, одна, проводить мощные боевые демонстрации, ныне важнее, чем когда-либо, готовить пролетариат к массовым политическим забастовкам». Ульбрихт был приговорен к двум годам заключения в крепости: в приговоре указывалось, что отягчающим обстоятельством признавалось заявление, сделанное обвиняемым в его последнем слове, что «он, несмотря на все преследования, и впредь будет отдавать все свои силы делу коммунистического движения»⁸².

Вновь избранный рейхстаг должен был собраться на свое первое заседание, посвященное избранию руководящих органов, 30 августа. В течение всего месяца, особенно во второй его половине, происходили непрерывающиеся закулисные переговоры буржуазных партий, имевшие целью прояснить политическое положение, решить вопрос о том, кто и как будет осуществлять руководство государством. Несмотря на противоправительственную шумиху в прессе и на митингах гитлеровской партии, 29 августа Папен и Шлейхер встретились на частной квартире с Гитлером; но каких-либо существенных результатов эта беседа не принесла, ибо позиции сторон не изменились по сравнению с теми, какие они занимали 13 августа. Одновременно, и еще более интенсивно, шли переговоры фашистов и партии Центра, предметом которых было формирование правительства и в Пруссии, и в империи. Решение об этом правление Центра приняло сразу же после выборов, 2 августа. А несколькими днями позже заместитель председателя партии Иоос писал католическому епископу графу Галену: «Ни у нас, ни в Баварской народной партии нет ни малейшего сомнения в необходимости привлечь национал-социалистов к участию в правительстве. Я опасюсь, что они будут упираться. Надо создать в стране такое об-

⁸¹ ЦГАОР, ф. 567, ед. хр. 1118, л. 4.

⁸² Там же, л. 13.

щественное мнение, которое сделало бы невозможным для них уклониться от доли ответственности»⁸³.

Деятели партии Центра оказались, таким образом, в соответствии с поговоркой, особенно уместной здесь, — еще более католиками, чем сам папа римский, то бишь — гитлеровцы. Уже в середине августа прессу облетело известие, что католические политики, очень любившие выдавать себя за «убежденных противников нацизма», согласились предоставить нацистам посты прусского премьер-министра и министра внутренних дел, что, как мы знаем, отдало бы в руки фашистов полицию крупнейшей германской земли (включая столицу). Руководство Центра готово было также уступить гитлеровцам пост рейхсканцлера, если он будет располагать доверием президента республики. Не исключено, что в этом условии заключался подвох, ибо Гинденбург в тот момент одаривал своим доверием преимущественно Папена и вообще был резко отрицательно настроен против черно-коричневой коалиции. Но, с другой стороны, претензии нацистов на главенствующую роль в правительстве были достаточно хорошо известны лидерам партии Центра; все более активный ход переговоров свидетельствовал о том, что Каас, Брюнинг и их коллеги согласились на предоставление фашистам поста рейхсканцлера. Тем более, что они не без симпатии относились к самому «фюреру» и его идеям. Так например, один из видных деятелей Центра, глава правительства Вюртемберга, Больц, в ходе этих переговоров впервые лично встретившийся с Гитлером, писал: «Мое впечатление от Гитлера лучше, чем я предполагал. Его высказывания были последовательны и ясны, а его точки зрения нередко совпадают с нашими»⁸⁴. Остается добавить, что Больц, помогавший привести гитлеровцев к власти, был позднее казнен своими «единомышленниками», когда увидел, к чему они привели Германию, и попытался оказать сопротивление. Такова была судьба целого ряда деятелей прежних буржуазных партий и социал-демократии.

По мере приближения дня, когда должен был собраться рейхстаг, перед правительством все острее вста-

---

⁸³ «Das Ende der Parteien 1933», S. 424.

⁸⁴ M. Müller. Eugen Bolz. Staatsmann und Bekenner. Stuttgart, 1951, S. 425.

вал вопрос о дальнейшей политике. Переход нацистов в оппозицию сразу выявил факт, раньше завуалированный майским соглашением с ними. Папен и его министры опирались только на Национальную, Народную и еще две-три небольшие партии, которые в общей сложности располагали не более 10% мест в рейхстаге. Папен, таким образом, имел против себя почти весь парламент, и не было сомнений, что он получит вотум недоверия при первом же голосовании. Но недаром Гинденбург и его окружение в течение ряда лет стремились свести значение парламента на нет. Дни нового рейстага были сочтены, и его роспуск предрешен. Предметом обсуждения являлась лишь тактика, которой следовало придерживаться после роспуска: проводить ли новые выборы в предусмотренный конституцией срок (не позднее двух месяцев) или пойти на новое — и еще более грубое — нарушение конституции, совсем не назначая выборов либо произвольно отодвинув их срок. Активным пропагандистом подобных планов был министр внутренних дел Гайль, чьей обязанностью было охранять конституцию. Он предлагал вообще покончить с узаконенной системой, которая не могла принести «правительству баронов» большинства, и, повысив при помощи чрезвычайного декрета минимальный возраст для участия в выборах, созвать Национальное собрание для пересмотра конституции. 30 августа во время приема главных деятелей правительства — Папена, Шлейхера и Гайля президент, как видно из документов, согласился в принципе на осуществление такого рода планов⁸⁵.

«Рабочий должен трудиться за тарелку супа!»

Одновременно разрабатывался новый чрезвычайный декрет в экономической области, который широкоизвестно именовался «экономической программой» правительства. Он должен был стать дальнейшим шагом в снижении жизненного уровня трудящихся масс; кроме того, Папен еще более решительно, чем Брюнинг, ввел в свою программу прямое субсидирование капиталистов под видом поощрения расширения производства. В целом

⁸⁵ Th. Vogelsang. Reichswehr. Staat und NSDAP, S. 272.

программа правительства Папена, хотя она и продолжала чрезвычайные декреты Брюнинга, впервые заменившие собой «нормальное» законодательство, выходила далеко за рамки того, чего германская буржуазия добилась при предыдущем кабинете. Недаром рупор тяжелой промышленности «Дейче бергверксдейтунг», ознакомившись с проектом экономических мероприятий Папена, с удовлетворением писал 29 августа: «Вот та политика, за которую мы неустанно боролись в течение многих лет». О том, что это за политика, говорилось уже не раз. Приведем лишь для иллюстрации еще один факт — высказывание крупного банкира (имя его неизвестно, но сказать так мог, вероятно, каждый из «сильных мира сего» — германских королей денежного мешка): «Надо довести дело до того, чтобы рабочие были готовы трудиться за тарелку супа — тогда положение изменится к лучшему»⁸⁶. К этому вряд ли можно что-либо добавить; здесь в максимально сжатой форме нашла выражение сокровенная цель германского крупного капитала.

Чрезвычайный декрет был опубликован 4—5 сентября, во время паузы между первым и вторым заседаниями рейхстага. Его открытие 30 августа ознаменовалось ярким событием — выступлением Клары Цеткин, являвшейся старейшим депутатом. Еще за некоторое время до этого буржуазная пресса во главе с фашистами начала разнузданную травлю старейшей германской революционерки-коммунистки, пытаясь запугать ее. Но К. Цеткин не побоялась угроз и, преодолевая болезнь, выполнила свой долг. Стоя лицом к лицу с фашистами, она произнесла мужественную речь, в которой обрисовала положение в стране и выразила глубокую убежденность в победе революционных сил над фашистским варварством и одичанием. К. Цеткин призвала к свержению антинародного правительства Папена. «Прежде чем рейхстаг обратится к частным задачам, — сказала она, — он должен осознать и выполнить свой главный долг — прогнать имперское правительство, пытающееся полностью устранить рейхстаг и разорвать конституцию»⁸⁷. В эту минуту Цеткин символизировала все то светлое и прогрессивное, что про-

---

⁸⁶ O. Meyer. Von Bismarck zu Hitler. Erinnerungen und Betrachtungen. New York, 1944, S. 176.

⁸⁷ «Verhandlungen des Reichstags», VI. Wahlperiode, S. 1.

тивостояло черной тени фашизма, надвинувшейся на Германию. Даже ярые ненавистники, составлявшие большую часть аудитории, не посмели выполнить свое намерение и помешать старому революционному бойцу провозгласить с трибуны рейхстага слово правды.

В тот же день состоялись выборы президента рейхстага и его заместителей. Перед заседанием КПГ объявила, что она готова снять своего кандидата и голосовать за социал-демократа, если в первом же туре не будет избран гитлеровец. Но этого и не понадобилось, ибо подавляющее большинство депутатов буржуазных партий подало свои голоса за фашиста Геринга. Соглашение партии Центра и Баварской народной партии с нацистами на этот счет было достигнуто на совещании, состоявшемся накануне открытия рейхстага. Брюнинг, Шефер (председатель БНП) и другие католические лидеры встретились с Гитлером и выговорили себе посты двух вице-президентов; это не принесло им, однако, значительной пользы. Геринг, еще со времен первой мировой войны знакомый с Гинденбургом, старался не допустить каких-либо контактов своих заместителей с президентом без его, Геринга, ведома и участия. Следующее заседание было назначено на 12 сентября; оно и должно было решить судьбу правительства, если бы в Германии еще сохранился парламентаризм. В сложившихся же условиях несравненно более вероятным был иной вариант — разгон рейхстага, который осмелится высказать недоверие правительству.

Когда немецкие трудящиеся раскрыли 4 сентября газеты, они онемели от негодования. Чрезвычайный декрет, во-первых, выполнял одно из самых давних и самых неприемлемых для рабочего класса требований буржуазии, разбивая тарифную систему зарплаты, которая предусматривала единые ставки в каждой отрасли производства. Теперь зарплата могла устанавливаться на каждом отдельном предприятии, что имело целью разобщить силы рабочего класса и ослабить борьбу против произвола капиталистов. Далее декрет разрешал снижать зарплату в отраслях производства или даже на отдельных предприятиях, находившихся в особенно «тяжелом положении»; этот пункт, естественно, допускал возможность самого широкого произвола, которым не замедлили бы воспользоваться многие предприниматели. Декрет предусматривал снижение зарплаты и иным путем — при при-

нятии на предприятие новых рабочих: сумма зарплаты не должна была при этом повыситься. Следовательно, те, кто работал, должны были отдавать часть своего заработка вновь нанятым, а дополнительную прибыль от труда последних клал бы в карман капиталист. По подсчетам «Роте фане», на плечи рабочих взвалили новое колоссальное бремя в 3,3 млрд. марок⁸⁸.

Но перечисленным дело не ограничивалось. Декрет вводил особую премию для предпринимателей: за каждого вновь принятого человека (зарплата которого должна была выплачиваться из бюджета сотоварищей) заводчик получал 400 марок; всего для этой цели было ассигновано 700 млн. марок. Но, пожалуй, наиболее выгодной для предпринимателей была статья декрета, предусматривавшая снижение налога на капитал и оборот. В случае расширения производства капиталист получал длительную отсрочку по налоговым платежам. Эта прямая субсидия составила бы 1,5 млрд. марок, а в целом буржуазия выигрывала по новому декрету около 5,5 млрд. Такого грабежа еще не знала история чрезвычайного законодательства. Главное же, новый декрет открывал дорогу разрыву системы коллективных договоров; не удивительно, что чуть ли не на следующий день началось еще невиданное, даже в условиях тяжелейшего экономического кризиса, наступление предпринимателей на нищий жизненный уровень рабочего класса. Вот почему чрезвычайный декрет оказался каплей, переполнившей чашу терпения даже тех пролетариев, которые прислушивались ранее к пропаганде реформистских лидеров о «необходимости» воздержаться от борьбы.

Негодование, вызванное в народных массах этим актом, стремились в демагогических целях использовать главари гитлеровцев, не видевшие более необходимости в сохранении у власти правительства Папена, с которым им не удалось договориться. Отсюда и тактика нацистов, в частности Геринга в качестве президента рейхстага, во время заседания 12 сентября — последнего в краткой истории этого парламента. Сразу же после открытия заседания коммунисты потребовали немедленного голосования внесенного ими вотума недоверия правительству. Согласно регламенту, для отклонения этого требования до-

---

⁸⁸ «Rote Fahne», 7.IX 1932.

статочно было возражения хотя бы одного из депутатов; тогда пришлось бы прежде заслушать правительственную декларацию. Но ко всеобщему удивлению никто из депутатов, даже из небольшого числа поддерживавших правительство, не выступил с возражением. По предложению нацистов, был объявлен перерыв, во время которого Папену доставили из рейхсканцелярии декрет о роспуске рейхстага, заранее заготовленный и подписанный Гинденбургом. И когда заседание возобновилось и Геринг приступил к голосованию, Папен упорно, но безуспешно пытался получить слово для заявления о роспуске. Потерпев неудачу, он покинул рейхстаг, оставив на столе председателя папку с декретом, которую, однако, Геринг игнорировал. Гитлеровцы стремились обнажить предельную слабость правительства, чтобы тем самым сделать его сговорчивее.

Результаты голосования были столь сокрушительными для Папена и его клики, что при малейшем соблюдении демократических обычаев она была бы немедленно сметена. За правительство было подано 42 голоса, против — 530. Такой исход уничтожал последние остатки престижа кабинета, если они еще имелись. Но тем не менее после того, как вошел в силу декрет о роспуске, хозяином положения остался Папен. Неповторима по своему неприкрытому цинизму была мотивировка роспуска: он стал якобы необходимым, ибо «рейхстаг мог (!) отменить чрезвычайный декрет от 4 сентября»⁸⁹. Таким образом, «угроза» того, что рейхстаг выполнит свою конституционную функцию, была в той обстановке достаточна для его разгона.

Эти события знаменовали собой начало нового этапа в развитии классовой борьбы в стране. Весьма острую форму приняли противоречия в лагере буржуазии, о чем ярко свидетельствовали результаты голосования в рейхстаге. Одновременно подымалась невиданная в годы кризиса волна массового движения, вызванная наступлением капитала и фашистскими бесчинствами. В жестоких классовых боях решались судьбы страны.

---

⁸⁹ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 454, S. 15.

III

ПЕРЕЛОМ

В ХОДЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Забастовочная борьба нарастает

В годы кризиса ни на один день не прекращались различные выступления трудящихся, положение которых ухудшалось с каждым днем. Но размах их отставал от объективных возможностей, созданных неуклонным углублением кризиса. Об этом, пожалуй, наиболее красноречиво говорит статистика забастовочного движения. Так, в 1931 г. количество участников забастовочной борьбы упало с 234,5 тыс. до 177,6 (хотя общее число стачек несколько повысилось); но еще более разительным было падение числа потерянных в результате приостановки работы человеко-дней. Оно составило всего 1989 тыс. против 4489 тыс. в 1929 г.¹

Таким образом, фактически происходил не подъем стачечного движения, а его свертывание, и это было следствием влияния реформистской догмы, будто массовая безработица в период кризиса делает забастовки невозможными. Ясно, что и в эти годы все было бы иначе, если бы коммунистическая партия вела за собой большинство пролетариата. Но это было лишь делом будущего; одна из главных слабостей партии именно в том и заключалась, что ее позиции на предприятиях были крайне непрочны. По данным руководства КПГ, весной 1932 г.

---

¹ «Коммунистический Интернационал», 1932, № 14, стр. 22.

85% членов партии были безработными². В подобных условиях социал-демократические лидеры в течение ряда лет могли тормозить подъем забастовочной волны, как и массового внепарламентского движения в целом.

Коммунистическая партия постоянно видела одну из своих важнейших задач в том, чтобы поднять массы на борьбу против фашизации, против наступления монополий. И, естественно, в этой борьбе стачкам должно было принадлежать важнейшее место. Компартия неустанно призывала своих сторонников перенести центр тяжести всей работы на предприятия, крепить солидарность занятых рабочих с безработными, чтобы тем самым полностью обеспечить успех стачек — этого могучего орудия пролетариата. Активизировать заводы и фабрики было также целью кампании «Антифашистской акции», которая отнюдь не должна была ограничиваться организацией вооруженного отпора фашистскому террору. Под знаком «Антифашистской акции» следовало поднять знамя сопротивления капиталистическому произволу, чьей целью было сократить потери монополий, вызванные кризисом, и возложить их на рабочих, на безработных. «Каждая забастовка протеста, каждая экономическая забастовка или проведение всеобщей стачки с целью свержения правительства Папена и отмены его чрезвычайных декретов, — говорилось в одном из циркулярных писем ЦК КППГ летом 1932 г., — является подлинным осуществлением задач, поставленных перед этой кампанией»³.

Но условия, необходимые для того, чтобы эти призывы были услышаны действительно широкими массами трудящихся, созревали с большим трудом. Понадобился суровый опыт грабительских антирабочих законов Брюнинга и профашистских мероприятий Папена, чтобы сотни тысяч колеблющихся и инертных пролетариев начали понимать, что дело идет о самом их существовании. В этом отношении чрезвычайный декрет от 4 сентября не оставлял никаких сомнений, и не удивительно, что на следующий день после его опубликования наступил резкий перелом в ходе забастовочного движения — тот долго-

---

² Фонды Государственного музея революции СССР, 8259/2, Д445-11А, стр. 3.

³ Там же, 8496/2 А 445-11А, стр. 2.

жданый перелом, который так долго и упорно готовила коммунистическая партия. Помешать его развертыванию реформистские лидеры были уже во многих случаях не в состоянии, особенно когда речь шла о сравнительно мелких или средних по величине предприятиях; кое-где они даже присоединялись к стачкам, боясь лишиться популярности. То же иногда делали и нацисты, не останавливавшиеся ни перед чем, лишь бы не потерять своего влияния.

Уже 8 сентября «Роте фане» сообщала о волне протеста против чрезвычайного декрета, подымавшейся на предприятиях; настроение рабочих повсюду было боевое. На заводах и фабриках Берлина проходили митинги, где принимались решения объявить забастовку в случае снижения заработной платы. Этих решений оказалось достаточно, чтобы кое-где заставить владельцев сохранить прежние ставки; так было, например, на большом машиностроительном заводе в Берлине, на бумажной фабрике в Мерзбурге, на металлозаводе в Дортмунде. Всего таких предприятий оказалось около 80.

Уже в первой половине сентября бастовали рабочие около 200 предприятий. В их числе были и весьма крупные, например машиностроительный завод фирмы «Оренштейн и Копель» в Берлине, а несколько позднее — известный моторостроительный завод БМВ в Мюнхене. Вступили в стачку 10 тыс. транспортных рабочих Гамбурга. Газеты сообщали, что предположение о массовом штрейкбрехерстве безработных не оправдалось; в подавляющем большинстве они были полностью солидарны с забастовщиками, участвовали в пикетах вокруг предприятий и т. д. Это было большой заслугой компартии, проводившей упорную разъяснительную работу среди миллионов тружеников, лишенных работы.

Далеко не все стачки заканчивались успехом. Из 500 забастовок, имевших место в Германии в течение сентября—ноября 1932 г., рабочие добились победы примерно в 200 случаях⁴. Успех сопутствовал забастовщикам там, где они выступали единым фронтом, игнорируя маневры верхушки реформистских и христианских профсоюзов, которая, если и примыкала к забастовке, то была

---

⁴ «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1962, N 4, S. 887.

склонна прекратить ее, не добившись удовлетворения выдвинутых требований. Существенное значение имела организация материальной помощи бастующим; в Берлине, в частности, работало 30 «комитетов солидарности», в распоряжении которых имелось несколько десятков кухонь⁵. Но политическое значение забастовочной волны, развернувшейся осенью 1932 г., отнюдь не определялось успехом той или другой забастовки. Гораздо важнее были массовый характер сопротивления рабочего класса и проявленная им решимость к борьбе, которую многие капиталисты и их идеологи считали чуть ли не утраченной. Буржуазную прессу охватило нечто вроде паники. Вот что писал, например, правый журнал «Тат» в статье под характерным заголовком «Что предпримет пролетарий?»: «Почти 500 мелких и более крупных стачек свидетельствуют о такой готовности рабочих к борьбе, которую нельзя было обнаружить на протяжении целого десятилетия... Оружие забастовки, казалось, совершенно затупилось в Германии. То, что оно вообще вновь стало действенным, является в первую очередь делом коммунистов»⁶.

А вот что говорилось в журнале, выражавшем точку зрения либеральных кругов буржуазии: «Наиболее важным фактом современной классовой борьбы между капиталом и трудом представляется общая и спонтанная активность, которой пролетариат ответил на волну снижения зарплаты... Значение этих успешных боев трудно переоценить, и не только потому, что они убийственно опровергают широкораспространенную точку зрения руководства профсоюзов о принципиальной бесперспективности забастовок во время кризиса»⁷. Осуществить грабительские требования монополий оказалось неизмеримо труднее, чем сделать это на бумаге. Мощный отпор пролетариата (даже несмотря на то, что большинство крупных предприятий не было охвачено стачечной волной) полностью провалил правительственную программу (после отставки Папена от нее пришлось отказаться и формально). Изумление, страх и бешеная злоба — такова была реакция правящих кругов.

⁵ Фонды Государственного музея революции СССР, 10298/10, Д445-15В.

⁶ «Die Tat», 1932, N 9, S. 742, 743.

⁷ «Deutsche Republik», 1932, N 3, S. 101.

Вот почему особенно смехотворными выглядят попытки некоторых буржуазных историков преуменьшить значение забастовочного движения, развернувшегося в Германии осенью 1932 г., или даже игнорировать его целиком. Так поступает, например, западногерманский историк Швенд, в чьей книге можно прочитать следующие: «За все время до января 1933 г. вспыхнула лишь одна-единственная забастовка берлинских транспортников в ноябре 1932 г.»⁸ (о ней ниже. — Л. Г.). Подобного рода фальсификация призвана подкрепить заведомо неверное утверждение автора, будто среди рабочих было очень сильно влияние нацистов⁹. Перед нами, таким образом, еще один пример откровенного надругательства буржуазного ученого над исторической истиной.

В действительности все более множились симптомы определенного перелома в ходе классовой борьбы — перелома в пользу пролетариата. А это в свою очередь вело к изменениям в соотношении сил на политической арене. «Возросшая активность пролетариата в классовой борьбе, — писал позднее В. Пик, — увеличила его притягательную силу для остальных слоев трудящихся и привела к тому, что подъем гитлеровского движения сменился периодом застоя и даже, впервые, серьезным попятным движением»¹⁰. Прежде всего это, как обычно, проявилось среди коричневорубашечников, крайне недовольных неопределенностью положения, неуверенностью в том, придет ли когда-нибудь фашистская партия к власти. А после 13 августа перспективы такого прихода казались всем значительно уменьшившимися.

Печать сообщала о многочисленных фактах брожения в штурмовых отрядах. Так, в начале сентября из отряда № 31 в Альтоне ушел 21 человек. В Кельне нацистам пришлось распустить взбунтовавшийся отряд района Альтштадт. Но этим делом не ограничилось, и, по признанию общегерманского командования штурмовых от-

---

⁸ K. Schwend. Bayern zwischen Monarchie und Diktatur. München, 1954, S. 455.

⁹ Вот что говорилось, например, в инструкции организациям гитлеровской партии на предприятиях: «То обстоятельство, что борьбу следует вести особыми методами, вытекает из нашей численной слабости на предприятиях» (ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 95).

¹⁰ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 9, стр. 22.

рядов, вскоре было распущено ещё четыре отряда — в Эшвейлере, Ганновере, Берлине и Кёнигсберге. В Крефельде (Нижний Рейн) дело дошло до побоища между штурмовиками и эсэсовцами. Брожение среди сторонников нацистской партии происходило и во многих других городах, причем кое-где оно вело к особенно неприятным для правящих кругов результатам. В Вуппертале, например, 18 штурмовиков перешли в «Союз борьбы против фашизма». Именно этого больше всего боялись и главари нацистов, и монополисты, независимо от того, поддерживали ли они гитлеровцев или соперничавшую с ними группировку. Встревоженный развитием событий, орган «Клуба господ» журнал «Ринг» писал, что «среди штурмовиков царят упадочные настроения. Намечаются контуры кризиса... Каждое оттягивание захвата власти вызывает в их рядах волнение. Сейчас оно особенно сильно... Раньше или позже должен закономерно наступить кризис»¹¹.

На подъеме

Разброду и депрессии в фашистском лагере противостояли серьезные успехи коммунистической партии, чья работа поднялась во второй половине года на новую, высшую ступень. Партия извлекала необходимые уроки из хода событий, выявивших значительные слабости, особенно в области связей с массами и политики единого фронта. О том, что эти слабости успешно изживаются, свидетельствовали и результаты выборов в рейхстаг, и уменьшение гитлеровского террора, и забастовочный подъем, и другие факты. Большое значение имело стремление преодолеть застарелые ошибки сектантского характера, крайне отрицательно сказывавшиеся на всей деятельности КПГ и нередко сводившие на нет ее плоды. Ошибки эти были результатом догматического распространения лозунгов и задач периода послеоктябрьского революционного подъема на совершенно иные условия начала 30-х годов. Отсюда вытекала неправильная стратегическая установка на непосредственную подготовку пролетарской революции, хотя необходимых объективных

---

¹¹ «Ring», 1932, N 34, S. 562.

предпосылок для этого не имелось¹². Главной отличительной чертой тогдашней обстановки была угроза установления фашистской диктатуры, и не могло быть задачи важнее и неотложнее, чем помешать гитлеровцам прийти к власти, а этого можно было добиться лишь максимально широким объединением сил, по тем или иным причинам заинтересованных в сохранении буржуазно-демократических свобод. КПГ зачастую недооценивала противоречия, имевшиеся в буржуазном лагере. Между тем В. И. Ленин неоднократно указывал, что было бы громадной ошибкой игнорировать такие факты, как «соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой»¹³. В деятельности КПГ нередко стиралась и разница между правобуржуазными партиями и социал-демократией. «Теперь уже нет сомнений, — говорилось в циркулярном письме секретариата ЦК КПГ от 9 февраля 1932 г., — что все буржуазные группировки от Гитлера до социал-демократии едины в основах и классовом характере своей политики против пролетариата»¹⁴.

Стремясь добиться создания единого фронта, КПГ тем не менее долго придерживалась вредного тезиса о том, будто социал-демократия — это одна из разновидностей фашизма, так называемый социал-фашизм. Как было сказано в одной из листовок КПГ, относящейся к началу 1931 г., «трудноразличимой, но коварной разновидностью фашистов являются социал-фашисты»¹⁵. При этом не принимались во внимание изменения социальной роли социал-демократии, связанные с действием экономического кризиса и быстрым перемещением массовой базы буржуазной власти к нацистам. Наибольшей опасностью в рабочем движении считались левые социал-демократы (хотя и резко критиковавшие политику лидеров СДПГ, но весьма непоследовательные в своих действиях)¹⁶. Резолюция берлинского окружного комитета КПГ, принятая в январе 1932 г., утверждала, что «главный огонь

¹² W. Pieck. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Berlin, 1957, S. 24—27; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4. Berlin, 1966, S. 281—282.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 251.

¹⁴ Фонды Государственного музея революции СССР, 8014/5 Д 445-11П6, стр. 2.

¹⁵ Там же, 13384/38 Л 445-4В.

¹⁶ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 312—313.

нашей партии должен быть направлен в «левых» социал-фашистов, которые являются опаснейшими представителями социал-фашистской политики»¹⁷. Легко представить себе, как все это затрудняло привлечение рядовых социал-демократов к единому фронту, а с другой стороны, облегчало саботаж его реформистскими лидерами, стремившимися во что бы то ни стало предотвратить сплочение рабочего класса. Огромный вред принесло сектантство и в отношении к профсоюзам. Ответом коммунистов на действия реформистских деятелей подчас было стремление не усилить борьбу *внутри* данного профсоюза, а выйти из него и создать новый, самостоятельный. Это вело к изоляции коммунистов от массы организованных в профсоюзы рабочих¹⁸.

В основе подобных ошибок лежал догматизм, укоренившийся в КПП; главным очагом сектантства была группа Неймана—Реммеле, игравшая в 1930—1931 г. большую роль в руководстве партии. Странники этой антипартийной группы доходили в своей псевдореволюционности до абсурда. Так например, после выборов в рейхстаг 14 сентября 1930 г., принесших, как известно, невиданный успех гитлеровцам и обнаруживших серьезную опасность фашизма, Реммеле писал: «Единственный победитель выборов — это коммунистическая партия»¹⁹. А год спустя он заявил в рейхстаге: «Фашистское господство, фашистское правительство нас не пугает. Оно обанкротится так же быстро, как любое другое»²⁰. Эта точка зрения вызывала растущий отпор со стороны руководителей и активистов партии, здраво смотревших на обстановку, складывавшуюся в Германии. В выступлениях Э. Тельмана, В. Пика, В. Ульбрихта и некоторых других видных деятелей партии подчеркивалась необходимость покончить с «левыми» загибами, твердо проводить различие между лидерами социал-демократии и реформистских профсоюзов, с одной стороны, и рядовыми социал-демократами, — с другой, преодолеть недооценку фашистской угрозы. Выступая в декабре 1930 г. на конференции бер-

¹⁷ «Rote Fahne», 10.I 1932.

¹⁸ «Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Berlin, 1963, S. 157.

¹⁹ «Die Internationale», 1930, N 19/20, S. 548.

²⁰ «Verhandlungen des Reichstags», V Wahlperiode, Bd. 446, S. 2091.

линской организации КПГ, В. Ульбрихт подчеркнул, что «в центре всей нашей борьбы должна находиться борьба против гитлеровской фракции фашизма — национал-социалистов»²¹.

Для преодоления сектантских настроений важное значение имел разгром группы Неймана—Реммеле летом-осенью 1932 г.²² Это создало более благоприятные предпосылки для завоевания масс партией. Вся работа КПГ в еще большей степени чем прежде была нацелена на то, чтобы помешать гитлеровцам прийти к власти; коммунисты не ставили теперь для образования единого фронта с социал-демократами никаких условий, кроме одного: решимости не на словах, а на деле бороться против фашизма, против тех, кто прокладывает ему путь к власти. Выступление коммунистической партии в защиту смещенного реакцией прусского правительства, в котором ведущую роль играли социал-демократы, красноречиво свидетельствует о том, что КПГ учитывала различие в политике разных группировок правящих кругов и стремилась отстоять те позиции, которые фашисты рассматривали как помеху для своего утверждения. Но, к сожалению, сектантские настроения слишком сильно укрепились и их пагубное влияние продолжало сказываться и в последующие месяцы, мешая партии использовать все возможности для сплочения противников фашизма.

Тогдашние правители делали все от них зависевшее, чтобы затруднить работу КПГ, максимально осложнить ее связи с массами. Гонения, которым подвергалась партия, уже в это время далеко превосходили по своим масштабам и ожесточенности все, что считалось в прежние годы «нормой» для буржуазной республики. Мы уже приводили примеры того, как свирепствовали суды, посылая в тюрьмы и на каторгу коммунистов, чья «вина» заключалась в том, что они не хотели допустить превращения своей страны в очаг фашистского мракобесия. Не проходило дня, чтобы полиция, находившаяся в распоряжении папеновских приспешников, а в некоторых землях и непосредственно в руках гитлеровцев, не устраивала обысков в помещениях КПГ или близких ей организаций —

---

²¹ «Rote Fahne», 17.XII 1930.

²² «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 372—373.

Революционной профопозиции, Международной рабочей помощи и т. д. Эти обыски имели целью снабдить правительство доказательствами того, будто компартия занимается «подрывной деятельностью». Но, как ни старалась полиция, оружия и каких-либо компрометирующих КПГ документов обнаружить не удавалось. А они были бы некоторым представителям правящего лагеря весьма кстати: запрет КПГ помог бы, по их мнению, решить важнейшие проблемы.

В этом убеждаешься, познакомившись с письмом, которое в середине августа направил Шлейхеру заместитель председателя Национальной партии Шмидт. Рассуждая о наилучших способах справиться с рейхстагом, он напоминает всесильному министру об идее Гугенберга изменить соотношение сил в парламенте, запретив коммунистическую партию и лишив ее представителей депутатских мандатов²³. Легко заметить, что гитлеровцы, придя к власти, лишь воспользовались чисто фашистским замыслом Гугенберга. Но в 1932 г. Папен и Шлейхер еще слишком опасались возможных последствий такой меры: они не располагали важными рычагами влияния на массы в виде разнообразных организаций, которые являлись составной частью гитлеровской партии.

Излюбленным орудием реакции были запреты коммунистических изданий. Так например, за последние пять месяцев 1932 г. центральный орган партии «Роте фане» выходил всего в течение 73 дней; в сентябре боевая газета германских коммунистов вообще почти не появлялась. Запреты «Роте фане», как правило, совпадали с моментами наибольшего обострения классовых боев; власти, часто под самым несостоятельными предложениями, на более или менее длительный срок прекращали выпуск газеты. «Таким путем Папен, Брахт и Мельхер (полицейский президент Берлина. — Л. Г.), — говорилось в листовке КПГ, относящейся к первой половине октября, — хотят уничтожить вашу «Роте фане», так стремятся они вырвать это острое оружие из ваших рук»²⁴. Не лучше было положение коммунистических газет в провинции. Жесто-

---

²³ O. Schmidt-Hannover. Umdenken oder Anarchie. Männer, Schicksale, Lehren. Göttingen, 1959, S. 323.

²⁴ Фонды Государственного музея революции СССР, 8956/22 Л445-11Я2.

кими репрессиями обрушились власти на орган «Антифашистской акции» — после выхода первого же номера в июле он был запрещен вплоть до конца февраля 1933 г.!

В лагере реакции

Как быть с рейхстагом? Вновь разогнать его и назначить выборы в предписанный конституцией двухмесячный срок или осуществить, наконец, давнюю мечту реакции и распрощаться с парламентом совсем? Эти вопросы занимали умы Папена и его коллег чуть ли не со дня роспуска рейхстага 12 сентября. На первом же заседании правительства после этого события вновь обсуждались планы устранения рейхстага. Гайль, как и ранее, предлагал отсрочить выборы на неопределенное время; его поддержал Шлейхер. Но другие министры высказали мнение, что для отказа от конституции срок «еще не приспел»²⁵. В то же время тогдашние правители озаботились подысканием юридических оправданий для нарушения основного закона республики в будущем. С этой целью ближайший сотрудник Шлейхера Отт (будущий германский посол в Японии в период бытности там Зорге) находился в тесном контакте с буржуазными учеными-правоведами, в частности с главой реакционной юридической школы К. Шмиттом, получившими задание найти «обоснования» для устранения рейхстага. Цели реакционеров яснее и откровеннее других выразил сверстник и советчик президента республики Ольденбург-Янушау, заявивший, что германский народ получит такую конституцию, «от которой он лишится зрения и слуха»²⁶.

Трудно придумать что-либо более отвратительное, чем демагогия, заполнявшая в эти месяцы страницы нацистских изданий и представлявшая гитлеровцев... защитниками конституции от посягательств правительства! Фашистские главари, только один-два месяца назад являвшиеся тесными союзниками Папена и Шлейхера, выступавшие в роли инициаторов переворота 20 июля в Пруссии, теперь лили крокодиловы слезы над судьбой рейхстага. «Мы должны констатировать, — говорил Ге-

²⁵ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte 1930—1932. Stuttgart, 1962, S. 281—282.

²⁶ O.-E. Schüddkopf. Das Heer und die Republik. Hannover, 1955, S. 345.

ринг, выступая 6 декабря, — что парламент сейчас — единственное место, где могут дать знать о себе стремления немецкого народа»²⁷. Нацисты «осуждали» правительство за узурпацию власти в крупнейшей из германских земель, дойдя даже до угроз потребовать за это предания Гинденбурга Верховному суду²⁸. Пресса была полна взаимных обвинений, разоблачений, компрометирующих материалов. Обострились и отношения гитлеровцев с другой представительницей крайней реакции — Национальной партией, озлобленной упорным стремлением нацистов, своими успехами в немалой степени обязанных деньгам Гугенберга, к единовластию. Лидеры Национальной партии намеревались воспользоваться трудностями, которые переживали гитлеровцы, чтобы улучшить в свою пользу соотношение сил обеих партий. Poleмика, шедшая между соперниками-единомышленниками, отражала грызню за долю в будущей добыче.

Более серьезный характер носили все углублявшиеся противоречия по вопросу о дальнейших путях достижения общих для политических организаций буржуазии целей. Подъем массового движения осенью 1932 г. обострил эти противоречия; посыпались обоюдные обвинения в ответственности за «усиление коммунизма». Папеновцы возлагали вину за это на несговорчивых нацистов, желавших слишком многого, а те в свою очередь — на правящие круги, которые, мол, не обладают смелостью запретить компартию. Волна массовых выступлений пролетариата подтвердила опасения тех представителей буржуазии, которые страшились реакции рабочего класса на «поспешные» шаги в сторону фашистской диктатуры. Все реакционеры использовали усиление революционного движения как повод для истерических призывов к борьбе против «коммунистической угрозы».

А на фоне междоусобицы в лагере буржуазии рельефнее, чем когда-либо, вырисовывалась фигура генерала,

---

²⁷ «Verhandlungen des Reichstags», VI Wahlperiode, Bd. 456, S. 9.

²⁸ Стремясь убедить общественное мнение, что он неизбежно станет преемником Гинденбурга, Гитлер заявил на массовом митинге в Мюнхене: «Моему основному конкуренту, президенту Гинденбургу, уже 85 лет, мне же 43 года, и я чувствую себя вполне здоровым... Когда мне исполнится 85 лет, господина Гинденбурга уже давно не будет в живых» («Deutsche Allgemeine Zeitung», 8.IX 1932).

блицетворявшего собой военщину, все увереннее претендовавшую на роль вершителя судеб нации. Человеком этим был Шлейхер, но им мог оказаться и любой иной представитель касты милитаристов, ибо ее возвышение носило закономерный характер, обусловленный ходом развития Веймарской республики и положением, сложившимся в результате разброда демократических сил. Шлейхер держал в своих руках все нити политической игры; он по-прежнему находился в контакте с гитлеровцами, предлагая им согласиться на условия, о которых шла речь во время переговоров 13 августа. С каждым днем становилось яснее, что задача, возложенная на правительство Папена, — привлечение нацистов к управлению государством в коалиции с другими реакционными партиями — не будет выполнена. В связи с этим у вершителей судеб страны возникла мысль поставить во главе правительства генерала, который повторил бы попытку достичь соглашения с нацистами. Что касается самого Шлейхера, то он уже тогда наметил план отрыва от гитлеровской партии более или менее крупной группировки, склонной к соглашению, что не могло бы не повлиять на всю партию.

Как писала 15 ноября газета «Дейче альгемейне цейтунг», отражавшая взгляды воротил тяжелой промышленности, хотя в лагере правых организаций имелось единство по поводу необходимости диктатуры, «но полное отсутствие единства сказывается при постановке вопроса о том, какими средствами и при помощи каких лиц следует осуществлять управление государством в новом духе». Немало капиталистов еще и в то время не преодолело своего недоверия к нацистам, вызванного их антикапиталистической демагогией. В своем кругу от Гитлера можно было услышать совершенно иное; как раз в это время он заявил Раушнингу²⁹: «Не прислушивайтесь к тому, что говорят Федер и его люди, если даже это одобрено партией. Они могут говорить, что хотят; когда я приду к власти, то позабочусь, чтобы они не причинили

---

²⁹ Г. Раушнинг был в то время нацистом и занимал пост президента данцигского (гданьского) сената. В дальнейшем он порвал с гитлеровцами и, бежав из Германии, еще в довоенные годы опубликовал несколько книг, разоблачавших нацизм.

никакого вреда»³⁰. Но потребность борьбы за массовую базу вновь и вновь побуждала нацистов прибегать к шумихе по поводу «процентного рабства» и «хищнического капитала». Неустанную работу, имевшую целью рассеять возникавшие в связи с этим подозрения, вели эмиссары Гитлера в лагере тяжелой промышленности³¹ — Функ, Кеплер, а главное Шахт. Для очень многих представителей круга, в котором вращался отставной председатель рейхсбанка, его заверения значили больше самых веских аргументов.

29 августа Шахт в письме Гитлеру подал нацистам весьма полезный для них совет. «Если только возможно, — писал он, — *не выступайте* с детализированной программой. Не может быть такой программы, вокруг которой могло бы объединиться 14 млн. человек»³². Шахт использовал все доступные ему средства, чтобы расчислить гитлеровцам путь в рейхсканцелярию. Из показаний Папена на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников известно, что Шахт даже явился к нему домой, чтобы потребовать от Папена отказа от власти в пользу Гитлера. «Отдайте Вашу должность Гитлеру, — заклинал Шахт, — это единственный человек, который может спасти Германию»³³.

Сам Папен, вероятно, уже в это время последовал бы совету Шахта; но дело было гораздо сложнее. Причины столкновения недавних друзей восходили к конкурентной борьбе промышленно-банковских групп, к стремлению каждой из них главенствовать. В пылу избирательной кампании, пытаясь укрепить свои позиции и ослабить конкурента, чтобы сделать его более покладистым, обе стороны не скупились на любопытные разоблачения. Гитлеровцы на все лады расписывали антинародный характер правительства Папена, фактически никого, кроме

---

³⁰ H. Rauschning. Gespräche mit Hitler. New York, 1940, S. 26.

³¹ Одним из таких эмиссаров был начальник экономического отдела нацистской партии О. Вагенер. Выступая в конце 1931 г. перед рурскими промышленниками, он недвусмысленно заявил: «Наш социализм может быть принят и одобрен каждым хозяйственником. Те из них, кто с опаской относится к нашим планам, могут быть спокойны» (ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 94).

³² «Trial of the Major War Criminals», v. XXXVI, p. 536.

³³ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II. М., 1955, стр. 302.

самого себя, не представлявшего. Фашисты делали это с присущей им абсолютной беспринципностью. Папен и его единомышленники не оставались в долгу, давая волю своему недовольству вероломными союзниками, нарушившими обязательства. В предвыборных речах Папена не раз говорилось о том, что гитлеровская партия стремится уничтожить все другие политические организации, что обещания нацистских главарей не стоят ломаного гроша и т. п.

Политические банкроты

Неприглядную картину представляла собой избирательная кампания социал-демократической партии, лишенная большой вдохновляющей цели, вся сотканная из демагогии, стремления «замириться» с властями и нескрываемой вражды к коммунистической партии. Социал-демократия оказалась в весьма сложном положении; правящие круги все очевиднее отказывались от ее услуг, подчас даже подвергая ее преследованиям, а фашисты убивали и ранили членов и сторонников партии; в то же время внутри СДПГ неуклонно усиливалось недовольство низов, выступавших против официального курса партийного руководства. Влияние партии неизменно падало, но ее лидеры продолжали, с некоторыми вариациями, все ту же пагубную политику, добиваясь возврата благосклонности буржуазии. Основой этой политики был антикоммунизм.

Кое-кто в рядах СДПГ даже играл с мыслью о допущении гитлеровцев к власти. В «Форвертс» за 7 августа можно было прочесть, например: «Конечно, намерение цивилизовать ее (нацистскую партию. — Л. Г.), приучить ее к ответственности, предоставить ей возможность позитивной работы... понятно каждому политически мыслящему человеку». Иногда выступления в пользу включения гитлеровцев в правительство обосновывались тем, будто это приведет их к упадку. Так например, в теоретическом органе СДПГ говорилось (и не один раз), что «переход от оппозиции к ответственности создаст для фашизма критическую ситуацию»³⁴. Такого рода высказывания обычно снабжались оговорками вроде того, что с властью нацистов можно будет примириться, если они будут соблюдать буржуазно-демократические «правила

³⁴ «Gesellschaft», 1932, N 10, S. 285.

игры», — как будто еще недостаточно было доказательств тоталитаризма гитлеровской партии, ее решимости навсегда покончить с остатками демократических свобод.

Вместе с тем среди некоторых заправил СДПГ усилилось стремление перенять у нацистов те приемы и даже принципы, которые, по их мнению, обеспечили успех гитлеровской партии. Вот что писал, например, В. Зольман в листовке, относящейся к ноябрю 1932 г.: «Среди немецких демократов (!) еще не придается должное значение проблеме фюрерства; идея фюрерства еще недостаточно развита»^{34а}. В печати СДПГ появились статьи, авторы которых положительно высказывались относительно проектов реакционной реформы конституции, разработывавшихся Папеном и его коллегами, выступали за создание второй палаты явно корпоративного характера и за отмену принципа пропорциональных выборов³⁵.

Рупором стремлений руководства СДПГ к сближению с «кабинетом баронов» служили профсоюзные лидеры, постоянно принадлежавшие к наиболее правым представителям социал-демократической партии. Сначала председатель Всеобщего объединения германских профсоюзов Лейпарт, а затем другой руководящий деятель этого объединения, Тарнов, заявили о полной готовности профсоюзов участвовать в создании «национальной концентрации». На это откликнулись и Папен, и один из фашистских главарей, Г. Штрассер, приветствовавшие (каждый в своих интересах) неожиданную волю реформистских профсоюзов к сотрудничеству с злейшими врагами рабочего класса. Тенденция к замирению с правительством проявилась и в выступлениях влиятельных лидеров партии, например О. Брауна, в пользу участия СДПГ и «Рейхсбаннера» в деятельности государственной организации по «воспитанию молодежи», созданной осенью

---

^{34а} ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 210.

³⁵ «Sozialistische Monatshefte», 1932, N 9, S. 746—748; «Neue Blätter für den Sozialismus», 1932, N 11, S. 586. Социал-демократических лидеров заботило лишь одно: чтобы изменения конституции совершались «законным» путем. «Иначе, — говорилось в изданной в виде листовки речи Лебе, которую он должен был произнести в рейхстаге, но не смог сделать этого из-за роспуска рейхстага, — граждане почувствуют себя освобожденными от обязанности соблюдать законы» (ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 194). А соблюдение этой традиции значило в условиях Германии особенно много.

1932 г. и имевшей главной, если не единственной целью военную подготовку юношества³⁶. Основной силой, поставившей кадры для этой организации, которую возглавлял отставной генерал реакционер Штюльпнагель, были нацистская партия и «Стальной шлем».

Наряду с попытками приспособиться к новой ситуации, руководство СДПГ продолжало традиционную политику, виждившуюся на стремлении удержать своих сторонников от участия во внепарламентской борьбе против реакции. Весьма характерна реакция руководства социал-демократии на слухи о намерении правительства отсрочить выборы на неопределенный срок: лидеры СДПГ восприняли это как огромную опасность... для господствующих классов. «Предстоящая зима, — писал 13 сентября «Форвертс», имея в виду развитие экономического кризиса, — будет и без того мучительна и тяжела! Правительство не должно оставить никаких сомнений в том, что выборы состоятся в срок. Если и этот вентиль будет закрыт, никто не сможет взять на себя ответственность за дальнейшее». Подобные заявления как нельзя более ярко показывают, что главари социал-демократии по-прежнему видели главную задачу в предотвращении революционного взрыва, в сохранении власти буржуазии.

Уже при правительстве Брюнинга социал-демократические лидеры приложили немало усилий в попытках изобразить полудиктаторский режим чуть ли не как... преддверие социализма. Тогда основанием для подобной манипуляции послужили государственно-монополистические мероприятия, вызванные углублением экономического кризиса. Теперь, при Папене, даже такой видимости не было, но это не помешало реформистам вновь прибегнуть к демагогии на ту же тему. О. Вельс — правый из правых в партии — 27 августа напечатал в «Форвертс» статью, в которой объявил, что СДПГ провозглашает «новый крестовый поход за социализм». Руководитель партии, сделавшей и продолжавшей делать все, чтобы помешать рабочему классу добиться своей сокровенной цели, утверждал: «Социализм не является более в Гер-

---

³⁶ В некоторых социал-демократических изданиях меры по военизации молодежи рассматривались... как приближающие социализм! «Лагерь воспитывает в глубочайшем смысле социалистическую личность», — говорилось в журнале «Neue Blätter für den Sozialismus» (1932, N 10, S. 552).

мании идеалом будущего, он — задача дня». Такой поистине иезуитский обман дезориентировал тех, кто доверял Вельсу, Лебе и им подобным. Не им было говорить о социализме, да к тому же обстановка была такова, что задача дня для пролетариата заключалась в другом — в борьбе за сохранение демократических свобод.

Банкротство политики СДПГ весьма красноречиво проявилось в это время в связи с разбирательством в Верховном суде жалобы Пруссии, Баварии и Бадена на действия Папена против прусского правительства. Процесс открылся только 10 октября, когда все дело в значительной мере потеряло политический смысл. Это очень точно предвидела К. Цеткин, сказавшая в своей вступительной речи на открытии рейхстага: «Жаловаться Верховному суду на правительство равносильно тому, что жаловаться на черта его бабушке»³⁷. Представители бывшего прусского правительства на процессе уделили главное внимание доказательствам несправедливости обвинения в «потворстве коммунистам». «Браун и Зеверинг, — напомнил А. Брехт, — уже в 1928 г. издали запрет Союза красных фронтовиков, не прибегая в то же время к запрету соответствующих организаций национал-социалистской партии и ограничиваясь борьбой против отдельных нарушений, допускавших ими». Представители смещенного прусского кабинета вновь и вновь с негодованием подчеркивали, что в этом смысле между правительствами Папена и Брауна никакой разницы нет. Перед последним «ведь также стоял вопрос: *как бороться с большевистской опасностью* (как известно, выдуманной реакционерами для прикрытия своих собственных антинародных планов. — Л. Г.), как в разгар этой ужасающей нищеты подавить подъем коммунистического движения»³⁸. Представители имперского правительства стремились доказать обратное, хотя они, обосновывая надуманный предлог для устранения Брауна, Зеверинга и их коллег, вряд ли верили в то, что говорят.

Решение Верховного суда было образцом казуистики, в которой простому человеку было не так-то просто разобратся. С одной стороны, бывшие прусские властители

³⁷ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 454, S. 2.

³⁸ «Preussen contra Reich vor dem Staatsgerichtshof». Berlin, 1933, S. 22.

целиком реабилитировались в главном обвинении — потворстве КПГ. Но тогда следовало бы, казалось, отменить чрезвычайный декрет от 20 июля. Между тем он был оставлен в силе во всем, кроме представительства Пруссии в рейхстаге, рейхсрате и некоторых других организациях. Браун и Зеверинг возобновили видимость какой-то деятельности, устраивали заседания (хотя им никто ничего не платил и с трудом предоставляли помещение!) и т. п. 29 октября Браун был даже принят Гинденбургом, но на следующий же день Папен, как ни в чем не бывало, назначил в Пруссию новых «комиссаров» взамен прежних министров; одно министерство (благотворительности) было вообще ликвидировано — за ненадобностью, вновь уволена большая группа чиновников, еще оставшихся с прежних времен³⁹. Социал-демократические лидеры запротестовали — они только теперь (если верить «Форвертсу») поняли, что речь идет о «захвате всей власти в Пруссии» (!). И вновь они предложили массам, как единственное средство добиться «справедливости», голосовать на предстоявших выборах в рейхстаг за СДПГ.

А покамест Папен имел все основания издеваться над социал-демократическими поклонниками законности. После процесса он дал завтрак, на который пригласил министров и юристов, представлявших в Лейпциге имперское правительство; здесь царил атмосфера неприкрытого веселья, особенно когда вниманию присутствовавших была предложена шуточная «лейпцигская смесь» — пародия на разбирательство прусской жалобы в Верховном суде⁴⁰. Однако Браун, Зеверинг и их коллеги и в последующие месяцы не прекращали попыток найти общий язык с правящими кругами. Достойную отповедь им дала коммунистическая партия в специальной листовке, выпущенной накануне выборов и разоблачав-

---

³⁹ 28 октября Папен в качестве имперского комиссара издал распоряжение о том, что всякое представительство бывшего прусского правительства (в соответствии с решением Верховного суда) «допустимо только после предварительного согласия имперского комиссара или назначенного им лица» («Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart», Bd. 21, 1933/34, S. 54).

⁴⁰ M. von Braun. Von Ostpreussen bis Texas. Stollhamm, 1952, S. 252.

шей прислужничество социал-демократических министров, которое ничуть не уменьшилось после всех полученных ими пощечин и пинков ⁴¹.

Против милитаризма и шовинизма

Мы уже говорили о том, что главный и решающий смысл выдвижения гитлеровцев монополистическим капиталом Германии заключался в стремлении поставить у власти силу, которая сумела бы осуществить непосредственную материальную и, что было не менее важно, идеологическую подготовку новой войны за завоевание мирового господства. А предварительная работа для этого была в значительной степени проделана в 1932 г. Важный шаг к открытому перевооружению сделал уже Брюнинг, использовавший международную конференцию по разоружению для переговоров с государственными деятелями западных держав о ликвидации военных ограничений, наложенных на Германию Версальским договором. Германские предложения на конференции (они были разработаны военным министерством) исходили из того, что «национальная безопасность» может быть обеспечена по меньшей мере паритетом с Францией (напомним, что в те времена Франция являлась самой сильной в военном отношении державой капиталистического мира). Чтобы добиться этого (конечно, в будущем), Германия стремилась получить согласие своих прежних противников на изменения в формировании и организации рейхсвера — значительное сокращение срока военной службы (что открывало путь к воссозданию массовой армии), создание хорошо вооруженной 100-тысячной милиции с одногодичным сроком обучения и обзаведение запрещенными видами оружия.

Германия уже на том этапе встретила весьма благосклонное отношение со стороны Англии и США, с представителями которых — Макдональдом и Стимсоном — Брюнинг, находясь в апреле в Женеве, обсуждал вопрос о «равноправии» Германии в вооружениях. А в июне США и Англия договорились об освобождении Германии от военных ограничений по истечении короткого срока

---

⁴¹ Фонды Государственного музея революции СССР, 9111/17, Л445-11П.

действия «конвенции по разоружению», которую предполагалось принять на Женевской конференции⁴². Но в то время Франция еще противилась возрождению германского милитаризма и отказывалась согласиться на ремилитаризацию Германии. Попытку купить согласие Франции, предложив ей союз, направленный против советской страны, предпринял Папен на конференции по репарационному вопросу в Лозанне (конец июня — начало июля); но тогдашний премьер-министр Франции Э. Эррио отклонил этот проект, от которого могла выиграть только Германия. В предвидении подобного исхода переговоров Шлейхер писал в секретном меморандуме: если минимальные требования Германии не будут удовлетворены, то «интересы вермахта диктуют прекращение переговоров, что должно закономерно привести к расширению армии в духе указанных требований»⁴³.

В этом духе и был составлен меморандум правительства Папена по вопросу о вооружениях, опубликованный в первых числах сентября⁴⁴. Новая отрицательная реакция Франции побудила Шлейхера перейти к практическим шагам. Тайное вооружение проводилось в течение всего послевоенного периода, и оно отнюдь не было секретом для держав-победительниц, о чем свидетельствуют многочисленные донесения их военных агентов, опубликованные теперь в разных изданиях. Но Шлейхер придавал этим приготовлениям гораздо больший размах. При нем была начата разработка детальных проектов увеличения армии, включая милицию и воздушный флот. В октябре в Берлине открылась военная академия, приступив к деятельности имперский совет обороны, рассмотревший планы реорганизации армии⁴⁵. В борьбе за быстрейшую ремилитаризацию были вполне единодушны и те прослойки господствующих классов, которые находились у власти, и те, кто пребывал формально в оппозиции, — гитлеровцы и сторонники Национальной партии. Их объединенными усилиями в стране с каждым днем креп ми-

⁴² J. Wheeler-Bennet. The Wooden Titan. Hindenburg in Twenty Years of German History. New York, 1936, p. 382.

⁴³ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1959, N 2, S. 168.

⁴⁴ K. Schwendemann. Abrüstung und Sicherheit, Bd. 1, Berlin, 1933, S. 408—413.

⁴⁵ H. Roos. Polen und Europa. Studien zur polnischen Aussenpolitik 1931—1939. Tübingen, 1957, S. 50.

литаристский дух; националисты и шовинисты всех мастей соревновались друг с другом в пропаганде насилия и войны как средства устранения трудностей, с которыми сталкивался немецкий народ.

Вот красноречивый образчик такого рода пропаганды. Подкрепляя германское требование «равноправия», бывший командующий рейхсвером Сект — не просто отставной генерал, а депутат рейхстага от Народной партии — говорил на празднике «Стального шлема» в Верхней Баварии: «Главное — это стремление к оружию. Все зависит от этого стремления, от решимости обороняться, от солдатского духа, от внутренней готовности к борьбе, от фронтового духа... На этот алтарь мы должны пожертвовать многое, расстаться со многими ценностями, чтобы вспыхнуло пламя любви к отечеству, мужества, самоотречения, терпения, священной воли и некоторой частицы ненависти»⁴⁶. Можно не сомневаться, что именно последнее — воспитание ненависти к другим народам, — и было главным для Секта и его единомышленников; красивые же слова о любви к отечеству, мужестве и т. п. являлись лишь мишурой, которая должна была прикрыть отвратительную сущность милитаризма, шедшего рука об руку с реакцией, фашизмом. Связь этих явлений часто обуславливала и мотивировку германскими империалистами своих реваншистских требований. Так, ратуя за введение германских войск в демилитаризованную зону вдоль Рейна, буржуазная печать охотнее всего прибегала к доводу, что в этих «наиболее зараженных большевизмом, густо населенных индустриальных местностях» одна полиция не справится с «беспорядками»⁴⁷.

Милитаристы имели, конечно, все основания ненавидеть революционных рабочих — убежденных борцов против агрессивных замыслов германского империализма. И в рассматриваемый нами период коммунистическая партия видела одну из самых главных задач в разоблачении военных приготовлений и экспансионистских планов германских монополий, проектов вовлечения Германии в антисоветские блоки. Эта сторона деятельности КПП получила в 1932 г. особенное развитие в связи

---

⁴⁶ F. von Rabenau. Seeckt. Aus seinem Leben. Leipzig, 1940, S. 667.

⁴⁷ См. «Правда», 7.VIII 1932.

с созывом большого международного форума, посвященного борьбе против милитаризма — Амстердамского антивоенного конгресса, собравшегося в августе по инициативе М. Горького, Р. Роллана и А. Барбюса. Самая многочисленная делегация на конгрессе — 700 человек — прибыла из Германии. Пролетарии Гамбурга вручили своим делегатам наказ, составленный в виде обращения ко всем рабочим Германии. Он предусматривал энергичную борьбу против подготовки войны и военной пропаганды, отозвание войск из колониальных стран, массовые выступления в защиту Советского Союза и в качестве важнейшей предпосылки успеха — сплочение всех трудящихся, создание единого боевого фронта.

Ярким эпизодом борьбы коммунистов против военной опасности в тот период была поездка Э. Тельмана в Париж и его выступление (вместе с М. Торезом) на многотысячном митинге парижских трудящихся 31 октября. Тельман прибыл во Францию нелегально и подвергался риску быть арестованным, но интернациональная рабочая солидарность помогла ему избежать знакомства с французской полицией. Его речь была направлена против версальской системы, против национального угнетения Германии, которое являлось чуть ли не главной причиной успехов гитлеровцев. Германские коммунисты, сказал Тельман, отвергают шовинизм, разжигание вражды к другим народам, гонку вооружений. В своем ответном слове М. Торез заявил, что те немцы, которые позволяют обманывать себя националистической демагогией, должны знать: революционный пролетариат Франции стоит за ликвидацию Версальского договора⁴⁸. Митинг явился замечательным свидетельством пролетарского интернационализма, солидарности трудящихся двух стран, правители которых испытывали глубокую вражду друг к другу.

Уже на следующий день Тельман выступал на грандиозном избирательном митинге КПГ в самом большом зале Берлина — «Спортпаласте». Он передал собравшимся горячий привет от их братьев по классу из Франции и вновь уделил серьезнейшее внимание национальному вопросу. Тельман показал, что вся героическая история

---

⁴⁸ E. Thälmann, M. Thorez. Paris—Berlin. Unser Kampf gegen den imperialistischen Krieg, gegen Versailles... Berlin, 1932, S. 7—16.

Коммунистической партии Германии неразрывно связана с борьбой против Версальского договора. Но в отличие от гитлеровцев, которые зовут к войне как единственному средству избавиться от цепей Версаля, коммунисты, говорил Тельман, добиваются ликвидации национального угнетения посредством социального освобождения трудящихся масс⁴⁹. Германские коммунисты были единственной политической силой в стране, которая отстаивала подлинные национальные интересы немецкого народа, ведя борьбу против подготовки реваншистской войны, шовинизма и человеконенавистничества фашистов и их покровителей. «Гитлер — это война!» — предупреждали коммунисты, хотя они еще не могли в то время предугадать всю глубину национальной катастрофы, явившейся результатом осуществления гитлеровских «идей» на практике.

Митинг в «Спортпаласте» был одним из завершающих собраний, проведенных коммунистической партией во время избирательной кампании. Они проходили с нарастающим успехом, свидетельствуя о том, что партия завоевывает все новых сторонников. Этому способствовали, в частности, решения всегерманской конференции КПГ, состоявшейся в конце октября и по своему значению не уступавшей съезду. Лейтмотивом доклада «В борьбе против фашистской диктатуры», сделанного Э. Тельманом, служила мысль о наличии больших объективных возможностей, чтобы одолеть фашизм. Конференция собралась в момент подъема забастовочной волны и посвятила свою работу задачам ее дальнейшего расширения. Была подчеркнута необходимость в гораздо большей мере, чем прежде, отстаивать повседневные интересы трудящихся, не ограничиваясь пропагандой конечных целей. Очень важно было широко популяризировать среди членов профсоюзов успехи забастовочной борьбы последних месяцев⁵⁰.

Серьезное место в работе октябрьской конференции КПГ занял и вопрос о борьбе против национализма и шовинизма. В принятых решениях подчеркивалась важность усиления пропаганды пролетарского интернациона-

⁴⁹ «Rote Fahne», 3.XI 1932.

⁵⁰ E. Thälmann. Im Kampf gegen die faschistische Diktatur. Berlin, 1932.

лизма в противовес поджигательской демагогии нацистов. Стремясь разоблачить ее, отважные борцы-коммунисты смело отправлялись и на фашистские собрания, если им предоставлялась возможность выступить там с изложением позиции КПГ. В таких случаях дело нередко кончалось так, как это запечатлено в очерке прогрессивного журналиста А. Габора:

«Спокойно и деловито товарищ Ульбрихт разбивает пустую болтовню тех, кто выступал перед ним. Просто и ясно ставит он нацистам вопросы, так что у них не остается никаких лазеек...

Нацистам становится не по себе, они не привыкли слышать подлинные, деловые аргументы. Весь зал находится под влиянием товарища Ульбрихта. Затем на трибуну поднимается Геббельс. Ему кричат: «Убийца рабочих!» А внизу, в зале его люди уже начали побоище... В центре штурмовики образовали круг и бросают оттуда во все стороны стулья и отломанные от столов ножки. Возникает неопишуемый беспорядок. В одно мгновение — повсюду залитые кровью лица, неподвижно лежащие люди. Слышны лишь крики и глухие удары.

Полиция пробивается в зал и начинает со зверской грубостью вытеснять оттуда рабочих»⁵¹.

Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрнст Шнеллер, Георг Шуман и другие — эти имена стали легендарными. Их носители, руководящие деятели Коммунистической партии Германии, — люди, чья жизнь представляет собой яркий пример беззаветного служения народу, непрерывной борьбы против его поработителей. Нечеловечески трудными были условия этой борьбы, но несгибаема была когорта, возглавляемая бывшим гамбургским рабочим Тельманом, которого тысячи людей звали запросто «Тедди». Они сделали все от них зависящее, чтобы преградить гитлеризму путь к власти, а когда фашистская диктатура все же воцарилась, стали организаторами сопротивления нацистскому режиму. Большая часть их разделила судьбу Тельмана в фашистских застенках и концлагерях. Но и там они ни на минуту не прекращали борьбы против врагов трудящегося народа.

---

⁵¹ A. Gabor. Der rote Tag rückt näher. Berlin, 1959, S. 139—141.

Красный Берлин

В числе предприятий, рабочие которых участвовали в забастовках осени 1932 г., было мало крупных. В октябре назрел конфликт именно на одном из таких объектов — берлинской транспортной компании, где было занято 28 тыс. рабочих; от ее бесперебойной работы зависело все население столицы. С мая 1931 г. заработная плата снижалась здесь пять раз, а теперь предстояло новое снижение; и хотя оно было незначительным — 2 пфеннига в час, рабочие были полны решимости не допустить нового грабежа своего и без того крайне низкого заработка. Они поняли правоту коммунистов, говоривших: «Если дирекции и в этот раз удастся осуществить свои замыслы, то уже через несколько недель последует новое, еще большее снижение зарплаты». Как и следовало ожидать, лидеры реформистских профсоюзов высказались против забастовки, за «мирное» улаживание конфликта, который может-де расстроить хозяйственную жизнь Берлина. На деле их стремление предотвратить стачку объяснялось страхом, что она приобретет политический характер, тем более, что дело происходило как раз накануне выборов в рейхстаг. Но усилия профсоюзных главарей оказались тщетными; среди транспортников было весьма сильно влияние коммунистической партии и Революционной профоппозиции, сумевших добиться единства рабочих.

Вопреки воле руководства профсоюза, 2 ноября состоялось голосование по вопросу о том, принимать или отклонить «третейское» решение о понижении зарплаты. Из 18 537 человек 14 471, т. е. огромное большинство, высказалось за отклонение и за немедленное объявление забастовки. В тот же день было создано центральное стачечное руководство, в состав которого вошли представители различных партий и беспартийные. Комитеты единства, существовавшие во всех отделениях, теперь превратились в органы руководства стачкой на местах⁵². И утром 3 ноября берлинцы, выйдя на улицу, не увидели ни трамваев, ни автобусов. Перед всеми депо были выставлены забастовочные пикеты. Стачка берлинских

---

⁵² A. Deter. Aktionseinheit — Lehre des Verkehrsarbeiterstreiks. — «Neues Deutschland», 2.XI 1957.

транспортников, ставшая одним из важнейших событий классовой борьбы этих лет в Германии, началась.

Нет сомнений, что, поднявшись в тот момент на борьбу, рабочие столичного городского транспорта отнюдь не ограничивали свои цели двумя пфеннигами; нет, их выступление должно было показать правящим кругам решимость германского рабочего класса сорвать реакционные планы правительства Папена, нанести «кабинету баронов» серьезный удар. В своем развитии забастовка не могла не принять особенной остроты именно как *политическое* выступление: ведь ареной борьбы была резиденция реакционного правительства, которое считало себя безусловным хозяином положения и только три месяца назад торжествовало бескровную победу над берлинскими рабочими. А теперь вся жизнь в столице была дезорганизована, и попытки полиции наладить какое-то подобие движения кончались провалом.

Озлобленная полиция свирепствовала. В первый день стачки было арестовано 420 человек, в один из последующих — более 1000. Многие из них подвергались «скоростной процедуре» суда; приговоры были настолько тяжелы и несправедливы, что даже социал-демократический «Форвертс» вынужден был признать их «чрезмерными». Судьи, оправдывавшие фашистских убийц, сажали рабочих в тюрьму на 2—2½ года за брошенный в полицейского камень.

Но транспортники не дали запугать себя. Они ощущали солидарность пролетариев всей Германии, оказавших материальную помощь и моральную поддержку. Забастовка не могла бы продлиться ни одного дня, если бы не позиция, занятая безработными. Не только не было штрейкбрехерства, но, наоборот, безработные вместе с бастующими боролись против попыток реформистов сорвать стачку. Не менее важна была реакция других слоев населения Берлина, которое испытывало значительные неудобства и, казалось, должно было негодовать против «смутьянов». В действительности же население в своей массе стало на сторону забастовщиков, отказываясь пользоваться теми трамваями и автобусами, которые полиции удавалось выпустить на линию. Об атмосфере, в которой проходила забастовка, свидетельствует и тот факт, что нацисты вынуждены были примкнуть к ней. О причинах этого Гитлер вскоре говорил

Гинденбургу следующее: «Люди очень недовольны. Если бы я удержал моих людей от участия, то стачка все равно состоялась бы, но я потерял бы своих сторонников среди рабочих»⁵³. А Геббельс записал в своем дневнике: «Стоит только потерять рабочего один раз, как он потерян навсегда».

Фашисты поддержали забастовку исключительно из предвыборных соображений; они с самого начала стремились подорвать единство бастующих, создав собственный стачечный комитет, выступили против распространения забастовки на газовые заводы и водопровод, заявляя, что это придаст борьбе политический характер. А на следующий день после выборов в рейхстаг гитлеровцы штрейкбрехерски отошли от забастовки. «Стачка на берлинском транспорте... стала безнадежным делом, — записал Геббельс в своем дневнике уже 7 ноября. — Речь идет только о том, чтобы каким-нибудь образом закончить ее»⁵⁴. Участие в забастовке не принесло нацистам популярности; именно в Берлине их потери на выборах оказались едва ли не максимальными. Антирабочую сущность нельзя было замаскировать никакими маневрами. А какова была эта сущность, видно из выступления одного из нацистских лидеров, полковника в отставке Хирля, представлявшего гитлеровскую партию в имперском совете по организации трудовой повинности для молодежи: «Естественно, что положения о тарифе, рабочем времени и т. п. не найдут в трудовой повинности никакого применения... Порожденная либерализмом и марксизмом материалистическая точка зрения, под влиянием которой любая работа рассматривается под углом зрения заработка, должна исчезнуть из голов»⁵⁵. Яснее о том, чего добились нацисты, сказать, пожалуй, нельзя было.

Стачка рабочих городского транспорта германской столицы продолжалась до 8 ноября и закончилась частичным успехом. Достичь полной победы помешало прежде всего поведение реформистских лидеров, а также слабости в работе компартии. Эти причины были проанализированы в выступлениях Э. Тельмана и В. Ульбрихта на состоявшейся вскоре конференции берлинской органи-

⁵³ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, N 3, S. 551.

⁵⁴ J. G ö b b e l s. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Berlin, 1934, S. 198.

⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 89.

зации КПГ. Партия приложила большие усилия, чтобы развязать стачки солидарности на предприятиях Берлина. «На всех заводах, — говорилось в одной из листовок, обращенных к пролетариям столицы, — надо обсудить благоприятную ситуацию, созданную стачкой транспортников. Свяжите свою собственную борьбу с борьбой транспортных рабочих»⁵⁶. Но существенных результатов эти обращения, к сожалению, не принесли.

Тем не менее берлинская стачка была, по словам Тельмана, «важнейшим до сего времени *позитивным* революционным достижением нашей партии»⁵⁷. Она была ярчайшим свидетельством того, что боевой дух германского рабочего класса не угас. «Пять дней забастовки принесли нам большие уроки, — заявило центральное забастовочное руководство в листовке, выпущенной сразу после событий. — Наша борьба показывает трудящимся Берлина, какая могучая сила просыпается в пролетариате, когда он един»⁵⁸. Это был урок не только для берлинцев, но и для трудового люда всей Германии, урок предельно наглядный и оказавший на многих серьезное влияние.

Берлинская стачка, как мы знаем, была отнюдь не изолированным явлением, а кульминационным пунктом многонедельной забастовочной волны, которой сопутствовал подъем массовых выступлений, направленных против иных форм наступления монополий — снижения пособий по безработице, болезни, инвалидности, повышения квартирной платы и т. п. В эти выступления были втянуты разнообразные слои населения, и в ходе борьбы они с особенной отчетливостью увидели революционные возможности пролетариата. В. Пик писал позднее, что «колеблющаяся мелкая буржуазия начала ориентироваться на борющихся рабочих. Подтвердилось ленинское учение о том, что лишь пролетариат своей революционной активностью может увлечь на революционный путь промежуточные классы»⁵⁹. Подтвердилось, что борьба за классовые инте-

---

⁵⁶ Фонды Государственного музея революции СССР, 9014/4, Л445-4з.

⁵⁷ «Rote Fahne», 24.XI 1932.

⁵⁸ Фонды Государственного музея революции СССР, 9014/18, Л445-4з.

⁵⁹ «XIII пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет». М., 1934, стр. 45.

ресы пролетариата в условиях общего кризиса капитализма неразрывно связана с борьбой за общедемократические и общенациональные интересы.

События осенних месяцев, в особенности берлинская забастовка, сигнализировали монополистам о том, что социал-демократические и профсоюзные лидеры часто уже не в состоянии предотвращать крупные классовые бои. Вот что говорилось, например, в передовой «Дейче альгемайне цейтунг» от 4 ноября: «Полное прекращение работы берлинского городского транспорта в результате „дикой“ забастовки... является чрезвычайно прискорбным событием». Газета подчеркивала, что такая, «не санкционированная профсоюзными лидерами, но не предотвращенная ими, вызванная политическими причинами забастовка» напоминает «худшие времена» (имелись в виду Ноябрьская революция 1918 г. или события 1923 г.). О том же шла речь в секретных обзорах положения, составлявшихся в министерстве внутренних дел. Отмечая успехи борьбы за единство пролетарских рядов, авторы обзора, датированного декабрем 1932 г., писали, что это сделает социал-демократию еще непригоднее (!) «в качестве аванпоста борьбы против радикализма»⁶⁰. Германская буржуазия в общем предвидела подобное падение авторитета реформистской верхушки и на этот случай готовила резервную силу в лице гитлеровской партии. Соображения капиталистического лагеря были откровенно изложены осенью 1932 г. в напумевшей статье бюллетеня «Фюрербрифе», само название которого говорило, что он предназначен для «избранных»; бюллетень распространялся исключительно среди представителей крупной буржуазии.

В статье содержался экскурс в историю Германии последних полутора десятилетий и подчеркивалось, что сохранение капиталистического строя после революции 1918 г. обеспечивалось только благодаря деятельности правых социал-демократов, раскалывавших рабочий класс. По мере развертывания экономического кризиса этот механизм воздействия на пролетариат становился все менее и менее действенным. «Рабочие, — говорилось в статье, — начнут скатываться к коммунизму, а буржуазное гос-

---

⁶⁰ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Reichsministerium des Innern, N 26153, Bl. 53.

подство будет приближаться к чрезвычайному положению военной диктатуры. Спасение из этой бездны возможно лишь в том случае, если удастся по-прежнему раскалывать и связывать силы рабочих другими мерами непосредственного воздействия... Здесь и приходится искать позитивные возможности и задачи национал-социализма»⁶¹. Но по различным причинам, о которых мы уже говорили, привести нацистов к власти прежде оказалось и несвоевременным, и невозможным. А в конце 1932 г. обнаружилось, что и нацизм — еще не использованное орудие монополий — пошел вспять под напором массового движения трудящихся, развернувшегося по инициативе КПП.

Это стало особенно очевидно в результате выборов 6 ноября, которые выявили существенные изменения в соотношении классовых сил. Главным из них была крупнейшая победа коммунистической партии, вновь завоевавшей на свою сторону сотни тысяч сторонников и собравшей в общей сложности почти 6 млн голосов. В новом рейхстаге компартия имела 100 депутатов. Успех КПП был закономерным итогом огромной работы, развернутой летом и осенью 1932 г., неутомимой, беззаветной борьбы против фашистской угрозы, против реакционного правительства Папена. Избирательная победа компартии была следствием ее внепарламентской деятельности, которой партия неизменно придавала первостепенное значение. Собрав 6 млн. голосов, компартия сделала очень важный шаг к решению самой важной своей задачи — завоеванию большинства рабочего класса. Ибо выборы еще резче, чем ряд предыдущих, обнаружили упадок социал-демократии, которой не могла помочь даже словесная «оппозиция» по отношению к правительству. Многие рабочие покидали эту партию, утратившую все, что прежде вдохновляло их, и превратившуюся в «запасную команду» буржуазии, призванную держать негодующие массы в узде. Социал-демократия получила 7,2 млн. голосов и по числу мандатов в рейхстаге лишь ненамного превосходила компартию.

Вторым важнейшим итогом выборов были крупные потери гитлеровцев. Они собрали на два с лишним миллиона голосов меньше, чем 31 июля. И хотя нацистская

---

⁶¹ «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре». М., 1933, стр. 27.

фракция оставалась наибольшей в парламенте, престижу фашистов был нанесен существенный урон. Гитлеровцы потеряли избирателей и в сельских, и в промышленных районах страны, в том числе, — а это было особенно важно — в самом Берлине. Если 31 июля они сумели собрать здесь наибольшее количество голосов, потеснив компартию, то на осенних выборах КПП вновь вышла на первое место, а фашисты недосчитались нескольких десятков тысяч голосов. Падение влияния гитлеровцев являлось фактором первостепенной политической важности. и ЦК КПП в своем заявлении по поводу итогов выборов подчеркнул это, указав, что начавшийся упадок фашизма — прежде всего результат подъема массового антифашистского движения под знаменами единого фронта.

Выборы вызвали некоторую передвижку и в соотношении сил «старых» буржуазных партий. Если партия Центра потеряла 350 тыс. голосов, то Национальная партия сумела выиграть почти 800 тыс. избирателей и получила 57 мандатов вместо 37 в предыдущем рейхстаге. Это объяснялось переходом к националистам части приверженцев гитлеровской партии. Другие буржуазные партии, наоборот, не сумели оправиться от потерь и по существу превратились в ничтожные группки, не игравшие более никакой политической роли.

Итоги выборов породили у всех поборников демократии, у всех противников реакции и фашизма надежды на благоприятный исход политического кризиса. Но одновременно они — и направление развития событий в целом — встряхнули реакционный лагерь, активизировали поиски им путей к консолидации ультраправых сил⁶². А это создавало грозную опасность для всего, что с таким упорством отстаивали сторонники республики.

---

⁶² «100 коммунистов в германском рейхстаге, — писала «Дейче альгемайне цейтунг», — это грозное предзнаменование для государственного руководства». В том же духе высказывалась и буржуазная печать США. «Победа коммунистов на выборах вселяет тревогу», — комментировал итоги орган Уолл-стрита «Journal of Commerce».

IV

ВОПРОС ВОЛЕ БОЛЬШИНСТВА НАРОДА

Как быть дальше?

Для правительства Папена результаты выборов означали неминуемое поражение при первой же встрече с новым рейхстагом. Положение «кабинета баронов» сильно пошатнулось, хотя поддерживавшая его Национальная партия и находилась в числе выигравших от выборов. Но главное, конечно, было не в соотношении парламентских мест — оно служило лишь отражением более глубоких явлений, а в том массовом движении, которое вспыхнуло в ответ на мероприятия правительства и продолжало крепнуть. Это движение нанесло реакции ощутимый удар, заставило господствующие классы искать обходные пути для осуществления своих целей.

Вопрос «как быть дальше?» встал на первом же заседании кабинета после выборов — 9 ноября. Уже возникла мысль об отставке правительства. Отвергая ее, Гайль, как не раз прежде, рекомендовал идти напролом: вновь распустить рейхстаг и править, совершенно не считаясь с конституцией. Против этого возразил Шлейхер, по мнению которого следовало соблюдать осторожность. Он советовал вновь обратиться к Гитлеру с целью достичь какого-либо соглашения с нацистской партией¹. Предложение было принято, и в соответствии с ним Папен

---

¹ E. Beck. The Death of the Prussian Republik. Tallahassee, 1959, p. 154—155.

обратился к фашистскому «фюреру» с открытым письмом; но, каковы были цели Шлейхера, когда он советовал подобный путь, можно лишь догадываться. Не подлежит сомнению, что он понимал обреченность своего детища — правительства Папена — и не видел никаких оснований помогать своему ставленнику удержаться у власти, к которой стремился сам.

В своем письме, датированном 13 ноября, Папен, в ходе избирательной борьбы весьма нелюбезно отзывавшийся о Гитлере, вновь рассыпался в любезностях ему и предлагал встретиться для обсуждения возможности создания «национальной концентрации». Как и ожидал Шлейхер, Гитлер ответил отказом; ссылаясь на несчастливый для него опыт 13 августа, он вообще отвергал устные переговоры, соглашаясь вести их только в письменной форме, да и те обставляя оговорками. 17 ноября этот документ рассматривался на заседании кабинета, и большая часть его членов высказалась за отставку, которая в тот же день была вручена Гинденбургу. Правительственный кризис оказался весьма затяжным; это обуславливалось сложностью обстановки, остротой классовых противоречий и разногласий различных групп монополистического капитала. Германская буржуазия попала в трудное положение в результате ослабления своей прежней социальной опоры — социал-демократии. Созданная же ею заново массовая база в лице гитлеровской партии оказалась в состоянии депрессии; в то же время в стране нарастало движение против реакции и фашизма. Длительный торг в правящем лагере привел лишь к промежуточному решению.

С 18 ноября начались беседы Гинденбурга с лидерами буржуазных политических партий; первым был председатель Национальной партии Гугенберг, чья помощь решающим образом способствовала возвышению нацистской клики. Он высказался за создание нового «президиального» правительства, т. е. такого кабинета, который опирался бы исключительно на президента и игнорировал рейхстаг, как это делали Папен и в меньшей мере Брюнинг. На вопрос Гинденбурга, как он представляет себе персональный состав кабинета во главе с Гитлером, Гугенберг ответил, что у него серьезные сомнения против предоставления последнему поста рейхсканцлера. «Я не обнаружил у Гитлера, — жаловался

главный его партнер, — большой верности своим обязательствам; весь его подход к политическим вопросам крайне затрудняет передачу Гитлеру политического руководства»². Эта красноречивая оценка приобретает особый интерес потому, что она была дана лишь за два с небольшим месяца до вступления Гутенберга в кабинет Гитлера.

Точка зрения партии Центра, изложенная Гинденбургу ее председателем Каасом, в общем совпадает с тем, что политические лидеры германского католицизма предлагали уже после увольнения Брюнинга в отставку: немедленное привлечение гитлеровцев к участию в имперском правительстве и создание некоего «национального блока», в который Центр охотно вошел бы. С тех пор прошли месяцы напряженной социальной борьбы, в ходе которой политический и моральный облик гитлеровской партии раскрылся еще яснее и полнее. Вспомним переворот в Пруссии, осуществленный в немалой степени по наущению нацистов, оголтелый фашистский террор, обращенный, хотя и в меньшей мере, также против партии Центра, и т. д. Тем не менее Каас безоговорочно выступил в пользу назначения Гитлера рейхсканцлером и образования коалиции партий от Центра до нацистов. «Мы хотим идти не назад, а вперед», — заявил он. А в понимании католических «демократов» это означало нежелание «вновь впасть в парламентаризм»³. Такова же была позиция представителей этой партии на переговорах с гитлеровцами, возобновившихся после выборов; представители Центра соглашались с тем, чтобы Гитлер возглавил правительство. Так люди, никогда не перестававшие твердить о боге и морали, помогали установлению самой антигуманистической власти в истории человечества.

Подобной же готовностью к безоговорочному сотрудничеству с нацистами отличались высказывания главы Баварской народной партии Шефера (после второй мировой войны — ближайший сотрудник Аденауэра и долгие годы министр боннского правительства) и председателя Народной партии Дингельдея. 19 ноября Гинденбург принял Гитлера, как обычно настаивавшего на передаче

² «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, N 3, S. 546.

³ Ibid., S. 548.

ему политического руководства и на все лады расписывавшего «коммунистическую угрозу», которая якобы не позже февраля 1933 г. приведет к революции. Пытаясь устранить сомнения Гинденбурга, Гитлер заявил, что лишь правительство, возглавляемое им, сможет добиться принятия рейхстагом закона о чрезвычайных полномочиях, т. е. по существу раскрыл свой план захвата всей власти после номинального ее получения из рук президента. Беседа окончилась безрезультатно. «Я ничуть не сомневаюсь в честности Ваших намерений, — сказал президент фашистскому главарю, — но не могу решиться на создание кабинета, руководимого одной партией»⁴. Эти слова отразили противоречия в лагере буржуазии.

Переговоры Гитлера с Гинденбургом и переписка между Гитлером и статс-секретарем президента Мейснером в 20-х числах ноября принесли с собой новый и чрезвычайно опасный момент: впервые Гитлеру было официально предложено сформировать правительство. Таким образом, фашистская угроза, уже в течение двух с лишним лет представлявшая собой предмет серьезнейших опасений всех подлинных демократов, приблизилась вплотную. На этот раз она еще не стала реальностью, но произошло это не из-за отпора со стороны противников фашизма, а прежде всего потому, что правящие круги не сошлись с гитлеровцами в определении статуса будущего правительства. Гинденбург предпочитал, чтобы оно опиралось на большинство рейхстага, а Гитлер стремился стать во главе «президиального», независимого от рейхстага кабинета. Чрезвычайно важна мотивировка отказа президента, сформулированная в последнем письме Мейснера: «Он (Гинденбург. — Л. Г.) не может обосновать перед немецким народом предоставление своих президиальных полномочий вождю партии, которая снова и снова подчеркивала свою исключительность... Президент республики не может поэтому не опасаться, что руководимый Вами президиальный кабинет неизбежно превратится в диктатуру партии со всеми последствиями этого в смысле обострения противоречий в немецком народе»⁵. Эти слова вновь подтверждают, что правящие

---

⁴ Ibid., S. 551.

⁵ «Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart», Bd. 21, S. 170.

круги знали, каковы будут последствия передачи власти фашистам.

Между тем вплоть до сегодняшнего дня западногерманская историография оперирует тезисом о «неведении» господствующих классов Германии в отношении сущности нацизма. Вот что пишет, к примеру, один из наиболее плодовитых исследователей рассматриваемых нами проблем: «Действительно, в Германии было лишь очень небольшое число людей, имевших хотя бы приблизительное представление о том, что произойдет после взятия власти Гитлером». И прикидываясь простачком, автор риторически спрашивает: «И как можно было это предвидеть?»⁶ Поистине беспримерное лицемерие! Нет нужды возвращаться к соответствующим фактам, а они насчитывались тысячами и у каждого непредвзятого наблюдателя не оставляли никаких сомнений в намерениях нацистов (да последние и не делали из этого особой тайны). Даже в своих выступлениях, призванных пропагандировать версию легальности борьбы нацистов за власть, Гитлер неизменно добавлял: «Головы покатаются в песок». Дейтель Национальной партии Клейст-Шменцин выпустил в 1932 г. «на правах рукописи» брошюру под характерным заголовком «Национал-социализм — опасность», в которой, в частности, говорилось: «Разрушительное влияние национал-социализма сказывается катастрофически в любой области. Финалом правления национал-социалистов неизбежно будет хаос»⁷. А известный буржуазный историк Ф. Майнеке, примыкавший к Государственной партии, касаясь заверений нацистов в легальности, писал в начале 1932 г.: «Кто верит, что они, уже добившись власти, будут и после этого придерживаться легальности и конституционности?»⁸.

Переговоры были прерваны, но ни для кого не составляло секрета, что они возобновятся, может быть в самое ближайшее время. Необходима была величайшая бдительность ко всем проискам реакции. С момента

---

⁶ K. S o n t h e i m e r. Die grosse Lähmung. Die demokratischen Kräfte und die nationalsozialistische Bewegung 1932. — «Die neue Gesellschaft», 1962, N 6, 5, 470.

⁷ «Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1935», II. Bielefeld, 1961.

⁸ F. M e i n e c k e. Politische Reden und Schriften. Darmstadt, 1958, S. 462.

отставки Папена коммунистическая партия была тревогу. «Мы должны, — подчеркнул Э. Тельман, выступая 20 ноября на берлинской конференции КПГ, — бить в набат на предприятиях и страховых кассах против грядущей коалиции с участием Гитлера или открытой военной диктатуры... Мы обязаны добиться того, чтобы массы осознали всю серьезность положения»⁹. В связи с резким усилением фашистской угрозы ЦК КПГ опубликовал новый страстный призыв к созданию боевого единства всех трудящихся. В воззвании указывалось, что реакционная диктатура нужна господствующим классам в первую очередь для подготовки войны против других народов, о чем свидетельствуют, в частности, требования военщины ввести всеобщую воинскую повинность¹⁰.

Коммунистическая печать сообщала о крупных демонстрациях в таких промышленных центрах, как Гамбург, Дюссельдорф и др. Эти демонстрации состоялись, несмотря на запрет в соответствии с законом о «гражданском мире», введенном 2 ноября, а затем продленном вплоть до 2 января 1933 г. Сведения об антифашистских выступлениях были получены также из Брауншвейга, Хемница и других мест. «20 июля не должно более повториться!», — заявляла «Роте фане», и, как обычно в моменты особенной остроты политической борьбы, власти увидели в ее выходе опасность для своих черных замыслов. 25 ноября газета была запрещена на 20 дней.

Магнаты капитала требуют...

А в то же время за кулисами в глубокой тайне разыгрывался следующий акт заговора реакции. «Общее стремление промышленников, — рассказал после второй мировой войны банкир барон Шредер, одна из колоритнейших фигур международного капитала, эсэовец и глава германо-англо-американского банка, — заключалось тогда в том, чтобы увидеть у власти в Германии сильного фюрера... Когда 6 ноября 1932 г. нацистская партия потерпела первую неудачу и тем самым перешагнула свой зенит, поддержка со стороны тяжелой промышлен-

⁹ «Rote Fahne», 24.XI 1932.

¹⁰ «Rote Fahne», 19.XI 1932.

ности стала особенно неотложной»¹¹. Уже через несколько дней после выборов Папена посетил председатель наблюдательного совета одной из крупных металлургических компаний Рура Хеккер, входивший в «кружок друзей» нацистской партии; от него Папен узнал, что два других члена кружка — Шахт и Шредер — заняты подготовкой коллективного обращения индустриальных магнатов к Гинденбургу с требованием призвать нацистов к власти¹². О том же сообщал Шахт Гитлеру в письме, датированном 12 ноября¹³.

Автор биографии Шахта, опубликованной в фашистские времена, ничуть не преувеличивал заслуги своего «героя», утверждая, что его доля в окончательной победе гитлеровской партии весьма велика. Действительно, Шахт развил в эти дни поистине лихорадочную активность в пользу нацистов. Уже 19 ноября петиция крупных промышленников, адресованная Гинденбургу, поступила в его канцелярию. Чтобы придать документу большую значимость, он был оформлен как ряд отдельных писем, содержавших одинаковый текст. Проект этого обращения обнаружили вскоре после окончания второй мировой войны, и он фигурировал в качестве документа на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Но защитники обвиняемых, а вслед за ними профашистски настроенные журналисты и историки пытались доказать, будто проект остался лишь проектом и не был отправлен по адресу. Эти старания снять с магнатов бизнеса хоть какую-то долю исторической вины за установление гитлеровской диктатуры провалились, как и другие попытки того же рода. В 1955 г. в Центральном архиве ГДР в Потсдаме были найдены все экземпляры обращения промышленников с соответствующими подписями и переписка, касающаяся этого знаменательного эпизода.

«Мы видим в национальном движении, охватившем наш народ, — говорилось в письмах, — многообещающее начало эры, в ходе которой благодаря преодолению клас-

---

¹¹ G.-W.-F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt-am-Main, 1955, S. 116.

¹² Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte 1930—1932. Stuttgart, 1962, S. 313.

¹³ «Trial of the Major War Criminals», v. XXXV, p. 536.

совых противоречий будут созданы необходимые основы для возрождения немецкой экономики». И далее выдвигалось требование предоставить «крупнейшей группе этого национального движения (речь шла о гитлеровской партии. — Л. Г.) руководящее участие в правительстве»¹⁴. Петицию, в числе других, подписали Тиссен, Шредер, директор «Дейче банк» Рейнгардт, один из крупнейших монополистов Рура Ростерг, владельцы пароходных компаний Верман и Бейндорф, председатель союза юнкеров «Ландбунд» Калькрейт и др. К документу всецело присоединились также такие «акулы» тяжелой промышленности Рура, как Феглер, Рейш и Шпрингорум; об этом было сообщено Гинденбургу отдельным письмом¹⁵.

Таким образом, сильные мира сего, не ограничиваясь обычными методами воздействия на главу государства, решили, что настало время для экстраординарных мер. И Гинденбург, несмотря на свои 80 с лишним лет, понял, что хозяевам сильно надоела неустойчивость политической обстановки и их в общем устраивает Гитлер, а «шлак и примеси, присущие каждому массовому движению, будут, — как подчеркивали авторы письма, — удалены». Все говорит о том, что обращение от 19 ноября оказало огромное влияние на дальнейший ход событий. По словам О. Мейснера, одного из наиболее близких к Гинденбургу лиц, письма промышленников произвели на последнего сильное впечатление¹⁶. О том же сообщает и сопредседатель «Стального шлема» Дюстерберг, входящий к президенту¹⁷.

Как раз в те же дни состоялось заседание Союза промышленников Рура. Один из деятелей этой могущественной организации, К. Шмитт, почти неприкрыто требовал установления тотальной диктатуры, ликвидации партий, свободы печати и существовавшей правовой системы¹⁸.

¹⁴ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Büro des Reichspräsidenten. N 47, Bl. 258—305.

¹⁵ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, N 2, S. 367.

¹⁶ H.-O. Meissner, H. Wilde. Die Machtergreifung. Hamburg, 1958, S. 288.

¹⁷ Th. Düsterberg. Der Stahlhelm und Hitler. Wolfenbüttel und Hannover, 1949, S. 37.

¹⁸ H. Luther. Vor dem Abgrund 1930—1933. Reichsbankpräsident in Krisenzeiten. Berlin, 1964, S. 271.

Но Папен и не помышляя об уходе. Наоборот, он полагал, что именно теперь и пришел срок для осуществления его планов. Речь шла о «реформе» конституции, иными словами, об ее окончательном устранении. Дело уже не ограничивалось традиционными пунктами — повышением возрастного ценза при выборах, введением второй палаты и т. п. Из документов видно, что обсуждались конкретные планы запрещения забастовок на «жизненно важных предприятиях», под которые при желании можно было подвести любой мало-мальски крупный завод. В эти последние дни ноября Папен обратился к генералу Штюльпнагелю, незадолго до того поставленному во главе организации «спортивной», а на деле военной подготовки молодежи, с предложением занять пост военного министра (при живом Шлейхере!); но он, добавлял Папен, должен быть готов применить оружие против соотечественников¹⁹.

И в своих показаниях на Нюрнбергском процессе, и в мемуарах Папен неизменно стремился создать впечатление, будто речь шла о подавлении не только «опасности слева», но и угрозы со стороны нацистов. Это, конечно, ложь: разногласия с гитлеровцами, имевшиеся у правящих кругов, преодолевались не с помощью оружия, а в закулисных переговорах. А репрессии против коммунистической партии и поддерживавших ее организаций становились с каждым днем все более свирепыми. И именно с целью борьбы против возросшего и продолжавшего расти влияния КППГ были задуманы те чрезвычайные меры, которые Папен в конце ноября предложил Гинденбургу. Они не были, однако, приняты, ибо события последнего времени, особенно транспортная забастовка в Берлине, показали, что шансов подавить массовое движение лишь при помощи штыков, не имея никакой опоры в народе, очень мало.

Именно так поставил вопрос Шлейхер, стремившийся избежать прямого участия рейхсвера в карательных акциях и имевший в виду использовать наметившиеся разногласия с Папеном для устранения последнего и создания правительства под своим руководством. В конце ноября военное министерство вместе с министерством внутренних дел провело по указанию Шлейхера трех-

¹⁹ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 325.

дневную военную игру, которая должна была дать ответ на вопрос, можно ли справиться с революционным движением в случае объявления всеобщей забастовки. Ответ был отрицательным, в частности потому, что прекращение железнодорожных перевозок совершенно парализовало бы рейхсвер, в то время почти не моторизованный. Ввиду напряженных отношений между армией и гитлеровцами командование должно было считаться также с возможностью выступления нацистов²⁰. Об этом сообщил на заседании правительства 2 декабря один из ближайших сотрудников военного министра, что и предопределило уход Папена и замену его Шлейхером.

Правда, Папен после заседания отправился к Гинденбургу и еще раз пытался склонить его идти напролом. Папен утверждает, что он сказал президенту: «Я не верю, что весь рабочий класс решится участвовать во всеобщей забастовке... Уже 20 июля от отверг этот путь»²¹. Условием для осуществления предполагаемой им программы Папен ставил замену военного министра. Но Гинденбург не отважился на полный разрыв с конституцией; возможно, сказала демагогическая угроза нацистов добиться предания его суду за переворот 20 июля в Пруссии. Президент предпочитал проводить фашизацию — вплоть до передачи всей власти гитлеровцам — при соблюдении внешней легальности.

Что касается неверия Папена в реальность всеобщей забастовки, то, конечно, события 20 июля давали основания для такого предположения; но последующий подъем стачечного движения, особенно же забастовка на берлинском городском транспорте, побуждали подойти к такой возможности серьезнее. Даже фашисты, без конца кричавшие о своей готовности расправиться с революционным рабочим классом, боялись всеобщей забастовки как огня и ничуть не сбрасывали ее со счетов, подобно Папену. Вот что, например, писал Геббельс в своем дневнике как раз в ноябре 1932 г.: «Генеральная стачка — это ужасное оружие. Пулеметами и штыками ничего с ней не поделаешь». Отказ от применения этого грозного оружия для предотвращения фашистской диктатуры

²⁰ В.-Н. Liddel Hart. *The Other Side of the Hill*. London, 1948, p. 89; G. Castella n. *Von Schleicher, von Papen et l'événement de Hitler*. — «Cahiers d'histoire de la guerre», 1949, N 1. p. 23—25.

²¹ F. P a p e n. *Der Wahrheit eine Gasse*. München, 1952, S. 250.

навсегда останется тягчайшим преступлением социал-демократических лидеров перед немецким народом, а также перед многими другими народами мира.

Шлейхер во главе правительства

2 декабря рейхсканцлером Германии стал генерал Шлейхер, и это знаменовало собой апогей политического влияния военщины. Оба высших поста в государстве — президента и главы правительства — были заняты профессиональными военными. Шлейхер сохранил в своих руках и должность военного министра; его цель заключалась в непосредственном руководстве переходом к открытому перевооружению в соответствии с планами, усиленно разрабатывавшимися сотрудниками Шлейхера. «Со времени переворота в Пруссии, — пишет в своих воспоминаниях социал-демократ Хёгнер, — рейхсвер стал решающей силой в государстве»²². Можно поспорить с Хёгнером о том, когда рейхсвер сделался такой силой, но нет сомнений, что после назначения Шлейхера рейхсканцлером никто не мог потягаться с рейхсвером в этом отношении. Для внешнего мира делалось, однако, все, чтобы замаскировать подлинное положение вещей. Шлейхер стремился предстать перед народом в обличье человека, начисто отрицающего возможность, а главное — целесообразность «сидения на штыках» и проявляющего понимание социальных проблем²³. Именно так он и представился в своей правительственной декларации, прочитанной им по радио.

Еще до вступления на новую должность Шлейхер направил своего ближайшего сотрудника подполковника Отта к Гитлеру. Фашистскому главарю были предложены пост вице-канцлера и несколько министерств, но он вновь отказался принять подобные условия²⁴.

---

²² W. Hö g n e r. Der schwierige Aussenseiter. München, 1959, S. 73.

²³ Даже нацист Кребс (представитель «радикального» крыла партии) в мае 1932 г. писал о Шлейхере и его политических друзьях: «Все это круги, чья вражда к рабочим и профсоюзам весьма велика» (W. J o s h m a n n. Nationalsozialismus und Revolution. Frankfurt-am-Main, 1963, S. 388).

²⁴ E. Ott. Ein Bildnis des Generals Kurt von Schleicher. — «Politische Studien», 1959, N 110, S. 370.

Выступая 4 декабря на конференции КПГ в Гамбурге, Э. Тельман сказал: «Буржуазия при помощи иных методов, с иной вывеской и определенной перегруппировкой своих сил предполагает осуществить те же требования предпринимателей и программу финансового капитала». Тельман обратил особое внимание на объединение постов главы правительства и военного министра. Он заявил далее: «Мы уже теперь можем сказать, что обострение классовых противоречий, растущие разногласия в лагере буржуазии, а прежде всего усиливающееся наступление пролетариата обуславливают кратковременную продолжительность существования кабинета Шлейхера. Мы должны рассматривать это правительство, как переходный кабинет к коалиции с Гитлером или к правительству Гитлера»²⁵. То был прозорливый анализ, противоречивший многим тогдашним оценкам кабинета Шлейхера. Это правительство рассматривалось как весьма устойчивое²⁶, в частности, потому, что его глава считался ловким и при необходимости гибким политиком, носившимся с идеей создания «третьего фронта» из профсоюзов самых разных политических направлений. Идею «третьего фронта» в течение нескольких месяцев пропагандировали газета «Теглихе рундшау» — выразитель взглядов генерала, и журнал «Ди Тат»; редактором обоих изданий был правый журналист Г. Церер (ныне издатель реакционной газеты «Ди Вельт», выходящей в Гамбурге). Вот что он писал, например, в августе, призывая к «политическому единству народа»: «Это единство можно в нынешней ситуации и при существующих группировках усмотреть только в сближении между национал-социалистами и профсоюзами»²⁷.

Но хотя эти идеи Шлейхера были известны, тем не менее промышленные магнаты считали, что подлинное его призвание — подготовить переход власти к Гитлеру²⁸. Кронпринц, упорно добивавшийся этого, также полагал,

---

²⁵ «Die Antifaschistische Aktion», S. 320.

²⁶ «Перед этим кабинетом... долгий путь, — писал хорошо осведомленный журналист Г. Церер, — и он может оставаться у власти очень длительное время» («Tägliche Rundschau», 4.XII 1932).

²⁷ «Die Tat», 1932, N 5, S. 389.

²⁸ Архив внешней политики СССР, ф. 82, п. 60, оп. 17, д. 20, л. 12 об. (обзор печати).

что генерал является ценнейшим посредником с нацистской партией. Высоко ценили Шлейхера и фашистские лидеры. Так, еще в октябре Геринг в статье, опубликованной за рубежами Германии, писал: «В правительстве есть только один человек, доказавший, что он располагает качествами, которые необходимы для высокого поста. Этот человек — генерал Шлейхер». Сам генерал стремился укрепить впечатление, что он по-прежнему прилагает все усилия, чтобы вручить власть Гитлеру. В узком кругу (но не без расчета на распространение) Шлейхер говорил, что его правительство — лишь переходное: «Я останусь до тех пор, пока один из них (Гинденбург или Гитлер. — Л. Г.) не уступит»²⁹.

Расчеты, исходившие из тактики Шлейхера в прошедшие месяцы и из его связей с фашистскими главарями, оказались, однако, во многом ошибочными. Шлейхер, весьма близкий к крупному промышленнику О. Вольфу и его группировке³⁰, в конце 1932 г. выступал от имени тех, кто предпочитал держать гитлеровцев на вторых ролях, хотя отнюдь не отказывался теснейшим образом сотрудничать с ними. С этой точки зрения урон, понесенный нацистами, был лишь на руку Шлейхеру. Конечно, ни генерал, ни те, кто стоял за его спиной, и в мыслях не имели ослабить фашистскую клику сколько-нибудь существенно — это принесло бы, по словам «Дейче альгемайне цейтунг» от 31 декабря, «тяжелый государственно-политический ущерб».

Орудием для того, чтобы склонить Гитлера к компромиссу, была попытка раскола нацистской партии, подготовлявшаяся Шлейхером еще при правительстве Папена. Лицом, которое генерал избрал для этой цели, был Г. Штрассер, руководивший организационным отделом партии и принадлежавший к числу недовольных политикой Гитлера. Опасаясь взрыва негодования членов партии при дальнейшей оттяжке ее прихода к власти, Штрассер высказывался за вступление в правительство на предложенных условиях. Геббельс еще в середине ноября записал в дневнике, что Штрассер завязал сепаратные связи с правительством. После же того как Шлейхер воз-

²⁹ W. G ö r l i t z. Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953, S. 395.

³⁰ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Akten des Alldeutschen Verbands, Bd. 166, Bl. 41.

главил правительство, эти связи стали очевидными. О. Брауну, посетившему рейхсканцлера в начале декабря, Шлейхер сказал, что сделано все для избрания Штрассера премьер-министром Пруссии, а затем он будет назначен имперским вице-канцлером. «Штрассера, — заявил генерал, — разделяют с Гитлером острейшие противоречия. Если он отделится от партии вместе с наиболее ценными в национальном отношении элементами, которые, конечно, имеются в ней, то произойдет раскол»³¹. По некоторым сведениям, Штрассера поддерживало более 1/3 нацистской фракции рейхстага³². Есть данные о том, что Шлейхер представил Штрассера президенту, который, если верить Мейснеру, согласился назначить фрондирующего гитлеровца на пост вице-канцлера³³.

Штрассер был закоренелым, отъявленным фашистом, единомышленником Гитлера во всем, кроме вопроса об участии в правительстве. Он прославился своими погромными выступлениями в рейхстаге и вне его, а роль Штрассера и в разработке человеконенавистнических замыслов фашистской партии, и в террористических действиях ее штурмовых отрядов была весьма велика³⁴. Он явился бы «достойным» членом правительства Шлейхера, которое по своему составу почти ничем не отличалось от своего предшественника — «кабинета баронов». Единственным более или менее существенным различием была замена Гайля на посту министра внутренних дел Брахтом, но крайне трудно сказать, кто из них был реакционнее. Брахт не только на практике осуществил реакционный переворот в Пруссии, но и был одним из наиболее активных (в составе правительства Папена) сторонников быстрого и полного предоставления власти Гитлеру.

---

³¹ O. Braun. Von Weimar zu Hitler. Zürich, 1940, S. 432.

³² K. Fraenkel, R. Mannvel. Göbbels. Eine Biographie. Köln—Berlin, 1960, S. 154.

³³ E. Wickert. Dramatische Tage in Hitlers Reich. Stuttgart, 1952, S. 25.

³⁴ Любопытны взгляды Штрассера на социализм: «Социализм в старом, подлинном, не в интернациональном, фальсифицированном смысле — это дух товарищества плюс принцип производительности. Социализм — это старый офицерский корпус, социализм — это Кельнский собор, социализм — это стена старинного имперского города» (См. K. Reibnitz. Im Dreieck Schleicher, Hitler, Hindenburg. Dresden, 1933, S. 29).

В архиве Шлейхера найдено письмо, присланное ему кронпринцем (но написанное другим лицом). Оно содержит рекомендации о политике правительства в случае вступления в него Штрассера. «Тогда можно было бы прибегнуть к чему-то вроде чрезвычайного положения, временно распустить все политические партии и ассоциации, издать постоянный запрет коммунистической партии и провести против нее военные мероприятия; другим же организациям следовало бы, однако, разрешить возобновить свою деятельность»³⁵. Шлейхер пробыл у власти слишком мало, чтобы попытаться осуществить такой план, но сам факт присылки ему подобной программы кронпринцем, которого Шлейхер ставил превыше всех, весьма характерен.

В тот момент, когда Шлейхер стал рейхсканцлером, политика правящих кругов зашла в тупик, и генерал вынужден был временно отступить. Отсюда и усиленные попытки «умиротворить» рабочий класс, выдать себя за «социального генерала», и некоторые уступки трудящимся, ставшие неизбежными в результате подъема массовой борьбы. К их числу относится отмена статей чрезвычайного декрета от 4 сентября, послуживших толчком к массовой забастовочной волне, ассигнования на общественные работы, которые должны были несколько смягчить безработицу, мероприятия по «зимней помощи» особо нуждающимся и т. п. Этими же соображениями диктовались переговоры с профсоюзами — реформистскими и христианскими.

Шлейхер упорно твердил о «надпартийности» своего кабинета, но можно ли было принимать это всерьез, зная, что состав последнего остался в основном прежним и что сам Шлейхер в течение последних лет фактически являлся главным проводником фашизации страны? Именно по его инициативе была осуществлена легализация фашистских штурмовых отрядов, которые беспрепятственно продолжали свою разбойничью деятельность и после того, как Шлейхер стал во главе правительства. Он играл определяющую роль в событиях 20 июля, и не удивительно, что смещение прусского правительства осталось в силе, хотя генерал, заигрывая с социал-демократическими лидерами, от которых зависела позиция профсою-

³⁵ E. В e c k. The Death of the Prussian Republik, p. 254.

зов, для отвода глаз вел переговоры с О. Брауном. Посетившему же его осенью 1932 г. бывшему статс-секретарю рейхсканцелярии Пюндеру Шлейхер заявил, что именно смещение прусского правительства — самый большой успех. «Этого не отменит никакой Верховный суд!»³⁶.

О том, что представляла собой «надпартийность» Шлейхера, яснее всего свидетельствовало следующее место из его программного заявления по радио: «Я не хотел бы, однако, оставить сомнения у враждебного государству коммунистического движения, что имперское правительство остановится перед драконовскими чрезвычайными мерами против коммунистической партии»³⁷. И правительство на практике демонстрировало, что это не простые угрозы. Хотя Шлейхер и отменил некоторые декреты Папена, носившие чрезвычайный характер (например, о трибуналах), репрессии против компартии продолжались с прежней ожесточенностью.

Лидеры СДПГ формально остались в оппозиции к правительству и даже внесли в рейхстаг вотум недоверия. Но после первых же заявлений генерала, а еще более после сделанных им уступок отношение руководства СДПГ к новому правительству заметно изменилось. На заседаниях рейхстага, происходивших с 6 по 9 декабря, социал-демократические депутаты не только не настаивали на голосовании вотумов недоверия кабинету, но присоединились к тем, кто высказался за предоставление ему передышки. Главное же, оставаясь в тени, главари социал-демократии через посредство своих коллег из руководства реформистских профсоюзов фактически протянули руку «социальному генералу», который еще недавно фигурировал во всей социал-демократической и профсоюзной прессе не иначе, как зачинатель всех реакционных законов и первый покровитель нацистов.

Уже через один-два дня после назначения Шлейхера во французской газете «Эксельсиор» появилось интервью Лейпарта, где говорилось, что «новый кабинет не будет стеснен в своей политической деятельности сопротивлением со стороны рабочего класса». Он объяснял такую позицию тем, что «генерал Шлейхер оказался не

---

³⁶ Н. P ü n d e r. Politik in der Reichskanzlei. Stuttgart, 1961, S. 149.

³⁷ «Deutsche Bergwerkszeitung», 16.XII 1932.

тем человеком, каким его себе представляли»³⁸. И хотя позднее Лейпарт «опроверг» какие-то частные неточности в опубликованном тексте интервью, его дальнейшие действия и заявления целиком подтвердили правильность сообщения французской газеты. В своем новогоднем обращении к членам профсоюзов он писал, что правительство Шлейхера стремится выполнить часть их требований³⁹. Весьма благожелательной к правительству была статья Лейпарта, опубликованная в органе «Железного фронта» «Аларм» («Тревога»). Автор утверждал, что правительство стремится «извлечь уроки из тяжелых политических и психологических ошибок последних месяцев»: если верить Лейпарту, правительство Шлейхера, этот слегка урезанный «кабинет баронов», «как будто чувствует, что борьба германского рабочего класса против каждодневной нужды заслуживает глубочайшего восхищения».

Последовали встречи Лейпарта со Шлейхером, показавшие, что реформистская верхушка профсоюзов выступает в авангарде окончательно перерождающихся элементов руководства социал-демократии, которые пытаются возродить политику «меньшего зла». Полностью совпала с этой предательской по отношению к жизненным интересам рабочего класса позицией и точка зрения руководства христианских профсоюзов, отражавшая политический курс партии Центра. Один из лидеров этих профсоюзов, Я. Кайзер (после второй мировой войны — долголетний член правительства ФРГ), заявил в середине декабря: «Совещания с рейхсканцлером оставили впечатление, что мы имеем дело с человеком, понимающим интересы рабочих»⁴⁰. Так обоюдными усилиями правящих кругов и профсоюзной верхушки делались попытки добиться установления «классового мира».

Бюллетень «Дейче фюрербрифе» писал в эти дни, что «Лейпарт и его окружение, в частности Тарнов, готовы порвать с социал-демократией, как только правительство сочтет это целесообразным». Подобную готовность бюллетень объяснял интересами самосохранения. Вряд ли только профсоюзной верхушке надо было рвать с социал-

³⁸ Цит. по: «Rote Fahne», 23.XII 1932.

³⁹ «Vorwärts», 30.XII 1932.

⁴⁰ «Frankfurter Zeitung», 15.XII 1932.

демократией, ибо руководство последней втайне поддерживало тактику Лейпарта и его коллег, возражая лишь против афиширования близости к Шлейхеру. Что касается правительства, то оно не форсировало создания «профсоюзного фронта» от нацистов до социал-демократов ввиду неясности итогов действий Штрассера.

Фашисты в панике

А положение нацистов одно время было весьма тяжелым, ибо к неуклонному падению влияния партии присоединились серьезные финансовые трудности. Они были следствием этого падения и в то же время средством, при помощи которого кредиторы гитлеровской клики стремились заставить ее пойти на коалицию с другими правыми партиями. «Денежные заботы делают какую-либо целеустремленную работу невозможной», — записал Геббельс 8 декабря в своем дневнике. Подтверждением тому могут послужить секретные донесения, поступавшие к Брахту из центра рурского промышленного района и относящиеся ко второй половине ноября. «Национал-социалистская партия, судя по всему, — говорилось в одном из них, — испытывает в Западной Германии чрезвычайно большие материальные трудности. Представители партии пытаются повсюду получить деньги, но значительная часть промышленников воздерживается от финансирования». А несколькими днями позже из того же источника сообщалось: «Финансовое положение западногерманских национал-социалистов все более обостряется. Штурмовики практически не получали денег со дня выборов. В настоящее время ведутся переговоры отдельных гаулейтеров с промышленниками. Представители национал-социалистов готовы сделать любые обещания в обмен на поддержку»⁴¹. Сведения о том, что финансирование нацистов магнатами капитала резко уменьшилось, проникли в печать, в выступления представителей других партий⁴².

Резко возросла задолженность гитлеровской партии. Данные о ее размерах расходятся, но, по самым мини-

⁴¹ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Bracht—Nachlass, Bd. II, Bl. 171, 191.

⁴² Об этом говорил, например, В. Диттман, выступая в городке Хоф (Франкония). — ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 210.

мальным подсчетам, она составляла 10—12 млн. марок⁴³. Г. Хальгартен оценивает долги гитлеровской партии даже в 70—90 млн.⁴⁴ Нацистским газетам угрожало прекращение выхода, и даже владелец типографии, где печатался «Фелькишер беобахтер», заявил, что он прекратит печатание, если ему не будет уплачен долг⁴⁵. В начале января представитель нацистов официально объявил о невозможности внести причитающиеся с партии налоги⁴⁶. На улицах появилось множество штурмовиков с кружками для пожертвований в пользу фашизма. С тех пор, как все рассчитывали на крупное поражение национал-социалистов на выборах, штурмовикам, собирающим пожертвования, все чаще приходилось видеть холодные, насмешливые, враждебные лица. Из 20 прохожих едва ли один бросал в кружку. Но это далеко не исчерпывало собой тогдашних неудач нацистов. На каждых местных выборах, происходивших в ноябре-декабре, гитлеровцы катастрофически теряли сторонников. Лишь за одну неделю — с 6 по 13 ноября — гитлеровцы собрали в Лейпциге на 27 тыс. голосов меньше, в Дрездене — на 29 тыс. и т. п.⁴⁷ На коммунальных выборах в Тюрингии в первых числах декабря потери нацистов составили почти 40%.

Газеты были полны сообщений о неповиновении, протесте и уходе коричневорубашечников из штурмовых отрядов. Наиболее заметным фактом такого рода был развал организации штурмовиков в Нюрнберге и во всей Франконии (Северная Бавария). Часть членов тамошних штурмовых отрядов — а дело происходило на родине германского фашизма, в его логове — провозгласила себя самостоятельной и объявила борьбу партийной бюрократии⁴⁸. Были распущены отряды в Зенфтенберге и некоторых других местах.

Панические настроения, овладевшие фашистскими главарями, хорошо отражены в дневнике Геббельса. 6 декабря он записал: «Положение партии катастрофично». Двумя днями позже: «В организации царит тяжелая

⁴³ E. Wickert. Dramatische Tage in Hitlers Reich, S. 16.

⁴⁴ G.-W. Hallgarten. Why Dictators. New York, 1954, p. 219.

⁴⁵ H.-R. Berndorff. General zwischen Ost und West. Aus den Geheimnissen der Deutschen Republik. Hamburg, o. J., S. 212.

⁴⁶ J. G ö b b e l s. Tagebücher 1942—43. Zürich, 1948, S. 5.

⁴⁷ «Правда», 15.XI 1932.

⁴⁸ Архив внешней политики СССР, ф. 82, п. 60, оп. 1, д. 20, л. 9 (обзор печати).

депрессия». Затем мы читаем: «Мы все очень подавлены, прежде всего из-за опасности развала партии и из-за того, что вся наша работа была напрасной». В наибольшей растерянности оказался сам «фюрер». По словам Геббельса, Гитлер часами ходил по номеру гостиницы, не зная, что предпринять. «Один раз он остановился и сказал: „Если партия распадется, то я в течение трех минут кончу дело при помощи пистолета“»⁴⁹. Такие записи заполняют дневник в конце ноября и большую часть декабря. Затем они внезапно сменяются более оптимистическими.

Но в глазах широкой общественности все новые факты, свидетельствовавшие о кризисе гитлеровской партии, укрепляли убеждение, возникшее после ее поражения на выборах в рейхстаг и особенно после неудачи ноябрьских переговоров между Гитлером и Гинденбургом, что крах нацистской партии неизбежен и она больше не будет крупным политическим фактором. Подобная точка зрения высказывалась в самых различных кругах — от членов правительства до лидеров СДПГ. Так, влиятельная газета «Франкфуртер цейтунг» в предновогоднем номере провозглашала: «Колоссальная атака национал-социалистов на государство отбита». Примерно то же заявил социал-демократический «Форвертс», комментируя обмен письмами между Гитлером и статс-секретарем Гинденбурга Мейснером: «С мечтами Гитлера покончено!»⁵⁰. Даже 15 января, когда за кулисами уже вовсю шел сговор о создании правительства во главе с Гитлером, Шлейхер заявил посетившему его австрийскому политическому деятелю: «Гитлер не является более политической проблемой, нацисты не представляют более политической опасности; это уже прошлое»⁵¹. А статс-секретарь министерства иностранных дел Бюлов в письме германскому послу в США, написанном еще позже, 19 января, сообщал об организационном и финансовом кризисе нацист-

---

⁴⁹ J. G ö b b e l s. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Berlin, 1934, S. 217—220.

⁵⁰ «Vorwärts», 25.XI 1932. Лидеры СДПГ и до этого выступали с такого рода высказываниями. Даже Хёгнер, отличавшийся большим реализмом, чем его коллеги, в своей речи на съезде баварской организации СДПГ 25 сентября заявил: «С мечтами Гитлера о диктатуре одной партии по фашистскому образцу покончено» (ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 95).

⁵¹ K. S c h u s c h n i g g. Dreimal Österreich. Wien, 1938, S. 206.

ской партии и высказывал опасения насчет возможного ее краха и перехода ее приверженцев к коммунистам⁵².

Последний пункт больше всего волновал правящие круги, и без того весьма обеспокоенные успехами коммунистической партии. Что же касается публичных заявлений о неминуемом крахе фашистской партии, то многие из них, вероятно, имели целью, как это ни странно, оказать помощь гитлеровцам. Во-первых, они должны были усыпить бдительность республиканцев и демократов, убедить их в том, что гитлеровская опасность полностью миновала. И надо признать, что покровители нацистов сумели в немалой степени достичь этой цели. Во-вторых, разного рода сообщения о кризисе в фашистском лагере призваны были «разжалобить» тех, кто временно приостановил финансирование нацистов; отсюда многочисленные призывы правобуржуазной прессы «не дать погибнуть» гитлеровской организации.

Касаясь последствий предполагаемого краха нацистской партии, «Дейче альгемайне цейтунг» 6 декабря писала: «Это было бы национальным бедствием. Она еще не выполнила своей задачи. Государство нуждается в ней, как в защите от большевизма». Буквально то же самое заявил Папен английскому послу в Берлине. «Было бы катастрофой, — сказал он, — если бы гитлеровское движение развалилось или было разбито, ибо нацисты — это последний оплот против коммунизма в Германии»⁵³. Как видим, одни и те же «идеи» использовались и для внутреннего употребления, и с целью привлечения правящих кругов Англии и США на свою сторону. То была игра на так называемой угрозе коммунизма, которой в Германии начала 30-х годов на деле не было.

Шло наступление самой крайней, самой разнузданной реакции, причем она сумела повести за собой миллионные массы мелкой буржуазии и даже некоторую часть рабочего класса. В отчаянной, кровопролитной схватке с фашизмом пролетариату, вдохновляемому коммунистической партией, удалось добиться определенного сдвига в развитии событий. Тем не менее гитлеризм оставался

---

⁵² K.-D. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln—Opladen, 1960, S. 235.

⁵³ «Documents on British Foreign Policy». II Series, vol. IV, London, 1949, S. 390.

смертельной опасностью, и намеренным обманом были в этой обстановке утверждения об «угрозе коммунизма». Существовала лишь одна реальная опасность — фашизм, и она была тем более велика, что покровители нацизма — монополии — не собирались допустить гибели огромных средств, вложенных ими в «предприятие», которое еще не принесло им главных доходов. «То, что будет разрушено вместе с национал-социализмом, не сумеет восполнить ни один Папен. При самом большом желании и при самом большом умении, если оно вообще есть у него», — писал идеолог монополий Г. Гримм, автор книги с характерным заголовком «Народ без пространства», ставшим впоследствии лозунгом гитлеровцев⁵⁴.

Нацистская партия давала буржуазии то, в чем та нуждалась больше всего — массовую базу, без которой нельзя держаться у власти, а главное — помышлять о реванше. Германские монополисты мечтали о времени, когда прекратятся ненавистные забастовки, с улиц исчезнут красные флаги и можно будет без помех приступить к непосредственной подготовке новой мировой войны. К поддержке Гитлера крупный капитал побуждали и причины сугубо материального характера. Хотя в ходе экономического кризиса германские правительства сделали все от них зависевшее, чтобы переложить его тяготы на народ, глубина кризиса была такова, что в 1932 г. прибыли монополий упали до минимума. Даже такой гигант, как «Стальной трест», задолжал не менее 400 млн. марок⁵⁵, и его заправилы видели выход лишь в получении крупных правительственных заказов, которые наверняка обеспечили бы нацисты, придя к власти и развернув активную военную подготовку. Этим объясняется, например, тот факт, что руководители другой крупнейшей монополии — химического треста «ИГ Фарбениндустри» в ноябре 1932 г. отрядили делегацию в Мюнхен, чтобы обсудить с Гитлером, стоит ли продолжать дорогостоящие эксперименты с производством синтетического горючего; они получили утвердительный ответ и заверения, что после своего прихода к власти гитлеровцы всецело под-

---

⁵⁴ H. Grimm. Suchen und Hoffen aus meinem Leben, 1928 bis 1934. Lippoldsberg, 1960, S. 175.

⁵⁵ См. K. Gossweiler. Die Rolle des Monopolkapitals bei der Herbeiführung der Röhm-Affäre. Berlin, 1963 (диссертация, любезно предоставленная автором для ознакомления).

держат это производство, столь важное для армии⁵⁶. Не удивительно, что после этой поездки позиция «ИГ Фарбениндустрия» стала значительно более благожелательной к Гитлеру. Такую же эволюцию, как показывают архивные документы, проделал Юнкерс, экономическое положение которого сильно ухудшилось в годы кризиса и который надеялся получить от нацистского правительства государственную субсидию⁵⁷.

Таким образом, «фюрер» рано предавался отчаянию: в создавшихся условиях его могущественные покровители не собирались допустить ухода нацистов с политической арены. Об этом свидетельствовало выступление бюллетеня крупных промышленников «Дейче фюрербрифе» в пользу передачи власти гитлеровской партии. «Гинденбург должен довериться Гитлеру!», — провозгласил бюллетень во второй половине ноября, и это произвело большое впечатление на многих сильных мира сего. Ту же позицию, как было 26 ноября сообщено Брахту, заняли монополисты, собравшиеся в Дюссельдорфе на сессию «Объединения по охране общих интересов»⁵⁸. Последовала новая серия встреч Гитлера с теми, от кого зависел дальнейший ход событий, — сначала с Тиссенем, а затем (в конце ноября или начале декабря) с Гугенбергом; согласно показаниям последнего, Гитлер затронул тогда вопрос о формировании коалиционного правительства⁵⁹. Желая замаскировать свою роль в приходе гитлеровцев к власти, Гугенберг, к сожалению, не сообщил деталей их разговора. Зато мы знаем подробности и предысторию другого свидания, имевшего решающее значение в установлении фашистской диктатуры, — встречи Гитлера с Папеном.

Именно в «примирении» нацистов с Национальной партией, в возрождении Гарцбургского фронта — блока всех реакционных сил, впервые созданного осенью 1931 г., — заключалась в тот момент основная задача тех, кто добивался прихода фашизма к власти. Единовластие гитлеровцев не устраивало те круги финансового капитала, которые выступали за несколько более осторож-

---

⁵⁶ «Trials of War Criminals before the Nuremberg military tribunals», v. VI, p. 538—539.

⁵⁷ «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», 1960, T. I, S. 119.

⁵⁸ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Bracht-Nachlass, Bd. II. Bl. 164.

⁵⁹ «Trial of the Major War Criminals», v. XI, p. 575.

ный курс и во внутренних делах, и во внешней политике. Считалось, что в случае создания коалиционного правительства националисты будут действовать на гитлеровцев умеряюще, обеспечивая в то же время соблюдение интересов «своей» капиталистической группировки. Для образования же такой коалиции Папен мог сыграть, пожалуй, даже большую роль, чем председатель Национальной партии Гугенберг; это объяснялось его близостью к президенту, на которого Папен оказывал большое влияние. Вот почему Папену было поручено вступить в тайный (от Шлейхера) контакт с Гитлером. Гитлер не сомневался, что поручение исходило от Гинденбурга.

Заговор реакции

Посредником Папен избрал кельнского банкира барона Шредера, человека, уже в течение определенного времени связанного с нацистской партией и входившего в пресловутый «кружок друзей». В то же время Шредер — и в этом заключалась особенная его привлекательность и для нацистов, и для Папена — был своим человеком среди капиталистов Англии и США. Банк Шредера являлся одним из ярчайших примеров переплетения и взаимопроникновения капитала разных государств, космополитизма денежного мешка. Отпочковавшиеся от кельнской фирмы отделения ее в Англии и США превратились в крупные самостоятельные банки, сохранявшие, однако, тесные связи с германскими Шредерами. Они принадлежали к тому весьма влиятельному кругу американских и английских промышленников и банкиров, которые последовательно поддерживали восстановление военно-промышленного потенциала Германии и содействовали усилению реакционных, милитаристских элементов в этой стране. Барон Шредер оказался в центре событий, приведших к взятию власти германскими фашистами, а это означало, что в операции по передаче власти Гитлеру участвует англо-американский капитал.

Папен обратился к Шредеру примерно 10 декабря, а тот в свою очередь связался с советником Гитлера по экономическим вопросам Кеplerом. Сохранилось письмо Кеplerа Гитлеру, в котором после сообщения о намерении Папена говорилось: «Господин Папен считает скорое изменение политической ситуации возможным и не-

обходимым и полностью выступает за Вашу кандидатуру в рейхсканцлеры»⁶⁰. Гитлер, для которого это было спасением, охотно согласился встретиться с Папеном 4 января. Ставя об этом в известность Шредера, Кеплер писал ему о важности убедить президента, что после создания нового правительства необходимо провести выборы⁶¹. В дневнике Геббельса появилась запись о предстоящей встрече с лаконичным комментарием: «Здесь возникает новый шанс»⁶².

К этому времени дела гитлеровцев несколько поправились. Гитлеру удалось предотвратить раскол партии и локализовать опасность, созданную Штрассером. Оставшись в меньшинстве, «мятежник» вынужден был подать в отставку со всех занимаемых им постов. Отпала также серьезная угроза, нависшая над фашистами в виде возможного роспуска рейхстага и новых выборов, которые могли принести им только новые крупные потери. Рейхстаг заседал лишь три дня, в течение которых был избран президиум и приняты решения о политической амнистии, отмене папеневского чрезвычайного законодательства в социальной области (Шлейхер лишь узаконил это решение рейхстага) и т. д. То, что произошло в парламенте 12 сентября, больше не повторилось, ибо буржуазные партии не видели для себя никаких выгод в выборах. Дальнейшие заседания все откладывались до завершения закулисного торга, причем наибольшие усилия для того, чтобы добиться таких отсрочек, прилагали именно нацисты. В то же время вновь начал бушевать поутихший было фашистский террор. Первый же день нового 1933 года был ознаменован четырьмя жертвами. «Коричневая чума начала новый безумный бег», — говорилось в листовке КПГ, озаглавленной «Прекратить убийство рабочих!»⁶³. А дальнейшие события вернули фашистским убийцам пошатнувшуюся было уверенность и дали им возможность действовать еще более нагло и вызывающе.

В то время как за спиной Шлейхера уже завязался заговор, генерал, признанный мастер закулисной интриги, пребывал в весьма самодовольном состоянии. Позиция

⁶⁰ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 484.

⁶¹ Ibid., S. 353.

⁶² J. G ö b b e l s. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei, S. 231.

⁶³ Фонды Государственного музея революции СССР, 9023/3, Л 445—15Г.

рейхстага, не голосовавшего (как это было по отношению к Папену) вотум о недоверии правительству, могла лишь укрепить Шлейхера в этом самоослеплении. Таково же было, очевидно, воздействие на канцлера и новогоднего приветствия, полученного им от Гинденбурга. Президент благодарил его за «самое спокойное время» за весь период своего пребывания на посту президента и выражал «большое удовлетворение ведением государственных дел»⁶⁴. В этих похвалах была известная доля лицемерия, ибо Шлейхер не выполнил главного, по мнению Гинденбурга, — не добился объединения крайне правых. Но в одном отношении старый милитарист, безусловно, мог быть искренне доволен Шлейхером.

Именно в период его канцлерства, хотя оно длилось менее двух месяцев, германские империалисты добились важнейшего успеха в деле перевооружения; он был подготовлен в течение ряда предшествующих лет, особенно же за время пребывания Шлейхера на посту военного министра. Настойчиво домогаясь «равноправия», которое нужно было им отнюдь не с моральной точки зрения, как пишут реакционные историки, правящие круги Германии стремились принять активное участие в гонке вооружений. При этом их прямыми союзниками являлись консервативные политические силы западных стран, выступавшие за ремилитаризацию Германии. Английская газета «Таймс» уже 17 декабря 1932 г. поддержала требование Шлейхера о восстановлении в Германии всеобщей воинской повинности, считая последнюю «чрезвычайно демократическим институтом». Газета откровенно указывала, что требования Германии будут поддержаны тем активнее, «чем более иностранные государства обретут уверенность, что за удовлетворением разумных претензий не последуют другие, не столь разумные». О том, что такое «разумные претензии», нетрудно было догадаться: они касались востока, это и не очень скрывалось. Сторонником подобной политики по отношению к Германии был в то время и Черчилль. В конце ноября он произнес речь в палате общин, в которой решительно высказался за передачу Германии земель, возвра-

---

⁶⁴ О.-Е. Schüddkopf. Das Heer und die Republik. Hannover, 1955, S. 353; K. Hammerstein. Schleicher, Hammerstein und die Machtübernahme 1933. — «Frankfurter Hefte», 1956, N 2, S. 124.

ических после первой мировой войны Польше, и требовал, чтобы Англия выступила инициатором этого.

Вот почему германский империализм сумел добиться в конце 1932 г. выполнения своего давнего требования. 11 декабря в Женеве было подписано соглашение пяти государств — Англии, США, Франции, Италии и Германии — о предоставлении последней так называемого равенства в вооружениях. Это означало, что западные державы, включая и Францию, которой германская агрессия угрожала непосредственно, санкционировали воссоздание в Германии мощных вооруженных сил, имея в виду направить их против Советского Союза. Соглашение пяти держав открыло собой новый этап ремилитаризации страны, что не помешало бывшему военному министру «демократу» Гренеру объявить его... «подлинным рождественским подарком народам!» Соглашение, писал Гренер в рождественском номере газеты «Фоссише дейтунг», «указывает путь к миру». Каков был этот путь, мы знаем слишком хорошо: он вел к самой кровопролитной и опустошительной из всех войн в истории человечества. У Шлейхера пелся в этот момент разработанный в деталях план реорганизации армии, шедший уже гораздо дальше, чем программы перевооружения, фигурировавшие несколько месяцев назад. Он предусматривал создание в течение нескольких лет 21 дивизии, сокращение (до введения воинской повинности) срока военной службы с 12 до 3 лет и формирование подразделений запрещенных Германии видов оружия: танков, тяжелой и противотанковой артиллерии⁶⁵.

Сразу же после женевского соглашения Шлейхер предпринял дальнейшие шаги и еще в декабре получил предварительное согласие Англии и Франции на увеличение армии до 300 тыс. человек и оснащение ее современным оружием⁶⁶. Широкая военная подготовка проводилась с осени 1932 г. в лагерях «физического воспитания» молодежи; ту же цель преследовали и так называемые общественные работы. Замысел и программа этих работ, которые изображались средством уменьшения безработицы, принадлежали военному министерству. Боль-

⁶⁵ G. Gastellan. Le réarmement clandestin du Reich (1930—1935). Paris, 1954, p. 82—84.

⁶⁶ H.-R. Berndorff. General zwischen Ost und West, S. 24.

шие масштабы приобрели к тому времени тайные военные приготовления Германии, для финансирования которых правительство создало специальный комитет⁶⁷. По данным французской разведки, из 65 заводов, работавших в 1932 г. на армию, лишь 7 имели право на это в соответствии с положениями мирного договора. На 23 предприятиях производились взрывчатые и отравляющие вещества⁶⁸.

Но чтобы придать еще большую решимость и целеустремленность военным приготовлениям, монополи стремились поставить у власти гитлеровскую клику, добившуюся больших результатов в одурманивании широких масс ядом шовинизма, что было для буржуазии отнюдь не менее важно, чем тот или иной вид вооружения. С этой целью Папен и отправился в Кельн на свидание с Гитлером, которое держалось в строжайшем секрете. Местом встречи была вилла барона Шредера, и мемуары гитлеровского приспешника Дитриха дают представление о том, с какими предосторожностями, выбирая окольные пути и тщательно маскируясь, Гитлер и сопровождавшие его лица — Гесс, Гиммлер, Кепплер и др. — пробирались в назначенное место. Их ожидала, однако, неприятная неожиданность: и они, и Папен при входе в дом Шредера были засняты неизвестно каким образом очутившимися здесь репортерами. Снимки в тот же день были представлены ничего не подозревавшему Шлейхеру, а на следующее утро появились в печати вместе с соответствующей информацией. «Винновником» того, что тайна встречи Папена с Гитлером была раскрыта, являлся уже упоминавшийся Г. Церер: он сумел подкупить одного из телохранителей Гитлера (это обошлось в 3 тыс. марок)⁶⁹.

Даже спустя почти 10 лет Гитлер вспоминал о своем тогдашнем впечатлении, что дела устраиваются вовсе не плохо⁷⁰. В этом можно убедиться, ознакомившись со статьями Шредера в фашистской печати и его показаниями на судебных процессах, состоявшихся в послевоенные годы. В ходе беседы с Гитлером Папен изложил

⁶⁷ «Trials of the War Criminals...», v. XII, p. 593.

⁶⁸ G. Castellan. Le réarmement clandestin du Reich, p. 264—265.

⁶⁹ H. R. Berndorf. General zwischen Ost und West, S. 225.

⁷⁰ H. Picker. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—42. Bonn, 1954, S. 428.

программу, которая, согласно записи хозяина дома, состояла из следующих пунктов: 1) усиление борьбы против коммунистической партии; 2) усиление влияния предпринимательских союзов на экономику; 3) оживление экономической конъюнктуры при помощи крупных государственных заказов, иными словами — быстрое расширение военного производства; 4) аннулирование Версальского договора, превращение Германии в крупную военную силу, независимую от зарубежных стран в экономическом отношении⁷¹. Эта программа полностью соответствовала намерениям самих гитлеровцев, и не удивительно, что Гитлер солидаризировался с ней, сделав упор на первом пункте, предусматривавшем разгром организаций революционного пролетариата и его союзников.

Четыре пункта, изложенные Папеном Гитлеру, отражали сокровенные замыслы магнатов капитала. Следует обратить внимание на требование усилить роль предпринимательских объединений, т. е. обеспечить господство монополий в экономике. Выдвигая его, правящие круги имели в виду раз навсегда покончить с нацистской демагогией относительно «хищнического капитала», без которой гитлеровцы, идя к власти, не могли обойтись. Вопрос же о вручении им судеб страны был предрешен (мы говорим здесь только о планах власть имущих) именно во время кельнской встречи. Гитлер и Папен условились создать коалиционный кабинет во главе с фашистским «фюрером», куда бы вошли и представители других крайне правых организаций — Немецкой национальной партии, «Стального плема» и т. п.⁷² «Когда господа распрощались в 4 часа 30 минут, — писал Шредер в 1934 г., — я не сомневался, что недоразумения устранены и Папен приложит все свое влияние, в том числе в окружении президента, с целью передачи власти Гитлеру»⁷³.

Это была чистая правда, но признать ее Папен не решился, ибо опасался ответных действий со стороны Шлейхера, которого хотели оставить в положении «вне игры». Отсюда — смехотворное «опровержение», опубли-

---

⁷¹ Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма. М., 1961, стр. 62—63.

⁷² «Cahiers d'histoire de la guerre», 1949, N 1, p. 34—35; «Nazi Conspiracy and aggression», v. II. Washington, 1946, p. 923.

⁷³ Цит по кн.: K. Hirsch. Die Blutlinie. Frankfurt-am-Main, 1960, S. 93.

кованное 6 января. В нем говорилось, что в связи со своей поездкой к матери в Дюссельдорф Папен имел беседу с Гитлером, отнюдь не направленную против существующего правительства, а, наоборот, продиктованную желанием укрепить его. Эта неуклюжая ложь лишь подчеркивалась иным вариантом «опровержения», появившимся в нацистской печати. Даже после войны, на Нюрнбергском процессе и в мемуарах, Папен повторяет свою несостоятельную версию о беседе 4 января, а некоторые буржуазные историки Западной Германии поддерживают эту версию, несмотря на то, что она давно опровергнута ходом событий и документами⁷⁴.

Но и среди буржуазных историков есть такие, которые в полной мере признают значение решений, принятых Папеном и Гитлером в Кельне. «Кельнская встреча, — пишет, например, Т. Фогельзанг, — осталась господствующим событием января 1933 г. Все последующее вытекало из нее или отступало по сравнению с ней на задний план»⁷⁵. Непосредственным результатом соглашения Папена с Гитлером было устранение финансового кризиса нацистской партии. Возвращаясь в Берлин, Папен встретился в Дюссельдорфе с Феглером и Шпрингорумом и поставил их в известность о достигнутой с Гитлером договоренности, после чего они раскрыли кошельки. Специально созданный консорциум крупных промышленников уплатил срочные долги нацистов и выдал им 1 млн. марок для распределения среди штурмовиков и эсэсовцев. В середине января в дневнике Геббельса появляется симптоматичная запись: «Финансы совершенно внезапно улучшились». В эти же дни французская газета «Тан» поместила сообщение из Берлина, что «Гитлер, получивший кредиты от иностранных банкиров, стал чувствовать себя гораздо бодрее»⁷⁶. И хотя детали сговора, полным ходом происходившего за кулисами, не были тогда известны, противники фашизма явственно ощутили резкое усиление опасности установления гитлеровской диктатуры.

Огромной тревогой были пронизаны материалы на эту тему, публиковавшиеся в те дни в центральном органе

---

⁷⁴ «Trial of the Major War Criminals...», v. XVI, p. 261; F. Papen. *Der Wahrheit eine Gasse*, S. 256; W. Görlich. *Hindenburg*, S. 397; H. Fraenkel. *R. Mannvel. Göbbels*, S. 155.

⁷⁵ Th. Vogelsang. *Reichswehr, Staat und NSDAP*, S. 354.

⁷⁶ «Temps», 13.I 1933.

КПГ «Роте фане». «Пролетариат должен действовать в этой ситуации целеустремленно и решительно, — писала газета 8 января. — На его стороне все шансы на успех, если он создаст единый фронт классовой борьбы и атакует ослабленную кризисом буржуазию».

Коммунистическая партия привела своих сторонников в состояние подлинной боевой готовности. Во многих городах по призыву КПГ прошли массовые антифашистские демонстрации; в Берлине в такой демонстрации участвовало свыше 100 тыс. человек, в Гамбурге — 50 тыс. и т. д. В этот момент все зависело, еще в большей степени, чем прежде, от сплоченности действий трудящихся масс. Однако руководители СДПГ, оставаясь во власти антикоммунизма, не собирались изменить свою позицию.

Под покровом тайны

Между тем реакция не теряла ни одного дня, стремясь сгладить внутренние противоречия, разделявшие отдельные группировки буржуазного лагеря. Место переговоров было перенесено в дом Риббентропа в Берлине, причем и сюда Гитлер пробирался крадучись, не желая быть узнанным⁷⁷. 10 и 18 января он вновь встретился с Папеном, и после второй из этих встреч Геббельс с нескрываемым ликованием записал в дневнике: «Подготовительные работы для свержения кабинета Шлейхера в полном разгаре. Обсуждаются уже детали». Обо всем, что было предметом этих переговоров, Папен держал в курсе Гинденбурга, с которым общался втайне от Шлейхера. Здесь-то и была велика роль статс-секретаря президента Мейснера, этого Фуше Веймарской республики⁷⁸. Он занимал свой пост еще при прежнем президенте, социал-демократе Эберте, и усиленно стремился сохранить его впредь, при предстоявших переменах. С этой целью Мейснер встретился с Гитлером, которому заявил, что всегда считал себя демократом, но что между ним и нацистами не так уж много разногласий; поэтому Мейснер обещал делать все, от него зависящее, чтобы помочь гит-

---

⁷⁷ J. von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Leoni am Starnberger See, 1954, S. 38—39.

⁷⁸ H. P i c k e r. Hitlers Tischgespräche, S. 410.

леровцам⁷⁹. И, действительно, он активно способствовал осуществлению планов гитлеровской клики, правда, заручившись в последние дни января прямым обещанием Геринга, что после своего прихода к власти нацисты оставят его в прежней должности.

На заключительной стадии переговоров, приведших к созданию правительства Гитлера, в них принял живейшее участие сын президента. Встретившись 22 января с Гитлером на квартире Риббентропа, он в течение двух часов беседовал с фашистским «фюрером» с глазу на глаз. Естественно, что никаких записей этой беседы нет. Но можно не сомневаться, что разговор вращался вокруг двух основных тем: соблюдения внешней легальности прихода фашистов к власти и персонального состава будущего кабинета. Фашисты придавали большое значение сохранению видимости легальности при абсолютном надругательстве над духом конституции, ибо на этом настаивали и Гинденбург, стремившийся «остаться незапятнанным», и командование рейхсвера, деятельно помогавшее гитлеровцам, но желавшее, чтобы передача им руля государственного управления была освящена президентом; это спустя ряд лет подтвердил и Гитлер. Он «забыл», однако, упомянуть о соображениях, которые были, вероятно, основными для всех, кто участвовал в подготовке фашистской диктатуры, — страхе перед возможностью объявления всеобщей забастовки и стремлении максимально уменьшить ее возможность псевдолегальностью прихода гитлеровцев к власти.

Во время встречи с отпрыском президента Гитлер, без сомнения, подтвердил те заверения, которые по его поручению Геринг ранее сделал Гинденбургу через посредство Мейснера, — все права и прерогативы президента останутся нетронутыми⁸⁰.

Что касается персонального состава будущего правительства, то Гинденбург заранее выговорил себе право называть кандидатов на посты министра иностранных дел и военного министра. Первым, согласно его желанию, должен был остаться Нейрат, вторую должность Гинденбург пожелал вручить генералу Бломбергу, в тот момент ко-

---

⁷⁹ J. Stocker. Männer des deutschen Schicksals. Berlin, 1949, S. 147—148.

⁸⁰ E. Wickert. Dramatische Tage in Hitlers Reich, S. 39.

мандовавшему восточнопрусским военным округом и являвшемуся членом германской делегации на конференции по разоружению. В конце декабря он втайне от Шлейхера приезжал из Женевы в Берлин для переговоров с Гинденбургом. Казалось, президент имел в лице Бломберга своего человека — одного из числа тех, кто был призван «умерять» нацистов и не допускать «крайностей» с их стороны. На самом деле Бломберг принадлежал к числу представителей высшего командования рейхсвера, поддерживавших гитлеровцев, ибо они связывали приход Гитлера к власти с непосредственной подготовкой к войне. Будучи незадолго до рассматриваемых событий с визитом в США, генерал пропагандировал нацистскую партию.

С Гитлером Бломберга свел начальник его штаба Райхенау, давний приверженец фашизма⁸¹, быстро проделавший в последующие годы путь от подполковника до генерал-фельдмаршала гитлеровского вермахта. Уже в 1932 г. он состоял в переписке с Гитлером, которая касалась условий, необходимых для успешного перевооружения. Назначение Бломберга на пост военного министра, таким образом, как нельзя лучше устраивало нацистов. Гитлер для начала вообще не настаивал на предоставлении своим сторонникам большей части министерств; он довольствовался немногими, но зато ключевыми: постами рейхсканцлера, имперского и прусского министра внутренних дел, позволявшими сосредоточить в своих руках реальную власть при условии, что пост военного министра будет занят лояльным лицом⁸².

Параллельно с формированием в кулуарах фашистского правительства неуклонно ухудшалось положение Шлейхера. Не оправдывались планы привлечения гитлеровцев — в какой угодно форме — к участию в его кабинете. Это не могло понравиться тем, кто считал

---

⁸¹ K.-D. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung, S. 714; W. Görlich, H. Quint. Adolf Hitler. Stuttgart, 1952, S. 318.

⁸² Папен никак не мог бы отговориться непониманием этого; выступая в октябре в Мюнхене, он коснулся готовности Гитлера допустить участие представителей других партий в его правительстве. «Разве подобное обещание, — сказал Папен, — что-либо изменило бы в их (нацистов. — Л. Г.) претензиях на абсолютное руководство?». Папен, таким образом, как и Гинденбург, знал, что сулит предоставление Гитлеру поста главы правительства (см. «Deutsche Allgemeine Zeitung», 12.X 1932).

Шлейхера наиболее подходящим для решения данной задачи деятелем. Крупные промышленники не были удовлетворены экономической политикой Шлейхера, в особенности отменой папеновского декрета от 4 сентября (хотя Шлейхер сделал это отнюдь не по доброй воле, а принужденный стачечной волной). Большинство магнатов капитала относилось неодобрительно к планам создания «профсоюзной оси», о которых мы говорили выше. Большое недовольство тех же кругов вызвали планы организации общественных работ. Мнение крупного капитала по этому вопросу выразил рурский магнат Ростерг в статье, опубликованной в «Дейче бергверксцейтунг». Он утверждал, что проблему безработицы можно разрешить *«лишь благодаря полной перестройке нынешней политической системы»*. Средства, которые предполагалось ассигновать на общественные работы, Ростерг требовал передать промышленникам. Он вновь настаивал на полной отмене тарифных договоров⁸³. Наконец, крупные капиталисты, особенно экспортеры, считали, что правительство пошло на слишком большие уступки аграриям, добивавшимся резкого повышения ввозных пошлин на сельскохозяйственные продукты⁸⁴.

Весьма красочное представление о настроениях влиятельной прослойки господствующих классов дает протокол заседания руководящих органов Пангерманского союза, состоявшегося 10—11 декабря 1932 г. И в докладе председателя союза Класса, и в выступлениях других активных деятелей этой организации Банга, Меллерса и др. было высказано максимально резкое недовольство Шлейхером и его политикой. Мотивы, фигурировавшие в речах пангерманцев, совпадают с перечисленными выше; помимо того, Шлейхера обвиняли в возврате к парламентаризму. «Я заявляю, — говорил Класс, — что вообще не вижу спасения для Германии, если этот человек и далее останется в должности»⁸⁵. Правда, добавил в заключение Класс, хорошо знавший Гинденбурга, «есть надежда, что президент со времени событий 1—2 декабря

⁸³ См. «Deutsche Bergwerkszeitung», 7.I 1933.

⁸⁴ Архив внешней политики СССР, ф. 82, п. 60, оп. 17, д. 20, л. 2—3 (обзор печати); O. Schmidt-Hannover. Umdenken oder Anarchie. Göttingen, 1959, S. 320.

⁸⁵ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Akten des Alldeutschen Verbands, Bd. 166, Bl. 40.

(речь идет об обстоятельствах смены правительства. — Л. Г.) в душе уже покончил со Шлейхером и поступит с ним так же, как в свое время с Брюнингом»⁸⁶.

Не лучше, чем с промышленниками, складывались отношения правительства Шлейхера и с крупными землевладельцами. Последние также были недовольны, полагая, что в их конфликте с монополиями, разгоревшемся на рубеже 1932 и 1933 гг., Шлейхер берет сторону последних. 11 января делегация юнкерского «Ландбунда», находившегося под сильным влиянием нацистов, была принята Гинденбургом, который с большим интересом выслушал новые жалобы аграриев на недостаточность помощи, получаемой ими от государства, их требования о принятии срочных мер, чтобы «спасти от гибели» помещиков⁸⁷. В официальном протоколе этой встречи не отражена в полной степени гневная реакция Гинденбурга на ответ рейхсканцлера, отвергавшего многое из того, что говорили и чего требовали представители «Ландбунда». Ударив кулаком по столу, президент сказал: «Я требую от Вас, господин рейхсканцлер, и как старый солдат Вы знаете, что требование — это только вежливая форма приказа, чтобы Вы собрали сегодня же вечером правительство, выработали законопроекты в духе выдвинутых сейчас предложений и завтра утром представили их мне на подпись»⁸⁸.

Но этим не ограничивалась роль юнкерства в событиях, предшествовавших приходу фашистов к власти. Как и накануне отставки Брюнинга, Гинденбург оказался под сильнейшим влиянием крупного землевладения, требовавшего отставки Шлейхера и назначения рейхсканцлером Гитлера. В январе президента посетили главари восточно-прусского юнкерства — Ольденбург-Янушау, Берг и Остен-Варниц, мнению которых Гинденбург придавал большее значение, чем точке зрения лидеров всех политических партий вместе взятых. Ольденбург-Янушау заявил, в частности, что не имеет каких-либо возражений против Гитлера ни как консерватор, ни как землевладелец⁸⁹. Стрем-

⁸⁶ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Akten des Alldeutschen, Verbands, Bd. 166, Bl. 42.

⁸⁷ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Büro des Reichspräsidenten, N 333, Bl. 120—126.

⁸⁸ E. Beck. The Death of the Prussian Republik, p. 185—186.

⁸⁹ O. Meissner. Staatssekretär unter Ebert, Hindenburg und Hitler. Hamburg, 1950, S. 266.

ление юнкеров к смене правительства вызывалось еще одним обстоятельством. В одной из комиссий рейхстага началось рассмотрение того, как и в чью пользу расходуются огромные средства, ассигнуемые на «восточную помощь». В ходе рассмотрения выяснились новые факты вопиющих злоупотреблений, использования сотен тысяч марок на личные нужды и прихоти крупных землевладельцев, обогащения тех, кто распорядился этими средствами, и т. п. Ни одно мелкое хозяйство помощи не получило; из числа нуждавшихся средних хозяйств ее получили только 2%, все остальное пошло юнкерам⁹⁰. Среди «обездоленных», которым были выданы большие суммы, находились ближайшие родственники супруги Вильгельма II; велись также переговоры о «санировании» ее собственных имений. Один лишь Ольденбург-Янушау получил 454 тыс. марок. Социал демократ Шмидт, выступивший на одном из заседаний комиссии, сообщил, что крупные средства из числа ассигнованных на «восточную помощь» были переданы гитлеровской партии⁹¹.

Сведения обо всем этом сразу же проникли в печать. Страх перед дальнейшими разоблачениями весьма активизировал юнкеров, которые принимали самые различные меры, чтобы помешать работе комиссии (об этом говорил на заседании 19 января депутат от партии Центра Эрзинг). Юнкера обвиняли Шлейхера не только в том, что он не препятствует расследованию, но даже в том, будто он «подстроил» самое расследование. Вряд ли дело было так. Особенно активны в разоблачении злоупотреблений, связанных с «восточной помощью», были нацисты, рассматривавшие это как средство шантажа по отношению к Гинденбургу. По мнению бывшего рейхсканцлера Брюнинга, оно оказалось весьма действенным⁹².

Заседание правительства 16 января обнаружило, что рейхсканцлер еще не потерял оптимизма. Он продолжал рассчитывать на вступление в свой кабинет не только Штрассера, но и Гугенберга, председателя «Стального шлема» Зельдте и одного из лидеров партии Центра, Штегервальда, тесно связанного с христианскими проф-

⁹⁰ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Protokolle des Ausschusses für den Reichshaushalt. N 1457, Bl. 321—323; N 1458, Bl. 79.

⁹¹ F. Lucas. Hindenburg als Reichspräsident. Bonn, 1959, S. 63.

⁹² H. Brüning. Ein Brief. — «Deutsche Rundschau», 1947, N 7, S. 14.

союзами. Шлейхер знал, что как раз на тот же день назначена встреча Гугенберга с Гитлером, но выразил уверенность, что она не приведет к каким-либо результатам⁹³. Как видно, бдительность генерала по отношению к пронкам соперников изменила ему. Ибо включение лидера партии националистов в переговоры делало перспективы образования правительства «национальной концентрации» значительно более реальными.

Гугенберг не только обладал столь необходимыми нацистам средствами, которые могли позволить им поправить свои дела. Он представлял одну из прослоек монополистического капитала, и, хотя соперничество между двумя крайне правыми партиями — гитлеровцами и националистами — за последние месяцы весьма обострилось и абсолютная ненадежность такого союзника, как Гитлер, не была секретом для Гугенберга и его коллег, общность целей толкала последних в объятия нацистов.

На упомянутом заседании своего кабинета Шлейхер выразил надежду на постепенный сдвиг в умонастроении населения в пользу правительства. Тем не менее генерал не забывал и о запасных вариантах. И здесь точно так же, как это было и с Папенем, речь шла о всякого рода чрезвычайных, антидемократических планах нарушения или отмены конституции. Сохранился любопытный документ — составленная в военном министерстве (это лишний раз характеризует роль последнего) записка о тактике по отношению к рейхстагу в случае принятия им вотума недоверия правительству. Из различных вариантов, фигурирующих там, предпочтение отдается полному игнорированию этого вотума⁹⁴. Такой вывод, вероятно, вытекал из того, что Шлейхер не мог добиться санкции президента на роспуск рейхстага; кроме того, беседы с политическими деятелями, в том числе Брейтшейдом (СДПГ) и Каасом (Центр), убедили генерала, что явного отказа от конституции лучше избегать⁹⁵.

При приверженности подавляющего большинства немцев к букве закона это могло вызвать непредвиденные осложнения. На законопослушание же сильнейшим об-

⁹³ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 487.

⁹⁴ Ibid., S. 488—489.

⁹⁵ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Büro des Reichspräsidenten, N 47, Bl. 567 (письмо Кааса Шлейхеру).

разом рассчитывали и участники заговора, имевшего целью привести гитлеровцев к власти при формальном соблюдении легальности.

Коммунисты в борьбе

Исход напряженной классовой схватки, развернувшейся в Германии начала 30-х годов, зависел, однако, отнюдь не только от воли монополистов, не от того или иного соглашения группировок крупного капитала. Их замыслы могли быть сорваны решительными, сплоченными действиями трудящихся масс. Реакция до последней минуты считалась с возможностью объявления всеобщей забастовки. Это признал Гитлер на первом же заседании возглавлявшегося им правительства⁹⁶. И немалые основания для таких опасений у правящих кругов были. Подъем стачечного движения, успехи кампании «Антифашистской акции», многолюдные демонстрации, проходившие, несмотря на запрет, а с еще большим размахом развернувшиеся после того, как правительство Шлейхера вынуждено было снять этот запрет, резко усилившееся стремление социал-демократов к установлению единства с коммунистами — все это не могло не внушать тревоги организаторам заговора против республиканского строя.

Красноречивое свидетельство тому — полицейские обзоры положения, относящиеся к концу 1932 г. В них идет речь о все новых успехах политики единого фронта, проводившейся компартией, и высказывается серьезное опасение, что в случае гражданской войны социал-демократия так или иначе будет на одной стороне баррикады с КПГ⁹⁷. Отсюда усилия реакции по разжиганию антикоммунизма, предпринимавшиеся именно в эти недели, стремление доказать, будто Германии «угрожает коммунизм», который-де представляет большую опасность и для социал-демократов. С той же целью в буржуазной прессе намеренно и упорно преувеличивалось значение успехов коммунистической партии, которая, как мы не раз отмечали, на деле была еще весьма далека от перехода к непосредственной борьбе за власть.

⁹⁶ «Documents of German Foreign Policy», Ser. C, v. 1, p. 5.

⁹⁷ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Reichsministerium des Innern, N 28153, Bl. 44, 48.

Идя к власти, германские фашисты направляли свой главный удар против революционного авангарда рабочего класса. Но антикоммунизм в то же время являлся для нацистов орудием запугивания тех слоев населения, которые не имели ясного представления о целях пролетариата и его марксистской партии, и привлечения их на свою сторону или нейтрализации. В действительности фашисты стремились уничтожить не только КПГ, но и все другие демократические организации, конституционные права и свободы и, как подтвердилось позднее, вообще все политические организации, кроме нацистской как единственной выразительницы интересов монополистического капитала. А антикоммунизм, разжиганию которого немало способствовали, в том числе и в рассматриваемое время, лидеры социал-демократии, послужил весьма удобным прикрытием для осуществления широких замыслов германских монополий.

Версию о мнимой «коммунистической угрозе» в Германии начала 30-х годов повторяют некоторые буржуазные историки, фальсифицирующие историю прихода фашистов к власти в Германии и в наши дни. Подобную точку зрения пропагандирует, например, Г. Беннеке, в прошлом командир штурмового отряда, а ныне историограф нацизма. Он не только гиперболизирует степень влияния КПГ, но и высказывает недовольство буржуазными авторами, которые более трезво характеризуют силу партии. По мнению Беннеке, в современных условиях выгоднее вернуться к старой фашистской версии «коммунистического заговора», при помощи которой гитлеровцы пролагали себе путь к власти и которую они позднее использовали при поджоге рейхстага для расправы с политическими противниками⁹⁸.

Утверждения гитлеровцев и их единомышленников-историков противоречат фактам, а также свидетельствам людей, ближе всего стоявших к событиям. К тем, кто начисто отрицал нацистскую версию, принадлежал, в частности, и сам Шлейхер. Отвечая в январе 1934 г. на появившуюся в газетах статью о событиях, предшествовавших установлению гитлеровской диктатуры, генерал опроверг традиционный для фашистской публицистики и

---

⁹⁸ Н. Беннеке. Alternativen der Not: Schleicher, Bürgerkrieg oder Hitler. — «Politische Studien», 1963, N 150, S. 456.

историографии тезис об «угрожающем нарастании коммунистической волны». Он писал: «Я до сих пор придерживался мнения, что со времени войны мы еще никогда не были так далеки от коммунизма, как во второй половине 1932 года»⁹⁹. Можно не согласиться с категоричностью этой оценки, но совершенно очевидно, что она опровергает лживую версию, при помощи которой гитлеровцы прикрывали свое стремление к ничем не ограниченной диктатуре.

Это отнюдь не значит, что в Германии тех лет не было массового революционного движения. Здесь существовала наиболее крепкая и многочисленная (за пределами Советского Союза) коммунистическая партия, насчитывавшая осенью 1932 г. почти 300 тыс. членов¹⁰⁰ и имевшая миллионы сторонников. Она прилагала поистине колоссальные усилия, чтобы повернуть ход событий и поднять широчайшие народные массы на борьбу против обнаглевшей реакции, стремившейся установить в стране фашистский режим, подготовить и развязать новую мировую войну. Преодолевая серьезные недостатки в своей работе, вызывавшиеся сектантскими настроениями, КПП упорно добивалась ликвидации раскола рабочего класса. КПП неутомимо стремилась укрепить в германском пролетариате сознание своих неисчерпаемых сил и возможностей, которые были вполне достаточны, чтобы преградить дорогу реакции, как было, например, в 1920 г., когда всеобщая забастовка начисто сорвала монархистский военный путч.

Факты решительно противоречат клеветническим утверждениям буржуазных историков, упорно пытающихся взвалить на Коммунистическую партию Германии ответственность за приход фашистов к власти. Многочисленные документы, приведенные выше, изобличают подлинных виновников этого рокового события — монополистический капитал Германии, поддержанный наиболее реакционными элементами крупной буржуазии США и Англии, а также предавшее жизненные интересы трудящихся руководство социал-демократической партии и реформистских профсоюзов. Что же касается КПП, то она, несмотря на серьезные ошибки, допущенные в рас-

⁹⁹ «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1958, N 1, S. 90.

¹⁰⁰ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 370.

Сматриваемый период, была единственным последовательным, принципиальным и неутомимым борцом против реакции и фашизма во всех их разновидностях. Не случайно именно на коммунистическую партию была направлена главная сила удара фашистов.

По мере того как опасность прихода гитлеровской клики становилась все реальнее, борьба немецких пролетариев, руководимых коммунистической партией, против фашизма нарастала. Партия вовлекала в кампанию «Антифашистской акции» все новые слои трудящихся — социал-демократов и беспартийных. Продолжалось шириться забастовочное движение. В нем ярко воплотились потенциальные возможности единого фронта, его осуществимость и жизненная сила. О том же говорили и успехи в деле оттеснения фашистов от руководства органами местного самоуправления. Так, в начале января 1933 г. благодаря инициативе компартии в Лейпциге и других больших городах Саксонии руководящие должности в магистратах заняли только представители обеих рабочих партий, а гитлеровцы остались за бортом. Впервые за долгие годы в таком крупном центре, как Лейпциг, состоялась совместная демонстрация КПГ и СДПГ; то были весьма обнадеживающие для сторонников демократии и тревожные для правящих кругов факты. Не случайно, характеризуя их, автор полицейского обзора считал весьма вероятным, что в случае прихода нацистов к власти стремление к единому фронту «примет крайне ощутимые и, возможно, очень угрожающие размеры»¹⁰¹.

Так полагали полицейские специалисты. Но они, к величайшему сожалению, ошибались, недооценивая ту пагубную роль, которую, несмотря ни на что, продолжали играть руководители социал-демократии и профсоюзов. Эти люди уже не располагали неограниченным влиянием на рабочий класс, каким пользовались, например, в начале первой мировой войны. Но лидеры СДПГ все еще вели за собой довольно значительную часть рабочего класса, и этого было вполне достаточно, чтобы помешать созданию единого фронта в масштабах всей страны. И в последние, решающие недели января 1933 г. предательская политика социал-демократических заправил проявлялась

---

¹⁰¹ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Reichsministerium des Innern, N 26153, Bl. 58.

с еще большим упорством и ожесточением. Об этом весьма ярко свидетельствует брошюра, изданная правлением партии в январе 1933 г., т. е. в самый канун установления фашистской диктатуры. Здесь говорилось, что задачей активистов СДПГ в ближайшее время является разведка в лагере коммунистов: «Точные данные о руководителях, силе организации, местах их встреч. При энергичной работе возникнет по возможности законченная картина организационного состояния противника, которая будет охватывать всех членов, даже всех последователей» КПГ¹⁰². К этому, как говорится, комментарии излишни.

Наглядным и особенно позорным примером была позиция руководителей СДПГ в связи с наглой фашистской провокацией, предпринятой в момент, когда нацисты уже считали свой приход к власти лишь делом дней. Они вознамерились провести 22 января свою демонстрацию на площади Бюлова в Берлине — там, где находился знаменитый дом имени К. Либкнехта, в котором были расположены центральные учреждения КПГ, редакция «Роте фане» и т. д. Фашисты явно устраивали пробу сил, провоцируя рабочий класс и прекрасно зная, что полиция будет опекать и защищать их. Проиграть в этот день — значило признать себя побежденными. Коммунистическая партия сразу же разгадала цель фашистской затей, которая должна была поднять пошатнувшуюся в последние месяцы популярность нацистской партии. КПГ приняла решение провести в тот же день контрдемонстрацию, но полиция запретила ее.

КПГ обратилась к массам, подчеркивая, что положение крайне серьезное, что необходима максимальная бдительность к проискам реакции. «Будущее воскресенье (22 января. — Л. Г.), — говорилось в воззвании ЦК КПГ, — имеет для всех немецких трудящихся неслыханное значение. Террор и учащающиеся нападения призваны послужить подготовке новых попыток контрреволюционного государственного переворота». Партия призвала рабочих германской столицы оказать энергичный отпор фашистской провокации, показать нацистским бандитам сплоченность своих рядов. В листовке, подписанной «Революционные рабочие Берлина», говорилось: «Красный Берлин, ответь! Покажи обнаглевшим фашистским убий-

---

¹⁰² ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 94.

цам свою силу! Ответ на эту дикую провокацию небывалым массовым протестом всех рабочих»¹⁰³.

Но усилия компартии отразить решительное наступление фашизма не были ни в малейшей степени поддержаны лидерами СДПГ. Наоборот. Они вновь нанесли революционным пролетариям удар в спину. 21 января «Форвертс» напечатал решение социал-демократического руководства о запрете членам партии принимать участие в отпоре фашистской вылазке. «Политически грамотные и дисциплинированные массы социал-демократии, — было сказано в этом уникальном документе, — следуют указаниям только *своей партии*». Повторялась, но в значительно более напряженной и серьезной обстановке, та самоубийственная тактика, которой социал-демократия придерживалась летом 1932 г., призывая своих сторонников отсиживаться в домах, когда их братья-коммунисты вели кровопролитные уличные бои с фашистами. Тогда эта тактика привела к 20 июля — тяжелому поражению рабочего класса и в особенности социал-демократии. В условиях, сложившихся в 20-х числах января 1933 г., подобный курс влек за собой еще более опасные последствия.

В течение нескольких дней, предшествовавших 22 января, «Роте фане» публиковала резолюции различных предприятий Берлина, выражавших горячий протест против готовившейся при помощи властей гитлеровской провокации и решимость оказать ей сопротивление. Эти документы свидетельствуют о том, что немецкий рабочий класс отнюдь не был сломлен, а бескровная победа фашизма в январе 1933 г. объяснялась лишь отсутствием единства и предательством лидеров СДПГ, влиянием пораженческой проповеди, против которой компартия вела неустанную борьбу. В день гитлеровской провокации «Роте фане» повторила пламенный призыв к боевому антифашистскому единству: «Мы должны единодушно стоять плечом к плечу, независимо от того, какой у кого членский билет в кармане».

Фашистская вылазка не имела успеха — это вынуждены были признать даже многие буржуазные газеты. «Фоссише цейтунг» отмечала, что нацистских демонстрантов было 16 тыс., а полицейских, оберегавших их, —

¹⁰³ «Die Antifaschistische Aktion», S. 333, 336.

14 тыс. «Штурмовики шагали между двумя рядами полицейских чиновников, — писала „Берлинер тагеблат“, — охраняемые тысячами полицейских карабинов». «Свистки, ругань, крики „долой“! по отношению к национал-социалистам, — так рисовала картину берлинских улиц 22 января газета „12 ур блат“. — Повсюду образуются колонны коммунистов, пытающиеся прорвать полицейское оцепление. Захвачены нацистские знамена». Буржуазная печать, естественно, не склонна была преувеличивать размах отпора фашистским демонстрантам. Полную характеристику событий этого дня дал в своей статье, опубликованной 26 января в «Роте фане», Э. Тельман: «Рабочие Берлина, сохраняя революционную дисциплину, сковали вокруг нацистов железное кольцо изоляции». Уже в течение ряда лет не было на улицах германской столицы такого количества пролетариев, как в этот январский день.

Но этим нельзя было ограничиться. Коммунистическая партия решила в ближайший же день, 25 января, провести мощную контрдемонстрацию трудящихся Берлина. Она мыслилась как мощное совместное выступление рабочих независимо от партийной принадлежности. И здесь социал-демократические заправилы остались верны себе — они отказались от единой демонстрации, назначив на 29 января свою, сепаратную. И это тогда, когда в печати уже открыто обсуждался состав будущего правительства фашистской диктатуры. Разоблачая эту предательскую политику, «Роте фане» писала 25 января, что цель социал-демократических лидеров — «создать у рабочих пораженческие настроения, убедить их, в виду угрозы государственного переворота или включения гитлеровцев в правительство, что революционная массовая борьба безумна, что надо примириться с якобы неизбежной победой реакции».

Другой стороной той же практики были новые уверения в... «надежности» Гинденбурга. Игнорируя эпопею Папена, 20 июля и все последующее, продолжали твердить: «Президент республики поручился присягой и словом, что он не пойдет на разрыв конституции». Имелся и еще один прием, как будто прямо противоположный перечисленным: громкие слова о готовности к борьбе, которая-де будет начата «в нужный момент по сигналу»; успокоительные заверения подобного рода были неотъем-

лемой частью целой системы дезориентации, при помощи которой деятели СДПГ стремились во что бы то ни стало удержать сторонников социал-демократии под своим влиянием — даже под угрозой потерять все в случае прихода фашистов к власти. Впрочем, были и такие, кто надеялся на легальное существование СДПГ в условиях фашистского режима.

25 января трудовая Германия в последний раз перед воцарением гитлеровской клики показала всему миру, что в стране есть силы, не только страстно желающие, но и полные готовности помешать торжеству фашизма. Несмотря на необычный для этих мест жестокий мороз, в Берлине состоялось грандиозное шествие революционных пролетариев; многолюдные антифашистские демонстрации прошли и в некоторых других городах. Даже по признанию буржуазной печати, демонстрация 25 января 1933 г. была одной из самых крупных, которые когда-либо проводились в Берлине. Она длилась свыше четырех часов, а число ее участников — только шагавших в колоннах — составило 130 тыс. человек. «Надо было видеть этих людей, чтобы ощутить все величие подобного свершения», — писала газета «12 ур блат».

А вот что происходило в то же время в Дрездене, как запечатлел это писатель-антифашист Макс Циммеринг:

«... Я шел в одной из восьми колонн, двигавшихся из различных районов и предприятий Дрездена. Наша колонна шла по Блуменштрассе. Внезапно пение прекратилось. Несколько полицейских грузовиков, резко затормозив, остановились, и полицейские, размахивая резиновыми дубинками, кинулись на нас:

— Коммунистические свиньи! Московское отребье!

Удары сыпались без разбора на мужчин и женщин, молодых и стариков.

Колонна построилась вновь. «Сохранять спокойствие!» — вновь и вновь упрашивали распорядители из «Антифашистской акции». Было ясно, что полиция имеет приказ спровоцировать нас»¹⁰⁴.

Стоит напомнить, что все это происходило не при фашистской диктатуре, а еще в условиях Веймарской республики. Но гнусная провокация была совершена: на со-

---

¹⁰⁴ «Hammer und Feder. Deutsche Schriftsteller aus ihrem Leben und Schaffen». Berlin, 1955, S. 555—557.

брании Союза борьбы против фашизма, состоявшемся после демонстрации, вдруг раздался выстрел, и полицейские, находившиеся в зале, не пытаясь разобраться, открыли стрельбу по безоружной толпе. Девять человек были убиты, многие ранены.

31 января в Дрездене состоялись похороны жертв расстрела. Участвовало свыше 30 тыс. чел., среди которых находились не только отряды Союза борьбы против фашизма, но и части Рейхсбаннера. Полиция вынуждена была отступить ¹⁰⁵.

Закулисный сговор завершается

Мощные выступления в Берлине, Дрездене и других городах были недвусмысленным предупреждением правящим кругам. Но позиция социал-демократического руководства обнадеживала их. Именно в те дни, когда рабочий Берлин вышел на улицы, чтобы выразить пламенный протест против фашизма, заговорщики с удвоенной энергией вели свой торг, стремясь выговорить себе и своей группе большую долю в добыче, которую несло с собой установление фашистской диктатуры. Помимо грызни из-за распределения портфелей, возник спорный вопрос, грозивший торпедировать весь заговор. Он был вызван настойчивым стремлением гитлеровцев распустить рейхстаг, чему решительно воспротивился Гугенберг. Гитлеровцы рассчитывали, овладев основными рычагами государственной власти, добиться резкого изменения соотношения сил в рейхстаге за счет союзников по коалиции. Национальная же партия, выигравшая на выборах 6 ноября, могла лишь потерять голоса; ее лидеры боялись нового усиления нацистов, понимая, что тогда позиции других участников коалиции значительно ухудшатся.

Гитлер утверждал, будто ему удалось еще до 30 января убедить Гугенберга в необходимости роспуска рейхстага, удовлетворив все его притязания на министерские посты ¹⁰⁶; маленький лидер националистов стремился стать чем-то вроде хозяйственного диктатора, сосредоточив в своих руках министерства экономики и сельского

---

¹⁰⁵ F. Kriegenherdt. Der Kampf der KPD um die Antifaschistische Aktion. — «Geschichtsunterricht und Staatsbürgerkunde», 1963, № 3, S. 222.

¹⁰⁶ H. P i c k e r. Hitlers Tischgespräche, S. 430.

хозяйства и в масштабе империи, и в Пруссии. Это требование отражало желание монополистов «обезопасить» экономику от вмешательства нацистских демагогов и дилетантов. Но, вопреки утверждению Гитлера, роспуск рейхстага был камнем преткновения чуть ли не до момента присяги нового правительства; слишком велики были опасения участников коалиции перед возможными последствиями «победы» нацистов на выборах. Ведь не далее как 30 декабря 1932 г. руководство Национальной партии писало местным организациям: «Для Гитлера канцлерство означает лишь подготовку национал-социалистской диктатуры»¹⁰⁷.

Что касается Шлейхера и его кабинета, то после 20 января у них не оставалось никаких сомнений в провале усилий расколоть нацистскую партию; 23 и 26 января генерал предпринял последние попытки добиться у Гинденбурга полномочий на роспуск рейхстага и провозглашение «чрезвычайного положения», которое, по уверениям Шлейхера, не встретило бы такого противодействия со стороны профсоюзов и СДПГ, как двумя месяцами ранее. Но он вновь получил отказ — ведь к тому времени уже фактически были завершены переговоры о создании правительства фашистской диктатуры (о чем Шлейхер был осведомлен в весьма недостаточной степени). 28 января состоялось последнее заседание правительства; выяснилось, что не остается ничего иного, как подать в отставку. На этом заседании Шлейхер и его коллеги обсудили вопрос о возможном преемнике и резко высказались против Папена или Гугенберга как кандидатов в рейхсканцлеры; было даже решено довести это через Нейрата до сведения Гинденбурга. Симпатии министров — самого Шлейхера, Шверин-Крозигка и др. — были недвусмысленно на стороне Гитлера¹⁰⁸.

Подобный поворот может показаться неожиданным; но не следует забывать, что Шлейхер был не только и даже не столько политическим деятелем, сколько генералом, да и политиком стал тоже в качестве военного. А военщина была не последней среди тех общественных сил, которые старались привести гитлеровцев к власти: милитаристам не могло не импонировать, что у них с фаши-

¹⁰⁷ «Ursachen und Folgen vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945», Bd. VIII, S. 736.

¹⁰⁸ E. Beck. The Death of the Prussian Republik, p. 191.

стами совпадает и основная цель — организация реваншистской войны, и главные методы ее достижения. У Шлейхера были в последние месяцы возражения против некоторых нацистских притязаний, но когда его собственные планы потерпели провал, он, ни минуты не колеблясь, вновь высказался за кандидатуру Гитлера в рейхсканцлеры. Шлейхер даже рассчитывал на сохранение в своих руках военного министерства в новом кабинете (не зная, что на этот пост уже намечен Бломберг).

Аналогичную позицию занял и другой высший представитель вооруженных сил, — глава рейхсвера генерал Гаммерштейн. Можно ли удивляться этому, зная следующий факт (сообщенный сыном генерала на основании сохранившихся у него документов): еще в сентябре 1931 г. Гаммерштейн имел четырехчасовую беседу с Гитлером, в результате которой пришел к заключению, что «Гитлер хочет, собственно, того же, что и рейхсвер; различие только в темпах»¹⁰⁹. Теперь, 29 января 1933 г., встретившись с Шлейхером, он безоговорочно согласился с ним, что якобы только Гитлер может в данных условиях возглавить правительство. И от имени обоих — иначе говоря, от имени армии — Гаммерштейн отправился к Гитлеру, пообещав ему поддержку¹¹⁰.

В работах буржуазных историков часто предпринимаются попытки обелить военщину, снять с нее клеймо активного соучастия в установлении гитлеровской диктатуры. Буржуазные авторы применяют при этом самые разнообразные ухищрения. Тем не менее им не под силу доказать недоказуемое. Тяжелая историческая ответственность германской военщины за приход фашистов к власти разоблачается не только в трудах историков-марксистов; ряд честных буржуазных ученых также признает и показывает эту вину. Вот что пишет, например, английский историк Уилер-Беннет: «Нет ничего более позорного и глупого, чем действия армии в течение всего этого периода»¹¹¹. На сей счет есть и такие неопровержимые свидетельства, как публичные благодарности, ко-

¹⁰⁹ «Frankfurter Hefte», 1956, N 1, S. 17.

¹¹⁰ K.-D. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart—Düsseldorf, 1955, S. 733—734.

¹¹¹ J. Wheeler-Bennett. The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945. New York, 1954, p. 284.

торые нацистские главари расточали генералитету после своего прихода к власти. «Господа генералы, господа офицеры, — говорил Гитлер на съезде нацистской партии в 1933 г., — тем, что я стою здесь, я обязан вам и лояльной позиции рейхсвера. Этого я никогда не забуду»¹¹². Более красноречивое признание трудно себе представить.

После отставки Шлейхера президент уже открыто поручил своему доверенному лицу Папену провести переговоры о создании нового правительства. Завершалась зловещая миссия, принятая и выполненная до конца Папеном. Он сам говорил об этом позднее так: «Я был избран благосклонной судьбой, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельд-маршала»¹¹³. Уже одного только этого преступления — хотя на совести Папена много других черных дел — было бы достаточно, чтобы осудить его на самую тяжелую кару. Но на Нюрнбергском суде над главными немецкими военными преступниками Папен сумел избежать наказания: голосами членов трибунала от США, Англии и Франции матерый преступник, открывший Гитлеру путь в рейхсканцелярию, был оправдан, как и другой профашист, несущий столь же тяжкую историческую вину перед немецким и другими народами за это злодеяние, — Шахт. Оба старых реакционера до сих пор живы и, находясь в Западной Германии, не прекращают своей антинародной деятельности, для которой ФРГ — наиболее подходящее место.

Помимо Нейрата, Шверин-Крозигка, Гюртнера и Эльц фон Рюбенаха, оставшихся на своих местах, в новое правительство должны были войти Папен (вице-канцлер и имперский комиссар Пруссии), Гугенберг (министр экономики и продовольствия), Бломберг (военный министр), председатель «Стального шлема» Зельдте (министр труда). Гитлеровец Фрик нацелился на одну из самых важных позиций — министерство внутренних дел, Геринг собирался возглавить вновь создаваемое министерство воздухоплавания и одновременно прусское министерство внутренних дел, имевшее первостепенное значение для расправы с политическими противниками.

---

¹¹² K.-D. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung, S. 732.

¹¹³ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VI, p. 101.

Правительство Гитлера мыслилось как коалиция нацистов и Национальной партии (вместе с примыкавшим к ней «Стальным шлемом»). Но тут неожиданно заявили о себе те, кого ход событий оставил в стороне: партия Центра и ее филиал — Баварская народная партия. В своих мемуарах Папен сообщает, что 28 января к нему обратился председатель последней Шефер и от своего и Брюнинга имени заявил о согласии войти в правительство Гитлера. Правда, Брюнинг ныне «опровергает» это сообщение, но сам Шефер в 1963 г. вернулся к данному эпизоду, подтвердив, что он действительно обращался к Папену на предмет участия в правительстве, причем не только от Баварской народной партии, но и от Центра¹¹⁴. Получив отказ, лидеры Центра не успокоились и сразу после создания фашистского кабинета, 31 января, продолжили переговоры, уже с «самим» Гитлером. Речь шла об условиях поддержки нового правительства партией Центра, причем, как заявил ее председатель Гитлеру, «в принципе дело заключается не в том, кто правит а в том, чего добивается правительство и что оно предпринимает»¹¹⁵. Еще один штрих к политической характеристике предшественников современных западногерманских заправил из партии ХДС/ХСС. Но в 1933 г. им пришлось довольствоваться ничем; партнерами гитлеровцев — весьма кратковременными, правда, — стали другие буржуазные группировки, представлявшие для нацистов большой интерес, так как они обладали влиянием на президента.

Упущенные возможности

Отставка Шлейхера в сочетании с сообщениями о близком сговоре правящих кругов с Гитлером означала приближение самой грозной, смертельной опасности для всех трудящихся Германии. Как же реагировали на нее рабочие партии — коммунистическая и социал-демократическая?

В эти дни, когда еще можно было сделать отчаянное усилие и раздавить фашистскую гадину, пока она не прорвалась к власти, руководители СДПГ сохраняли

---

¹¹⁴ «Politische Studien», 1963, N 147, S. 61.

¹¹⁵ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1961, N 2, S. 188.

олимпийское спокойствие. Их опасения вызывала только возможность возвращения Папена на пост рейхсканцлера. Как и прежде, они все мыслили исключительно парламентскими категориями. Исходя из этого, социал-демократические лидеры — чудовищно, но факт — отдавали предпочтение Гитлеру, если он будет располагать большинством в рейхстаге, перед президиальным кабинетом Папена! Вот что писал «Форвертс» в своем вечернем издании 28 января: «Гарцбургский фронт без парламентского большинства означает государственный переворот и гражданскую войну... Конституционность может быть обеспечена, только если Гитлер создаст парламентское большинство и если будет дана гарантия, что Гитлер исчезнет, как только он потеряет это большинство». Как будто не было многолетнего опыта кровавой борьбы гитлеровской клики за единовластие, как будто фашисты не пропагандировали диктатуру и открыто не стремились к ликвидации демократических учреждений! В том же духе была составлена телеграмма, направленная Гинденбургу лидерами реформистских и христианских профсоюзов. «Профсоюзы ожидают, — говорилось в этом документе, — что Вы, господин президент, окажете решительное сопротивление всем стремлениям, имеющим целью осуществить государственный переворот, и настаивают на *конституционном решении* кризиса». Независимо от того, хотели этого или нет социал-демократические и профсоюзные лидеры (а многие из них безусловно желали предотвратить приход фашистов к власти), их позиция была огромной помощью гитлеровской клике.

В корне иной была реакция коммунистической партии. Непосредственное приближение грозной опасности КПГ сигнализировала в течение всего месяца — с того момента, как в печати появились сообщения о закулисных переговорах Папена с Гитлером. Отставку же Шлейхера партия восприняла как прямое предвестие величайшей угрозы, вплотную надвинувшейся на рабочий класс, на всех трудящихся Германии.

«Тревога! Тревога! Грозит новое 20 июля!» — с такой шапкой через всю первую страницу вышел номер «Роте фане» 29 января 1933 г. Газета писала: «Фашистская реакция изготовилась нанести свой главный удар — таков смысл событий... Поэтому — *величайшая тревога* и

массовая мобилизация по всей стране... Крепите свою гигантскую силу против каждого покушения фашистских врагов народа». Коммунисты в этот час вновь обращались ко всем трудящимся, призывая нанести фашизму смелый контрудар при помощи оружия массовой борьбы. В день отставки Папена, не теряя ни минуты драгоценного времени, коммунистическая фракция рейхстага выпустила листовку, в которой подчеркивалась вся серьезность положения и выдвигались конкретные лозунги, прежде всего немедленная подготовка массовой политической забастовки. Эту листовку, звавшую к спасению Веймарской республики, «Форвертс» назвал на следующее утро «коммунистической помехой».

Били в набат и местные организации КПГ. «Антифашисты, тревога! Грозит правительство Гитлера—Папена! Готовьтесь к массовой политической забастовке! Все на улицу, организуйте могучие массовые демонстрации!» — так начиналась листовка, выпущенная рурским окружным комитетом КПГ. А вот что говорилось в листовке, изданной комитетом КПГ округа Гессен — Франкфурт: «Коммунистическая партия, стремясь в эти серьезные часы, когда на трудящийся народ надвигается страшная угроза контрреволюции, ввести в действие все антифашистские силы, повторяет предложения о совместных и решительных действиях против фашистской реакции, уже сделанные 20 июля всем рабочим и членам СДПГ и профсоюзов и их местным организациям»¹¹⁶. Главным было тогда убедить всех рабочих, к каким бы организациям они ни принадлежали, что наступил именно тот последний час, о котором так много говорили социал-демократические заправилы, вновь и вновь откладывая борьбу. Не Папен и его единомышленники представляли главную опасность, как считали руководители социал-демократической партии (хотя дальнейшее пребывание монархистской клики у власти также было чревато всякого рода неожиданностями), а гитлеровская диктатура — неминуемое следствие включения нацистов в правительство и предоставления Гитлеру поста рейхсканцлера.

Чрезвычайно характерно, что полицейский-президент Берлина запретил все митинги коммунистической партии и примыкавших к ней организаций, в то время как социал-

---

¹¹⁶ «Die Antifaschistische Aktion», S. 346, 361—362.

демократическая демонстрация, назначенная на 29 января, была разрешена. «Роте фане» писала в тот день: «Из этого можно сделать вывод: Мельхер и Брахт ожидают от вождей СДПГ, что они призовут рабочие массы к „спокойствию и рассудительности“, к игнорированию боевых лозунгов коммунистов». Газета обращалась к сторонникам СДПГ: «Мы предупреждаем Вас, что Ваше руководство будет действовать в точности так же, как полгода назад».

И в расчете на это правящие круги Германии решились на шаг, который они давно готовили, но сделать который так долго не решались. Стремление к реваншу, страх перед собственным народом и неуверенность в том, к какому лагерю примкнут миллионы людей, начавших отходить от нацистской партии, побудили германскую буржуазию временно отодвинуть в сторону противоречия отдельных монополистических групп. Их «приноравливание» друг к другу проходило с огромным трудом. Гугенберг продолжал сопротивляться роспуску рейхстага, чувствуя, чем это грозит, и даже некоторые деятели его партии, сами ярые националисты, резко возражали против блока с гитлеровцами.

Уже упоминавшийся Клейст-Шменцин (впоследствии казненный за участие в антигитлеровском заговоре), если верить его записке, составленной через год после рассматриваемых событий, сказал Папену: «Люди, не имеющие мужества отвергнуть сумасбродные домогательства человека, чья партия распадется, если решительно отвернуться от нее, а, наоборот, помогающие ему достичь невиданной власти, не смогут с ним совладать в дальнейшем»¹¹⁷. Свою записку автор кончал словами: «Немецкая Национальная партия и „Стальной шлем“ совершили предательство по отношению к Германии». Клейст-

---

¹¹⁷ E. von Kleist-Schmenzin. Die letzte Möglichkeit. — «Politische Studien», 1959, N 106, S. 92. Подобный же характер носило письмо генерала Людендорфа, которое он направил Гинденбургу 1 февраля 1933 г. Людендорф, находившийся в тот момент в конфликте с гитлеровцами, писал: «Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из величайших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неопишное несчастье. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали это». — «Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte». München, 1958, S. 367.

Шменцин был безусловно прав в этом, он ошибался лишь, полагая, что его политические друзья «не имели мужества» отвергнуть Гитлера. Они поступали вполне обдуманно, будучи солидарны с гитлеровцами в главном и надеясь верховодить в новом правительстве.

Торг чуть не зашел в тупик, но в ночь на 30 января появился неожиданный ускоритель событий; им оказалось телефонное сообщение, полученное Мейснером и гласившее, что Шлейхер организует военный путч, намереваясь арестовать президента и его сына, а также самого Мейснера¹¹⁸. Известие произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Гитлер потребовал поставить Гинденбурга в известность о «планах Шлейхера», и это быстро решило дело. На утро 30 января был назначен прием у президента, чтобы в случае урегулирования всех разногласий принять у членов нового правительства присягу. Характерно, что ни один из участников сговора не поинтересовался, откуда исходят слухи о «военном путче», не подумал проверить их. И зачем? Ведь они как нельзя лучше соответствовали намерениям тех, кто добивался быстрейшего создания правительства фашистской диктатуры.

А проверка, даже самая поверхностная, обнаружила бы, что подобные слухи лишены какого-либо основания. Автор их — брат председателя аристократического «Клуба господ» (к которому принадлежал Папен) Альвенслебен — особенно не скрывал, что «сообщение» высосано им из пальца¹¹⁹. Альвенслебен был весьма близок к нацистам, и можно не сомневаться, что именно по их заданию он пустил «утку», которая должна была запугать президента и его окружение и привести затянувшиеся переговоры к концу.

Что касается Шлейхера, то он, как можно судить по имеющимся документам, все еще рассчитывал на участие в будущем правительстве. По некоторым сведениям, после своей отставки Шлейхер связался по телефону с О. Вольфом, который рекомендовал ему прибегнуть, наконец, к чрезвычайным мерам: объявить осадное положение, арестовать генерала Бломберга, а самого Гинден-

¹¹⁸ Th. Vogelsang. Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 397.

¹¹⁹ F. Papen. Der Wahrheit eine Gasse, S. 250; S. Delmer. Trail Sinister. An autobiography, v. 1. London, 1961, p. 172.

бурга выслать в Восточную Пруссию¹²⁰. Проверить это сообщение невозможно, но фактом остается, что так или иначе Шлейхер не предпринял попытки осуществить эти рекомендации.

Гитлер у власти

В конечном итоге Гугенберг согласился на требования гитлеровцев, предопределив тем самым судьбу своей партии и остальных союзников Гитлера. 30 января 1933 г. Гинденбург передал власть Гитлеру. Был сделан последний шаг к воцарению в Германии кровавого террористического режима, господства наиболее хищнических и разбойничьих элементов монополистического капитала. Но оно еще не успело стабилизироваться, было аморфно и еще можно было относительно легко поколебать эту власть, устранить ее. Для этого требовались только быстрота, решительность, а главное, единство. Но лишь коммунистическая партия сделала поистине героическую попытку поднять массы на отпор государственному перевороту, совершенному господствующими классами. Ибо передача власти гитлеровцам, хотя она и была замаскирована псевдолегальностью, являлась — это признают и буржуазные ученые — грубым нарушением конституции¹²¹. В этот критический для судеб германского народа, для будущего всех народов Европы час Коммунистическая партия Германии призвала к немедленному объявлению всеобщей забастовки.

«Над Германией устанавливается кровавый, варварский террористический режим фашизма, — говорилось в воззвании КПГ от 30 января. — Массы, не допустите, чтобы смертельные враги немецкого народа, смертельные враги рабочих и бедных крестьян, трудящихся города и деревни осуществили свое преступление!.. Все на улицы! Прекращайте работу! Немедленно отвечайте на наступление фашистских кровавых собак забастовкой, массовой забастовкой, всеобщей забастовкой!»¹²² ЦК КПГ обратился к правлению СДПГ с настоятельным предложением о совместном отпоре фашистским убийцам, кото-

¹²⁰ «Frankfurter Hefte», 1956, N 3, S. 169.

¹²¹ K. Re v e r m a n n. Die stufenweise Durchbrechung des Verfassungssystems der Weimarer Republik in den Jahren 1930 bis 1933. Münster, 1959, S. 88.

¹²² «Die Antifaschistische Aktion», S. 354—356.

рые захватили власть, чтобы покончить с организованным рабочим движением. Но руководство социал-демократической партии отклонило предложение КПГ, хотя массы приверженцев СДПГ, как и 20 июля 1932 г., ждали лишь сигнала, будучи готовы преградить фашизму путь. Позиция руководства СДПГ и профсоюзов была логическим завершением всей его политики поддержки реакционных сил и непротивления наступлению фашизма.

О глубине предательства социал-демократических лидеров свидетельствуют многие документы тех дней. Вот что, например, писал «Форвертс» 31 января в редакционной статье, посвященной приходу Гитлера к власти: «Выступая против этого правительства, угрожающего государственным переворотом, социал-демократия и весь «Железный фронт» обеими ногами опираются на почву конституции и законности. Они не оставят эту почву первыми». О том же шла речь в воззвании правления СДПГ и социал-демократической фракции в рейхстаге: «Мы ведем борьбу на почве конституции... Недисциплинированные преждевременные выступления отдельных организаций или групп, предпринятые по собственной инициативе, принесут всему рабочему классу огромный вред». К «хладнокровию и рассудительности» звали трудящихся в момент установления гитлеровской диктатуры и руководящие органы профсоюзов всех направлений. Еще более недвусмысленно выражался «Форвертс» в передовой статье от 31 января, в которой речь шла о лозунге всеобщей забастовки. Газета признавала такую забастовку вполне легальным средством, но лишь для того, чтобы заявить: «Однако тактический разум говорит, что следует воздержаться от применения этого средства, чтобы рабочий класс не оказался бессильным в решающий момент. Скоро все может измениться — в наше время обстоятельства и тактика меняются очень скоро! Начинать всеобщую стачку сегодня означало бы бесцельно израсходовать боеприпасы рабочего класса».

Таким образом, и после прихода Гитлера к власти социал-демократические заправилы продолжали твердить, что «решающий момент» еще впереди. Вряд ли мыслимо более яркое свидетельство полного банкротства руководства СДПГ, его измены жизненным интересам немецких трудящихся. Не удивительно, что буржуазная печать

с большим удовлетворением отзывалась о «выжидательной позиции» СДПГ. Так, орган крупного капитала «Берлинер берзенейтунг» 31 января писал: «В то время как коммунисты активизировали подготовку всеобщей забастовки, социал-демократия как будто пока не склонна атаковать правительство иначе, чем при помощи речей, передовых статей и воззваний».

КПГ подвергла позицию социал-демократических лидеров бичующей критике. Разоблачая колоссальный вред распространявшихся ими представлений, «Роте фане» 4 февраля писала: «Это не парламентское правительство, которое уйдет в отставку, если большинство будущего рейхстага выскажется против него. Питать подобную иллюзию, как делают сегодня вельсы и лейпарты, — преступление. . . Веление момента — *разрушение* этой иллюзии, создание у всех трудящихся ясности о подлинном характере диктатуры, показ того, что в этом правительстве буржуазия сконцентрировала все свои силы для защиты обанкротившейся экономической системы». Компартия использовала в те дни все доступные ей средства, чтобы раскрыть перед народными массами звериную сущность правительства Гитлера и организовать массовые выступления против него. 30 января и в последующие дни состоялись большие демонстрации во многих крупных городах Германии, в том числе в Берлине, Франкфурте-на-Майне, Штутгарте, Мюнхене, Кельне, Лейпциге, Дортмунде и др. Портовые рабочие Гамбурга начали забастовку протеста против прихода гитлеровцев к власти. Эти выступления показали, что антифашисты не намерены сложить оружие; но они были разрозненны и не могли стать угрозой гитлеровскому режиму.

А сотни тысяч рядовых социал-демократов в эти часы бездействовали, хотя были полны желания сразиться с ненавистным фашизмом. 30 и 31 января функционеры СДПГ со всей страны находились в Берлине; они возвратились на места, полагая, что руководство все-таки отдаст приказ о борьбе. Во многих местах делались последние приготовления, имелось оружие. Но приказа так и не последовало¹²³. А на заседании руководящих органов партии 31 января Р. Брейтшейд, сделавший доклад о последних событиях, возлагал главные надежды на проти-

¹²³ E. Matthias. Zum Untergang der deutschen Sozialdemokratie. — «Vierteljahrshelte für Zeitgeschichte», 1956, N 3, S. 259—260.

воречия внутри правительства Гитлера. «Было бы глупо, — говорил он, — если бы СДПГ и рабочий класс в целом какими-либо непродуманными и поспешными действиями помешали бы процессам, которые должны развиваться в правительстве, если бы рабочий класс помог сплотиться противоборствующим в нем силам»¹²⁴. Это было теоретическое обоснование своей пассивности и капитулянтства.

Таков был конечный итог раскольнической политики социал-демократических лидеров. Одна же КПП не могла изменить конечного исхода острой борьбы сил демократии и реакции, развернувшейся в Германии начала 30-х годов. Страшная тяжесть экономического кризиса, обрушившаяся на массы трудящихся, не привела к революционизированию широчайших слоев населения. Значительная часть их вследствие раскола рабочего класса, а также из-за своеобразия положения Германии как побежденной страны стала жертвой фашистской демагогии и превратилась в резерв крайней реакции.

Решающую роль в установлении гитлеровской диктатуры сыграли силы внутренней реакции — воротилы тяжелой промышленности и юнкерство, заинтересованные в устранении всех препятствий с пути борьбы за мировое господство. Но им деятельно помогали монополии Англии и США, в классовом ослеплении содействовавшие восстановлению мощи германского империализма с целью направить его агрессию против Советского государства. Влиятельные представители правящих кругов этих стран оказывали важную политическую поддержку германской реакции, финансировали крайне правые партии и организации. Известно, например, что нацистскую партию кредитовал американский «автомобильный король» Форд, восхищавшийся расистскими идеями нацистов¹²⁵. Финансирование гитлеровцев американскими монополиями шло по различным каналам, в частности через посредство руководителя сектора иностранной прессы нацистской партии Ханфштенгля, прежде жившего в США и располагавшего там большими связями¹²⁶.

Но едва ли не наиболее важным для германских фа-

¹²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 94.

¹²⁵ K. Lu d e c k e. I knew Hitler. New York, 1937, p. 199.

¹²⁶ «Das braune Netz. Wie Hitlers Agenten im Ausland arbeiten und den Krieg vorbereiten». Paris, 1935, S. 39, 287.

шистов связующим звеном с англо-американской реакцией был уже упоминавшийся кельнский банкир Г. Шредер. Дочерние предприятия банка, совладельцем которого он был, — лондонская фирма «Дж. Генри Шредер энд К^о» и нью-йоркская «Дж. Генри Шредер бэпкинг корпорейшн» — специализировались на кредитовании германской тяжелой промышленности. Пост директора американского банка Шредеров в течение многих лет занимал небезызвестный Аллен Даллес, позднее возглавлявший Центральное разведывательное управление США, а совладельцем юридической конторы этого банка — фирмы «Салливен энд Кромвелл» был брат последнего Джон Фостер Даллес, государственный секретарь США в 50-х годах, автор политики «с позиции силы»¹²⁷. Шредер не ограничился посредничеством между Папеном и Гитлером, что, как мы знаем, имело столь большое значение для прихода нацистов к власти. В январе 1933 г. нью-йоркская компания Шредеров выступила и в качестве кредитора Гитлера. Об этом позднее, в октябре 1944 г., сообщил американский сенатор Пеппер, открыто бросивший Дж. Фостеру Даллесу обвинение в соучастии в установлении фашистской диктатуры в Германии.

Отражая настроения видных представителей «делового мира» и официальных лиц, американская и английская пресса неоднократно высказывалась за предоставление Гитлеру всей полноты власти.

Так, приветствуя создание фашистского правительства, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала 31 января 1933 г.: «Единственной ошибкой старого фельдмаршала (Гинденбурга. — Л. Г.) была его неспособность понять, что в момент увольнения им Брюнинга он должен был назначить Гитлера канцлером». Что это не случайное высказывание, видно из непосредственной реакции близких к правительству лиц еще на приход к власти Папена: «Было ясно, — сообщала тогда та же газета из столицы США, — что назначение Адольфа Гитлера было бы более популярно в Вашингтоне». А после переворота в Пруссии, осуществленного Папеном, на нью-йоркской бирже наблюдался усиленный спрос на немецкие ценные бумаги. Это, как сообщали газеты, свидетельствовало о том, что банкиры «весьма благожелательно расценивают резкий поворот в сторону диктатуры в Германии».

¹²⁷ Д. Мартин. Братство бизнеса. М., 1951, стр. 78, 98.

З а к л ю ч е н и е

Победа фашизма была тяжелым ударом не только для трудящихся масс Германии. Она вдохновила силы самой черной реакции и в ряде других стран, толкнула их на попытки захвата власти, как было, например, в феврале 1934 г. во Франции. Но последствия установления гитлеровской диктатуры этим отнюдь не ограничились; подавление демократии и уничтожение политических противников внутри страны были не самоцелью инициаторов прихода фашизма к власти, а лишь предпосылкой для осуществления подлинной их цели — подготовки реванша, явившегося первым этапом борьбы германского империализма за мировое господство. Неправильна поэтому весьма распространенная в прошлом в марксистской литературе точка зрения, согласно которой фашизм — признак слабости господствующих классов. Мы видели, что в Германии кануна установления нацистской диктатуры не имелось сколько-нибудь серьезной *непосредственной* угрозы существованию капиталистического строя, что соотношение классовых сил было крайне неблагоприятно для борьбы за взятие власти авангардом пролетариата. Выступление с подобной целью, как отметил позднее в специальном решении президиум Исполкома Коммунистического Интернационала, было бы авантюризмом¹.

Но откуда же тогда «слабость», якобы побудившая германскую буржуазию прибегнуть к фашизму? И разве о слабости свидетельствует 12-летнее господство гитлеризма, сумевшего свести внутреннее сопротивление к ми-

¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 11.

нимому — что лишь делает еще более героическим подвиг антифашистских борцов — и рухнувшего только после многолетней войны, под ударами мощной коалиции держав во главе с Советским Союзом? Подлинные хозяева страны — монополисты — издавна мечтали о том, чтобы скрутить в бараний рог всех, кто мешал перейти к подготовке новой мировой войны, не давал возможности создать элементарно необходимые предпосылки для этого. И когда в стране сложились благоприятные условия, — а буржуазия во многом создала их — магнаты капитала поставили у власти фашистскую клику, видя в ней наилучшего исполнителя своих замыслов.

Мы видели, что это произошло далеко не сразу; чтобы установить в Германии господство фашизма, понадобилось около трех лет. Но это говорит отнюдь не о слабости господствующих классов, а лишь об их осторожности, вызванной осознанием того, что Германия — страна развитого рабочего движения, имеющего замечательные традиции борьбы за демократию. Как показал опыт, опасения правящих кругов, к величайшему сожалению, оказались в немалой степени преувеличенными, и виной тому была предательская, раскольническая политика руководителей социал-демократической партии. Особенно пагально это проявилось в момент государственного переворота в Пруссии 20 июля 1932 г. Если и после того господствующие классы в течение полугода воздерживались от передачи власти нацистам, то причина заключалась не столько в усилившемся осенью 1932 г. массовом отпоре фашизму и наступлению реакции, сколько в острой борьбе отдельных группировок монополистического капитала за преобладающее влияние на управление государственным кораблем.

Следовательно, фашизм пришел к власти отнюдь не потому, что господство капитала находилось на волосок от гибели. Правда, нацисты как раз и трубили на все лады, что они, мол, «спасли от коммунизма» Германию. Но на деле произошла обдуманная — не вынужденная — передача власти в руки клики, которая, по мысли сильных мира сего, была наиболее пригодна для осуществления планов германского империализма. Конечно, в господствующем лагере имелись и другие точки зрения на перспективы дальнейшего развития; буржуазия — об этом не раз говорил В. И. Ленин — попеременно приме-

няет различные методы управления, и в ее рядах всегда есть сторонники и реакционного и либерального методов. В Германии начала 30-х годов решительно возобладали первые, ибо целей, которые преследовали монополии, нельзя было достигнуть при сохранении буржуазной демократии, при существовании организованного рабочего движения.

О том, что сулил приход фашистов к власти, было известно задолго до 30 января 1933 г., и беззастенчиво лгут те представители тогдашней правящей верхушки и их ученые оруженосцы — буржуазные историки, кто утверждает, будто «никто не мог знать» сущности гитлеризма. Документы — отрывки из них мы неоднократно цитировали — изобличают буржуазных политических деятелей веймарской Германии в прямом пособничестве фашизму. Другое дело, что нацистское господство в конечном счете оказалось направленным и против многих из тех, кто проложил Гитлеру путь к власти; их историческая вина от этого не уменьшается.

Можно ли отсюда сделать вывод, что установление фашистской диктатуры в Германии было неизбежно? Ни в коем случае! Ибо расчеты правящих кругов — это только одна сторона дела. Германской буржуазии удалось при помощи гитлеровцев привлечь на свою сторону миллионы обнищавших мелких собственников, определенное количество безработных пролетариев и т. п. Но *основную* массу производителей всех материальных ценностей — рабочих, удельный вес которых в политической жизни такой промышленно развитой страны, как Германия, был особенно высок, фашизм тогда не сумел завоевать; они являлись его убежденными и решительными противниками. То была сила — примеры были еще свежи в памяти многих, — которая могла преградить путь реакции в любых ее видах. Единственным неперемнным условием для этого была сплоченность пролетарских рядов.

Единство рабочего класса не только удесятерило бы его собственную мощь. Оно позволило бы ему отвоевать у фашизма многих представителей мелкой буржуазии, обманутых нацистской демагогией и опьяненных атмосферой подъема и успеха, которая в течение длительного времени сопутствовала гитлеровцам. А объективные условия для революционизирования широчайших масс были тогда, в обстановке глубочайшего экономического кри-

виза, благоприятны². В Германии имелась последовательно революционная партия — КПГ, уверенно расширявшая свое влияние на рабочий класс. Но не было главного, без чего отпор фашизму не мог быть эффективным, — не был преодолен раскол пролетариата, не были устранены взаимное недоверие и отчуждение в рабочей среде. Раскол помешал рабочему классу использовать в своих интересах противоречия — иногда довольно острые, — имевшиеся в буржуазном лагере. То, что делали социал-демократические лидеры, поддерживавшие одну из группировок *реакционной* буржуазии, представленную именами Гинденбурга и Брюнинга (а в дальнейшем — Шлейхера), ни в коей мере не являлось использованием разногласий господствующего класса для целей антифашистской борьбы.

Выше приводилось много фактов, иллюстрирующих чувства, владевшие тогда миллионами рабочих, будь то коммунисты или социал-демократы. Они готовы были отдать жизнь, чтобы отвести от Германии страшную угрозу фашистского господства. Немецкие пролетарии, и в первых рядах их коммунисты, в жестокой борьбе против наступления гитлеровцев явили замечательные образцы мужества и самоотверженности. Они были полны решимости дать фашизму генеральный бой. Но он не состоялся, ибо социал-демократические вожаки, сохранявшие влияние на значительную часть пролетариата, предпочли приход фашистов к власти отказу от антикоммунизма и от борьбы против КПГ.

«Установление открытой фашистской диктатуры, — говорится в «Очерке истории германского рабочего движения», одобренном ЦК СЕПГ, — стало возможно в результате раскола рабочего класса и народных сил, главную ответственность за который несут правые руководители СДПГ и профсоюзов»³. И не удивительно, что глав-

---

² Горечью проникнуты слова рабочего Зайлера из Вердау, писавшего в начале 1932 г. в Москву о катастрофическом положении германских тружеников: «Если подумать, что здесь миллионы живут на такие ничтожные средства, то следует спросить себя, как это собственно возможно, что мы до сих пор политически ничего большего не достигли». — ЦГАОР, ф. 5451, оп. 13, ед. хр. 348, л. 105.

³ «Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», S. 165.

ный урок, вытекающий из рассмотренных выше событий, заключался в необходимости во что бы то ни стало добиться единства всех демократических сил как залога победы над фашизмом. Усвоив этот урок, французские трудящиеся в 1934 г. сумели преградить путь фашистам, а в последующие годы, благодаря историческим решениям VII конгресса Коммунистического Интернационала, сплочение широчайших слоев трудового народа в единый и Народный антифашистский фронт стало повсеместным явлением. Определенные успехи в борьбе за единство были сделаны и в Германии, где в условиях глубокого подполья все более крепло стремление к полному преодолению распрей между двумя рабочими партиями. В неимоверно тяжелой борьбе против кровавой гитлеровской диктатуры зрело и сознание того, что освобожденная от фашистского господства Германия не должна вновь стать государством монополий, которые породили фашизм и смогут при наличии соответствующих условий возродить его.

После разгрома гитлеризма державами антигитлеровской коалиции эта убежденность — если говорить о германском рабочем классе — была всеобщей. Но лишь на востоке страны программа, провозглашенная коммунистической партией и воплотившая в себе чаяния трудового люда всей Германии, стала реальностью. В западных зонах, оккупированных войсками Англии, США и Франции, массовое движение за демократизацию общественной жизни, за единство рабочего класса было подавлено. Уроки событий начала 30-х годов, завершившихся приходом гитлеровцев к власти, не были здесь учтены. В Федеративной Республике Германии сохранились в неприкосновенности социальные корни, питающие крайнюю реакцию и фашизм, делая вполне реальным их возрождение, — прежде всего господство монополистического капитала. И поэтому здесь имеют место процессы, в чем-то сходные с теми, которые происходили в 1930—1932 гг. и стали прологом к установлению гитлеровского режима. Свидетельство этого — внезапный успех неофашистской Национал-демократической партии на выборах в западногерманских землях Гессен и Бавария в конце 1966 г. И вновь правительственные чиновники заявляют, будто пребывание представителей фашистской организации в парламентах «может быть полезным, если эта партия своей работой покажет, что она может и чего

она хочет»⁴. Даже некоторые органы буржуазной печати приходят к выводу, что в Западной Германии наших дней многое живо напоминает события, предшествовавшие приходу гитлеровцев к власти. Совпадают, в частности, стремительный скачок, превративший мелкую до толе группу в политическую силу, и попустительство деятельности партии — представительницы крайней реакции — со стороны властей.

Конечно, современная обстановка сильно отличается от условий начала 30-х годов. Нацизм, запятнавший себя кровью миллионов людей, скомпрометирован, и простое копирование его методов сейчас вряд ли может принести крайней реакции успех. Тем не менее последыши гитлеризма в ФРГ, чувствуя себя безнаказанными, все более наглеют, как в свое время, в 20-х годах, гитлеровская клика. Главное же, клерикально-милитаристский режим, вот уже почти два десятка лет царящий в Западной Германии, открывает широкие возможности для перехода к диктатуре, к господству самых оголтелых элементов финансового капитала, наиболее благоприятствующему для осуществления основной задачи германского империализма — ведению новой реваншистской войны.

Но в наши дни есть и другая, демократическая Германия, и в этом заключается коренное отличие современной обстановки от той, которая сложилась в начале 30-х годов. Существует и крепнет социалистическое государство рабочих и крестьян на немецкой земле — Германская Демократическая Республика, государство, в котором уничтожены социальные условия, порождавшие фашизм. Здесь стала реальностью мечта рабочих о полном единстве их рядов; вскоре после разгрома ненавистного гитлеризма произошло объединение КППГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии, хранительницу лучших боевых традиций немецкого рабочего движения. Трудящиеся Германской Демократической Республики успешно строят социализм, и это служит залогом конечной победы сил мира и демократии в масштабах всей страны. Тех, кто в 1933 г. привел к власти гитлеровскую клику, а ныне направляет Федеративную Республику Германии по пути реакции и реванша, ждет неминуемое поражение.

---

⁴ «Известия», 23.XI 1966.

Напряженная политическая борьба, происходившая в Германии начала 30-х годов, окончилась поражением прогрессивных, демократических сил. Его последствия были необычайно тяжелы. Но опыт этой борьбы, ее уроки имеют колоссальное значение. Они наглядно демонстрируют роль монополистической буржуазии и ее партий, а также социал-демократии, в торжестве самой мрачной разновидности реакции, предохраняют сторонников демократии от повторения ошибок, вытекавших из недостаточного знания того, каким опасным и изощренным врагом является фашизм.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абегг В. 70, 71
Альвенслебен В. 189
Альвенслебен Г. 45
Аретин Э. 51
Аригольц О. 77
Арним 92
- Банг П. 169
Барбюс А. 126
Бейндорф 143
Беннеке Г. 174
Берг Ф. фон 29, 170
Бергер И. 60
Бехштейн К. 14
Бломберг В. фон 39, 167, 168,
183, 184, 189
Бок Ф. фон 39
Больц Э. 98
Борке-Штаргорд Х. 44, 47
Брандес Э. 41, 43
Бранди Э. 73
Браун М. 45, 52, 89
Браун О. 34, 35, 62, 71, 73, 81,
119, 121, 122, 149, 151
Брахт Ф. 71, 73, 74, 90, 113,
149, 158, 188
Брейтшейд Р. 20, 172, 192
Брехт А. 121
Брюнинг Г. 10, 11, 13, 19, 22—
27, 29, 35—47, 50—55, 57, 62,
66, 98—101, 105, 120, 123, 137,
138, 170, 171, 185, 194, 198
Брюннек М. фон 44
Бухвиц О. 65, 77
Бюлов Б. 155
- Вагенер О. 117
Вайзман Р. 37
Вайскопф Ф. 3
Вармбольд Г. 40, 52
- Вебер Г. 78
Вейс фон 43
Вельс О. 29, 120, 121
Верман К. 143
Вильгельм II Гогенцоллерн 18,
43, 171
Вильгельм Гогенцоллерн,
б. кронпринц 32, 39, 147, 150
Вилькенс-Добрин фон 41
Вольф О. 12, 13, 148, 189
- Габор А. 128
Гайль В. фон 43, 44, 52, 56, 68,
69, 73, 89, 90, 99, 114, 149
Гален К. 97
Гаммерштейн К. фон 183
Геббельс И. 15, 26, 45, 55, 60,
81, 82, 91, 128, 131, 145, 148,
153—155, 160, 165, 166
Гейльман Э. 28
Гельд Г. 55
Гельтерман К. 63
Герделер К. 46
Гереке Г. 28
Геринг Г. 15, 91, 95, 101—103,
114, 148, 167, 184
Герлиц В. 44, 51
Гесс Р. 15, 163
Гиммлер Г. 163
Гинденбург О. 39, 45, 46, 50,
167, 189
Гинденбург П. 12, 19, 20, 24—
31, 33, 34, 39—47, 51—53, 55—
57, 69, 87—89, 91—96, 98, 99,
101, 103, 115, 122, 131, 137—
139, 142—145, 148, 149, 155,
158, 159, 161, 167—171, 179,
182, 186, 189, 190, 194, 198
Гитлер А. 14—17, 20, 22, 23,
25—30, 32—34, 38, 39, 45, 46,

- 52, 55, 63, 73, 74, 83, 87—93,
95, 97, 98, 101, 110, 115—117,
127, 130, 137—143, 146—149,
155, 157—160, 163—168, 170,
172, 173, 181—194, 196
- Гольц Р. фон дер 39
Горький М. 126
Гренер В. 19, 20, 22, 35—37, 39,
40, 162
Гржезинский А. 74, 75, 77
Гримм Г. 157
Гросс Г. 21
Гротеволь О. 65
Гувер Г. 25
Гугенберг А. 14, 16, 21, 113, 115,
137, 138, 158, 159, 171, 172,
181, 182, 184, 188, 189
Гюртнер Ф. 52, 184
- Даллес А. 194
Даллес Дж. Ф. 194
Делмер С. 37, 92
Дильс Р. 37, 70, 71, 94
Димитров Г. 93
Дингельдей Э. 138
Дитрих О. 163
Диттман В. 153
Дуисберг К. 6
Дюстерберг Т. 27, 30, 32, 143
- Зайлер А. 198
Зеверинг К. 35, 62, 68—71, 74,
75, 77, 81, 121, 122
Зельдте Ф. 171, 184
Зольман В. 119
Зорге Р. 114
- Иоос И. 97
- Каас Л. 53, 98, 138, 172
Кайзер Я. 152
Калькрейт Э. 43, 143
Капп В. 78
Каспер В. 71
Кваст В. фон 41
Кеплер В. 88, 117, 159, 163
Керль Г. 69
Кесслер Г. 54
Кирдорф Э. 12, 16, 87
Класс Г. 169
Клейст-Шмендин Э. фон 140,
188, 189
Клекнер П. 12
Кребс А. 146
- Кроне Г. 38
Круш Г. 12, 14, 52, 73
Куно В. 13
Курелла А. 60
- Лебе П. 119, 121
Леветцов М. фон 39
Лейпарт Т. 119, 151—153
Ленин В. И. 5, 110, 196
Людендорф Э. 15, 188
- Майнеке Ф. 140
Макдональд Р. 123
Маркс К. 65
Маттеоти Дж. 91
Маттиас Э. 79
Мейнсгаузен 70
Мейснер О. 44, 45, 73, 91, 139,
143, 149, 155, 166, 167, 189
Меллерс 169
Мельхер К. 74, 113, 188
- Нейман Г. 111, 112
Нейрат К. фон 51, 52, 89, 167,
182, 184
Носке Г. 81
- Ольденбург-Янушау Э. фон 42,
43, 114, 170, 171
Ордунг Э. 64
Осецкий К. фон 21, 22, 33
Остен-Варниц О. фон 170
Отт Э. 114, 146
- Папен Ф. фон 46, 50—58, 62,
64, 68—74, 77, 79—83, 85, 86,
88—92, 94, 95, 97—100, 102,
103, 105, 107, 113, 114, 116—
122, 124, 130, 134, 136, 137,
141, 142, 144, 145, 148, 149,
151, 156—161, 163—166, 168,
172, 179, 182, 184—189, 194
- Пеппер 194
Пик В. 48, 84, 108, 111, 128, 132
Пискатор Э. 21
Питцху К. 95
Планк Э. 71
Пюндер Г. 151
- Райхенау В. фон 168
Раушнинг Г. 116
Рейнгардт Ф. 143
Рейхард Э. 47
Рейш П. 143

Рем Э. 37, 92
Реммеле Г. 111, 112
Риббентроп И. 166, 167
Розенберг А. 15, 95
Роллан Р. 126
Ростерг А. 143, 166
Рундштедт Г. фон 73, 79, 80

Сект Г. фон 32, 125
Сименс Ф. фон 12
Стимсон Г. 123

Тарнов Ф. 119, 152
Тельман Э. 21, 30, 32—34, 53,
61, 66, 84, 111, 126—128, 131,
132, 141, 147, 179,
Тиссен Ф. 12, 15, 16, 22, 24, 25,
87, 143, 158
Торглер Э. 70
Торез М. 126
Тревиранус Г. 21, 28
Тухольский К. 21

Уилер-Беннет Дж. 183
Ульбрихт В. 84, 97, 111, 112,
128, 131

Феглер А. 12, 13, 143, 165
Федер Г. 23, 116
Финкенштейн К. 41
Флеминг 43
Фогель Г. 29
Фогельзанг Т. 165
Форд Г. 193
Фрик В. 90, 184
Функ В. 117
Фуше Ж. 166

Хальгартен Г. 23, 154
Ханфштенгль Э. 193
Хёгнер В. 77, 79, 146, 155
Хёйс Т. 51
Хеккер Э. 142
Хирль К. 131

Цергибель К. 81
Церер Г. 147, 163
Цеткин К. 100, 121

Циммеринг М. 180

Черчилль У. 161

Шахт Я. 117, 142, 184
Шварц ван Берк Г. 91
Шванд К. 108
Шверин-Крозигк Л. 52, 90, 182,
184

Шефер Г. 52, 89
Шефер Ф. 101, 138, 185
Шланге-Шенинген Г. 42, 47
Шлейхер К. фон 11, 19, 25, 37,
39, 40, 45, 46, 50—54, 68, 69,
71, 80, 87, 89, 92, 95, 97, 99,
113, 114, 116, 124, 137, 144—
153, 155, 159—164, 166, 168—
175, 182—186, 189, 190, 198

Шмидт Г. 171
Шмидт О. 113
Шмидтке 96
Шмитт 56
Шмитт К. 114
Шмитт К. 143
Шнеллер Э. 128
Шотте В. 88
Шпикер К. 51

Шпрингорум Ф. 143, 165
Шрайбер Г. 66
Шредер К. фон 141—143, 159,
160, 163, 164, 194

Штампфер Ф. 29
Штегервальд А. 42, 46, 171
Штрассер Г. 89, 119, 148—150,
153, 160, 171

Штраус О. 12, 13
Штюльпнагель Э. фон 39, 120,
144

Шуман Г. 128
Шютцингер Г. 79

Эберт Ф. 166
Эггерштедт О. 72
Эльц-Рюбенах П. фон 184
Эрзинг И. 171
Эррио Э. 124

Юнкерс Г. 158

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Гитлеровцы рвутся к власти	
Восемь миллионов безработных	7
Нацизм и его покровители	12
Борьба за пост президента республики	24
В погоне за массами	30
Маневры правящих кругов	35
Реакция переходит в наступление	39
В угоду гитлеровцам	45
II. На пути к фашистской диктатуре	
«Кабинет баронов»	50
«Антифашистская акция» и противники единства	59
Реакция ищет предлог для удара	67
Один офицер и два солдата	72
Следовало братья за оружие!	77
Отпор фашизму крепнет	83
Не сторговались	87
«Судебная» расправа над антифашистами	94
«Рабочий должен трудиться за тарелку супа!»	99
III. Перелом в ходе классовой борьбы	
Забастовочная борьба нарастает	104
На подъеме	109
В лагере реакции	114
Политические банкроты	118
Против милитаризма и шовинизма	123
Красный Берлин	129
	205

IV. Вопреки воле большинства народа

Как быть дальше?	136
Магнаты капитала требуют	141
Шлейхер во главе правительства	146
Фашисты в панике	153
Заговор реакции	159
Под покровом тайны	166
Коммунисты в борьбе	173
Закулисный сговор завершается	181
Упущенные возможности	185
Гитлер у власти	190
Заключение	195
Указатель имен	202

Лев Израилевич Гинцберг

Тень фашистской свастики

Редакторы издательства *Л. В. Лукашевич, Ю. И. Хаинсон*,
Технические редакторы *И. А. Макогонова, А. Ф. Федотова*

Сдано в набор 1/XI 1966 г. Подписано к печати 4/III 1967 г. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 50 000 экз. Т-03142. Тип. вак. 1334.

Цена 65 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» В 1967 г.
ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ КНИГИ
ПО ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ:

ГОРБАТЕНКО Д. Д. Тень люфтваффе над Европой. 10 л. 75 к.

ДРАВКИН Я. С. Ноябрьская революция в Германии. 30 л. 2 р. 10 к.

МЕРЦАЛОВ А. Н. Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне. 12 л. 95 к.

САЛОВ В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. 27 л. 1 р. 90 к.

ИСРАЭЛЯН В. Л., КУТАКОВ Л. Н. Дипломатия агрессоров. (Германо-итало-японский фашистский блок, история его возникновения и развития). 30 л. 2 р. 10 к.

ВОСЛЕНСКИЙ М. С. Тайный союз против Октября. (О секретных связях империалистов США и Германии в 1917—1919 гг.). 20 л. 1 р. 30 к.

ЖОГОВ П. В. Политика Германии и Австро-Венгрии в связи с Балканской войной 1912—1913 гг. 30 л. 2 р. 10 к.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ДЯКИН В. С. Коммунистическая партия Германии и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации капитализма. (1924—1928 гг.). 1961 г. 139 стр. 55 к.

ЕРУСАЛИМСКИЙ А. С. Германский империализм. История и современность. 1964 г. 666 стр. 3 р. 50 к.

КРЕМЕР И. С. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (ноябрь 1917—февраль 1918 гг.). 1963 г. 152 стр. 49 к.

ГЕРМАНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ. (Сборник статей и материалов). 1962 г. 407 стр. 1 р. 77 к.

65 коп.